Ульяна Соболева и Вероника Орлова
ПРИЗРАЧНЫЕ МИРЫ
WWW.FEISOVET.RU
Арис.
ярость непокорных
Серия Адское пламя. Книга 3

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Меня продали в рабство, когда я был ребенком. У меня отобрали все: имя, титул и причитающийся мне по праву рождения трон. Я же теперь никто. Презренный и жалкий раб Черных Эльфов. Гладиатор, которого можно пытать, сечь плетьми, продать за копейки, обменять, убить или изувечить. Но я адски хотел выжить и поэтому стал лучшим из смертников…И все, чего я жажду – это вырваться на свободу и вернуть то, что мне принадлежит по праву, любой ценой. Я - Арис Одиар и я обещаю свободу всем гладиаторам и рабам Мендемая. Мы зальем кровью эти земли и разорвем на части всю знать, посмевшую помыкать нами! Мы поставим их на колени!

•

АРИС. ЯРОСТЬ НЕПОКОРНЫХ.
Адское пламя 3
Ульяна Соболева и Вероника Орлова

[image]

КНИГА КУПЛЕНА В ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЕ WWW.FEISOVET.RU

ПОКУПАТЕЛЬ: Светлана Кузнецова (svetakezia666@mail.ru) ЗАКАЗ: #287290716 / 1-Noyab-2017

КОПИРОВАНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЕКСТА ДАННОЙ КНИГИ В ЛЮБЫХ ЦЕЛЯХ ЗАПРЕЩЕНО!

Интернет-магазин фэнтезийной литературы feisovet.ru
У нас:
сообщество современных и интересных авторов
постоянно пополняемая коллекция электронных книг
самые разные жанры – фэнтэзи, любовный роман, приключения, юмор, эротика
бонусы в виде бесплатных книг для постоянных покупателей
Приглашаем к сотрудничеству новых авторов http://feisovet.ru/avtoram

АННОТАЦИЯ
ГЛАВА 1
ГЛАВА 2

ГЛАВА 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6
ГЛАВА 7
ГЛАВА 8
ГЛАВА 9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 11
ГЛАВА 12
ГЛАВА 13
ГЛАВА 14
ГЛАВА 15
ГЛАВА 16
ГЛАВА 17
ГЛАВА 18
ГЛАВА 19

Слово от авторов:

Мы обещали вам эту историю уже очень давно, и, наконец-то, у нас появилась возможность начать этот роман, которого ждали очень многие.

Немного о героях и о мире. С Мендемаем вы знакомы, но он за эти годы изменился. Насколько? Вы увидите сами. Теперь он больше напоминает Дикий Запад или мир постапокалипсиса. Цивилизация вперемешку с полным ее отсутствием. Кое-что смертные и бессмертные из нашего мира смогли привезти в Ад. Поэтому теперь там одеваются не так, как раньше, а гладиаторы не носят набедренных повязок.

Немного о героях. Арис - сын Фиена и Шели, потерявшийся на фоне войны в Мендемае во второй части серии. О тайне его рождения знают лишь Аш и Веда. Мальчик попал в рабство к эльфам и чудом выжил в лютых условиях. Он мечтает отомстить матери, убийце отца и даже их дочери, которая отобрала то, что должно было принадлежать ему по праву. Он жаждет свободы и справедливости.

Лиат - демоница. Дочь Аша и Шели. Единственная наследница. Своевольная, дерзкая, упрямая. Владеет своей армией гладиаторов. Ее смертники (так называют гладиаторов в Мендемае) участвуют во всех боях, устраиваемых знатью в Мендемае, и обычно приносят ей победу.

Они встретятся - Арис и Лиат. Он - раб, а она - принцесса. Он - ее вещь, а она - его хозяйка. Что получится из этой встречи, вы

узнаете в книге.

Мы не обещаем вам красивой любви. Нет. Мы обещаем вам дикую страсть, замешанную на лютой ненависти, адскую жестокость (потому что это Ад) над всеми героями, в том числе и жестокость от главного героя по отношению к главной героине, насилие без границ и много крови, боли и страданий.

Но мы так же обещаем вам ХЭ.

Не страшно? Тогда погнали прямиком в Ад.

АННОТАЦИЯ:

Меня продали в рабство, когда я был ребенком. У меня отобрали все: имя, титул и причитающийся мне по праву рождения трон. Я же теперь никто. Презренный и жалкий раб Черных Эльфов. Гладиатор, которого можно пытать, сечь плетьми, продать за копейки, обменять, убить или изувечить. Но я адски хотел выжить и поэтому стал лучшим из смертников…И все, чего я жажду – это вырваться на свободу и вернуть то, что мне принадлежит по праву, любой ценой. Я - Арис Одиар и я обещаю свободу всем гладиаторам и рабам Мендемая. Мы зальем кровью эти земли и разорвем на части всю знать, посмевшую помыкать нами! Мы поставим их на колени!

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Лиат

Дверь в спальню открылась с еле уловимым ухом щелчком, босые ноги осторожно ступали по мраморному полу, раздался мерный шелест ткани. Чужое дыхание медленно приближалось в мою ванную комнату. Я закрыла глаза и опустилась обратно в горячую воду, как только носа достиг аромат знакомых духов.

- Доброе утро, Госпожа. - Эйнстрем благоговейно прикоснулся к моим мокрым волосам мягким полотенцем, промокая их и невесомыми движениями пальцев едва трогая линию лба. Улыбнулась, позволяя ему эту маленькую шалость. Не нужно открывать глаза, чтобы увидеть, какими цветами разгорается его аура в этот момент, как меняется бледно — голубой оттенок нежности в ней на более яркий – малиновый, облачаясь и вовсе в красные тона вожделения.

Мысленно потянулась к ним, касаясь невидимых ему самому потоков, плавными движениями ладоней под водой лаская их. Сейчас парень должен был всем телом ощущать прикосновения, похожие на трепыхание крыльев бабочки. Легкими ментальными движениями дотрагиваться до его лба, до скул, представляя, как

неосознанно, расслабившись, приоткрыл рот, как напряглись бицепсы его рук.

Обычно подобные проявления заинтересованности мужчин меня злили и казались совершенно лишними, но Эйнстрем никогда не позволяет себе большего. И это самое важное, что я ценила в нем. А еще больше я дорожила этой фанатичной привязанностью и иногда подпитывала ее ровно на столько, чтобы слуга понял – ему дали то, чего другим получить никогда не удастся. Его подняли так высоко, куда ни один ему подобный никогда не поднимался. Он надеялся на большее и в то же время понимал, что оно ему не светит, а я не разрушала эту иллюзию. Рано или поздно мне эта преданность может пригодиться.

Нет, конечно, вызывать в мужчинах желание, доводить их до состояния безумия, потери контроля, когда они не в силах скрыть блеск похоти в своих глазах и мыслях при взгляде на женское тело, вкусно любой женщине. Без этого невозможно почувствовать себя настоящей, живой. Особенно в нашем мире, где не существует полутонов. Без того, чтобы дразнить, намотав один конец невидимой веревки им на шею, а второй крепко удерживая в ладони. И самое большое удовольствие позволить ему приблизиться настолько, чтобы он мысленно уже касался твоего тела, чтобы он в своей голове уже рисовал самые развратные картинки с твоим участием...а после беспощадно отдалиться, не выпуская веревку из рук, смакуя момент, когда он начнет задыхаться в этой петле и молча последует за тобой, согласный на любые условия.

И вот тогда наступает пресыщение. Абсолютное пресыщение этим самым мужчиной. Ведь он проиграл в этой игре. И ты безжалостно отпускаешь веревку, позволяя ему лихорадочно глотать воздух, но не давая больше к себе приблизиться. Наиболее жалкие из самцов периодически сами снова и снова протягивают веревку, склоняя голову, готовые вечность пройти с той самой петлей на шее.

Всё же наличие яиц не всегда свидетельствует о том, что перед тобой мужчина. С такими становилось скучно сразу же. Скучно и неинтересно. Даже их эмоции были безвкусны. Слишком пресные, чтобы захотелось тратить на них свое время.

- Достаточно. - взмахом ладони отвела его руки от своей головы и почувствовала, как он вздрогнул. Усмехнулась. За абсолютную преданность и искренность Эйнстрему я могла простить всё. Даже его предсказуемость. Иногда мне казалось, я могу прочитать его мысли без особых усилий, даром что демон. Но он был слишком верен мне и моей семье, и я давно перестала играть с ним. Еще с детства. В принципе у нас был вполне себе

равноценный обмен: он был бесконечно предан мне, а я разрешала ему находиться рядом с собой, позволяла то, чего были лишены все остальные. Когда-то моя мать сказала, что стоит опасаться мужчины, безответно влюбленного в тебя. Женщина должна позволить быть рядом только тому мужчине, которого любит сама. Иначе это будет похоже на изощрённую пытку, которая не могла принести ничего, кроме разочарования обоим.

Я встала из ванной, даже не взглянув на слугу, стоявшего рядом, и прошла к огромному зеркалу гардеробной. Сегодня предстояла встреча с очень важными фигурами в мире смертных. С теми, кто не мешал Арказару существовать по своим законам.

- Как считаешь, красное или зеленое?

Эйнстрем вскинул голову и тут же отвернулся, задержавшись на бесконечные секунды взглядом на моей груди.

- Зеленое.

- Думаешь? - я отступила назад, рассматривая на вытянутой руке длинное платье изумрудного цвета из легкой струящейся ткани с довольно глубоким декольте, - Что ты разузнал о сегодняшних визитёрах?

Кинула платье на спинку кресла и открыла ящики, подбирая нижнее белье под монотонный голос своего помощника, периодически прерываемый резкими выдохами.

- Валерий Волков — новоиспеченный мэр соседнего города. Переполнен чувством собственного достоинства и непомерно большими амбициями. Молод, богат, вернулся из-за границы, где проживал с момента окончания школы, два года назад. Вернулся с целью сменить своего отца на посту главы.

- Преемственность поколений — это просто замечательно.

Эйнстрем хмыкнул:

- Угу. Особенно, если с его отцом, моя Госпожа, у вас никогда не возникало проблем.

- Этот? - приложила к груди бюстгальтер, - Или этот?

Парень кивнул на кружевную ткань в моей правой руке и тут же снова отвернулся.

- В общем, я с ним предварительно уже поговорил. Его условия: тридцать процентов от дохода, и беспрепятственный провоз товара через его территорию обеспечен.

- Увеличил на десять процентов. Шустрый.

- Я думаю, следует согласиться с ним и, - послышался злорадный смешок, - потребовать не просто проезда по его территории, но и поставки товара. Смертные — валюта, которая не обесценится никогда.

И он был прав. В нашем мире жалкие смертные были даже не едой — рабами, самым низшим сословием, непригодным даже

для утоления голода. Их трахали и ими помыкали, заставляли делать самую грязную работу. Демоны их называли между собой шлюхами на раз. Больше их тщедушные тела попросту не выдерживали. Они либо подыхали под гнётом тяжелой работы, либо же под не особо брезгливыми, потными, голодными до секса воинами.

- В таком случае разберись с ним сам. Второй?

-Второй поначалу скрывал свое имя, но нам всё же удалось его узнать — Григорий Подгорный, видный деятель искусства театра в верхнем мире. Он назначил встречу после заката солнца. Обещал, что вас обязательно заинтересует разговор с ним.

- Не тяни, Эйнстрем, чем меня может заинтересовать вампир?

- Он привез партию демонов — воинов. Пленные с эльфийских земель.

Резко развернулась к парню, вытянувшемуся в струнку.

- Ты же понимаешь, что это именно то, что я хотела услышать? Моя пропажа нашлась!

- Утверждает, что они в отличном состоянии…

- Почему же тогда они позволили пленить себя, если не избиты и полны сил? Разве хороший воин допустит позора оказаться живым в руках врага?

- Я еще не видел их, моя Госпожа. Но предполагаю, что это демоны, выросшие в плену у эльфов, ставшие солдатами остроухих не по своей воле…

- Но тем не менее сражавшиеся на стороне этих бледных ублюдков долгие годы, проливавшие кровь за их землю.

- Вы говорите о преданности и верности. Демонам не присущи подобные эмоции, моя Госпожа.

- Ложь! И ты, как никто другой, знаешь, что это ложь, которую искусно из поколения в поколения передавали верховные демоны. Но меня больше интересует, каким образом они оказались у вампира?

- Наш отряд разбил их на голову, но некоторым из воинов удалось сбежать. Правда, недалеко. Их перехватили наемники, у которых вампир и перекупил беглецов. И теперь, наслышанный о приближающихся боях, он решил предложить товар возможным игрокам. По его утверждению, моя Госпожа первой удостоилась такой чести.

Тот, кто родился и вырос в богатстве, знает, что нет ничего скучнее роскоши. Как бы кощунственно это ни казалось тем, кто вынужден прозябать свои дни в нищете и голоде. Богатство и положение налагают ничуть не меньше обязанностей, чем дают прав. Помимо основных и понятных всем, когда ты не просто вправе демонстрировать своё состояние и положение в обществе,

ты просто обязан соответствовать уровню своего окружения. А это значит – облачаться только в самые дорогие наряды, надевать на себя только самые редкие украшения, заводить самых породистых животных и рабов-мужчин. Только самых мускулистых, сильных и сексуальных, способных принести тебе своими сбитыми кулаками заветную победу в бойцовском турнире, вызвать похоть и зависть у других знатных демониц. Примерно в этом и состояло предназначение женщин нашей расы изначально: ублажать своего мужа и Господина и позволять удовлетворять себя другим мужчинам в отсутствии супруга. Тайная жизнь, о которой не распространялись в высших кругах. Те времена, когда мужчины пребывали в состоянии постоянной войны и появлялись в своих дворцах изредка с очередным завоеванным флагом, а жёны терпеливо дожидались их в гареме, прошли. Всё больше и больше женщин начинали заниматься политикой, плели интриги, выбивая лучшие места для своих мужчин и сыновей. История Шели, некогда сумевшей возглавить армию демонов, стала легендой в летописи Мендемая и своеобразным примером для женщин, чьи амбиции распространялись дальше управления наложницами.

Сейчас Мендемай принадлежал моему отцу, и до сих пор не нашлось ни одного воина, способного бросить вызову самому Ашу. Если, конечно, не считать постоянных стычек с эльфами. Но эта борьба с Балместом, ненависть к эльфам настолько въелась под кожу каждому демону, что, подобное состояние вечной войны с ними казалось совершенно естественным.

И теперь в отсутствии постоянной угрозы демоны Мендемая предавались совершенно другим утехам. По крайней мере, те, что проживали на землях, граничащих с Арказаром, городом, ставшим официальным центром разврата и похоти всего нижнего мира. И по совместительству — моим собственным городом, подаренным мне отцом.

Когда-то мысль о том, что я буду жить отдельно от него и управлять настолько важной стратегической зоной показалась ему просто абсурдной. Нет, он не боялся. Мне вообще трудно представить своего отца, испытывающим страх. Такие, как он, просто не знают этого слова и не ощущают подобных эмоций.

Ему было трудно смириться с тем, что я уеду из Огнемая, но Арказар был слишком соблазнительной и важной точкой на карте, чтобы позволить управлять им кому-то извне, а сам отец всё же не мог оставить столицу. Он наведывался в гости, и в те дни Арказар, известный своей многолюдностью и городской суетой, словно вымирал. Так бывает, когда даже в самую шумную

клетку с обезьянами вдруг входит лев. И мой лев заходил в этот город всегда на коне с гордо поднятой головой, скептическим взглядом исследуя окрестности. Его черные волосы развевались на ветру, а сильные руки крепко сжимали поводья. Глядя на него, я понимала свою мать, отказавшуюся от возможности вернуться в свой мир и оставшуюся рядом с ним. Единственный мужчина, которого я любила. Единственный мужчина, действительно достойный уважения и беспрекословного подчинения. От него веяло опасностью и мощью. Силой, которой были лишены все остальные, все те, кто находился рядом с ним. Они автоматически становились блеклыми пятнами, на фоне которых ярко выделялись его оранжевые глаза.

Как-то отец заговорил о том, что эльфы предложили прекратить войну и породниться двум семьям, прислали портрет племянника самого Балместа. Этот союз сулил окончание Бесконечной войны, как называли у нас отношения с эльфами, и заметное расширение территорий демонов. Взамен эльфы получали стратегически важные для себя земли, некогда отбитые нашими.

Но я даже слышать не хотела о подобном.

«- Подумай, Лиат. Я никогда не буду принуждать тебя ни к чему. Но ты умная девочка и должна понимать, насколько важен твой ответ.

- Отец, я говорила не раз, я выйду замуж только за мужчину, похожего на тебя. - сесть к нему на колени, обвивая руками шею и целуя щёки. - Ну, зачем мне муж, который будет слабее меня?

- Женщина нуждается в защите…

- Ты – моя защита. Ты самый сильный демон в Мендемае. Кто не испугается пойти против тебя и причинить мне вред? Я была в мире смертных и управляю целым городом. Я видела разных мужчин. Вокруг меня их десятки, сотни, отец. Но даже лучшие из них достойны лишь чести чистить твою обувь. Ты желаешь рядом со своей дочерью того, кто будет слабее нее самой?»

Он смеялся, прижимая мою голову к своей груди, и я могла вечность слушать, как бьется его сердце в этот момент.

Отец вырос во времена, когда любой демон внушал страх не столько своими способностями, сколько своей мощью. Я же изо дня в день видела, как холёные, избалованные мирной жизнью демоны Мендемая постепенно пресыщались праздниками с реками из чентьема, демонстрацией военной силы и соревнованиями рабов. Они искали всё новые и новые развлечения, и их им должна была обеспечить именно власть в городе. Заткнуть рты недовольным феерическими зрелищами. Тогда-то и были придуманы бои между пленными. Тотализатор,

позаимствованный из мира смертных. Игроки приобретали за баснословные деньги пленных воинов либо наемников и выставляли их на своеобразном ринге. Кровавое зрелище, сопровождавшееся болью и яростью бившихся насмерть мужчин, приносило очень неплохие доходы в городскую казну и непосредственно победителям. И сегодня мне предстояло выбрать очередную партию, будущих мальчиков для битья.

Встреча с Подгорным проходила в одном из театров Арказара. В театре кукол, который набирал всё большую популярность среди местных жителей. Я принесла эту идею из мира смертных. Вот только если там главными актёрами были деревянные куклы, то здесь — люди. Люди, сознанием которых управляли опытные кукловоды-демоны. Правда, моя задумка очень скоро была видоизменена, превратившись из обычного спектакля, поставленного по мотивам древних легенд и баллад Мендемая, в нечто другое, жестокое, ужасающее сами людей, но такое привычное и вкусное для населявших Арказар бессмертных. Словно в прострации люди произносили слова и совершали поступки, о которых не помнили, придя в себя. Изощрённое удовольствие довести до сумасшествия живое существо, пусть даже раба, внезапно осознавшего, что собственными руками убил своего ребенка, свою жену или брата; или смотреть, как обезумевший отец вонзает в собственную грудь кинжал, поняв, что только что насиловал малолетнюю дочь. Кукол приобретали целыми семьями, иначе был бы утерян весь трагизм спектакля. Демоны, в подавляющем большинстве своём лишённые таких чувств, как любовь или забота о своей семье, привыкшие к вечной борьбе за выживание даже с братьями и сёстрами, с удовольствием наблюдали за эмоциями людей, либо пытаясь разгадать тайну их поведения, либо же просто насыщаясь их болью.

- Госпожа действительно прекрасна, словно солнце Мендемая. - голос мужчины, опустившегося в соседнее кресло, гортанный и тихий, пронесся в воздухе, лаская мои обнажённые плечи.

- Как часто вампиру доводилось видеть солнце?

- Мое воображение рисует его таким же теплым и ослепительным, как ваша красота.

- В таком случае ваше воображение нещадно смеется над вами. Солнце Мендемая беспощаднее Дьявола.

Он усмехнулся, устраиваясь поудобнее, закидывая ногу на ногу. Его светлые волосы были распущены и спускались до плеч.

- Мне говорили, что вас трудно заинтересовать комплиментами.

Улыбнулась и повела плечом, не без удовлетворения отметив, как плотоядно вампир на него уставился.

- А мне говорили, что у вас есть нечто, действительно способное заинтересовать меня! И если мне солгали, то я предполагаю, вам обоим будет довольно нескучно провести в катакомбах следующие пару десятилетий. Предлагаю перейти непосредственно к делу. Сколькими бойцами вы располагаете?

- У меня их около десятка. Но я думаю вам особо любопытны будут семеро из них. Эльфийские воины, сбежавшие из плена после стычки с демонами. Гладиаторы, основным занятием которых было сражаться каждый день за свою жизнь и для развлечения остроухих. Каждый из них стоит, как минимум, пяти-десяти обычных демонов-воинов.

- И как же вам удалось заполучить настолько сильные экземпляры?

Вампир тихо засмеялся с каким-то чувством собственного достоинства, и я почувствовала, как зачесались клыки от желания попробовать на вкус его, сбить с него эту спесь. Мужчины низших рас зачастую ошибочно забывали о том, что даже самая маленькая демоница способна была без особых усилий осушить их до дна.

- Они сбежали после нападения отряда демонов на эльфийский лагерь. Но были оглушены наемниками. Те использовали оружие из сплава металла и хрусталя и потом, - он пожал плечами, - продали их мне. Если вы действительно надумаете приобрести их у меня, вы увидите на них цепи из аналогичного сплава. Этих ублюдков можно удержать только подобным образом. Каждый из них способен разнести с десяток себе подобных. Борьба - их образ жизни.

- Вы так усердно набиваете цену, Григорий, что я начинаю сомневаться в том, что они действительно достойны суммы, которую вы называли моему помощнику. Давайте не будем тратить моё и ваше время, и вы мне наглядно продемонстрируете, на что способны эти гладиаторы.

Он самодовольно ухмыльнулся, и я сжала кулаки, царапая ногтями ладони. Тише, Лиат, такой посредник тебе действительно не помешает. Кто знает, как часто тебе придется покупать бойцов.

Блондин не солгал. Гладиаторы действительно поражали своей силой, аурой опасности, которая, казалось, окружает каждого из них. Они заметно выделялись на фоне остальных пленных воинов, как и на фоне добровольцев, изъявивших желание участвовать в соревнованиях.

***

Медленно ступаю по раскалённым углям, глядя поверх плеча на бойцов, вытянувшихся в шеренге. Шаг за шагом, и не потому что больно, но потому что нужно показать им, кто их хозяйка. Кому принадлежат не только их жалкие жизни, но и их мысли. Преданность и страх. Вот что должны испытывать рабы к своей Госпоже. И не важно, что из чего произрастет. Прежде всего, они должны бояться. МЕНЯ. Уважение придет к ним тогда, когда они поймут, что перед ними не очередная самка, покупающая себе мускулистое, неутомимое животное с большим членом, а амбициозный игрок, не желающий проигрывать сражения на арене и готовая заплатить за это любую цену. Вплоть до того, что выкупит их всех, а в живых оставит только одного – самого подходящего на ее взгляд. Они еще этого не знают, зато знают все остальные. А эти…эти наслышаны о похотливых хозяйках, скупающих себе новые игрушки. Они никогда не вызывали во мне уважения – высокородные шлюхи, раздвигающие ноги перед ничтожествами. Перед этими безымянными отбросами, которые потом рассказывают, на кого и когда взобрались и сколько дуций за это получили. К рабу можно прикасаться лишь в трех случаях: первый – ощупывая товар, второй – плетью и третий – вырывая ему сердце за непокорность. Иногда можно позволять им вылизать подошву сапог или целовать твои следы, но никак не больше. Пока они это поймут, их станет на четверть меньше. Иногда я продавала их своим «подругам» на одну ночь или на неделю. Чаще в наказание, чем в удовольствие – удовольствий им хватало, и я заботилась, чтобы семя не било им в мозг, поставляя в казармы лучших шлюх Мендемая. Иногда они «из гостей» не возвращались – богатые извращенные демонессы по-разному утоляли свои потребности. «Продать на ночь» для многих означало увечья или смерть. Это было одно из наказаний, помимо других, которым подвергались гладиаторы за непослушание. Я была единственной женщиной, которая владела армией гладиаторов в Мендемае, и я должна была показать своим солдатам, что могу быть хуже любого надсмотрщика мужчины.

А пока что они смотрели на меня похотливыми взглядами. Возможно, многие из них будут вспоминать этот момент сегодня ночью, мастурбируя в палатке и представляя, как их допустят до хозяйского тела. Вспоминая, как стоял на коленях на обжигающей кожу земле, не смея поднять глаз, но наблюдая исподтишка за своей госпожой и надеясь на особые призы, если принесут ей победу. Они были слишком открыты для меня, чтобы я не знала, о чем эти ничтожества думают. Скоро они узнают, что я не такая, как жены их прошлых хозяев, и это знание достанется им дорого.

Я снова обвела их взглядом - два десятка сильных, обученных воинов, которые самодовольно поигрывают стальными мускулами, бросая похотливые взгляды, исходят слюной, замирая, как только я прикасаюсь к тугим мышцам накачанных рук. Самые низменные, самые грязные мужские фантазии, которые можно прочесть подобно открытой книге. Только я с детства любила книги, которые лежали закрытыми на самой высокой полке в библиотеке матери, поэтому не разворачиваясь, махнула рукой, отсеивая большую часть демонов и отправляя их на каменоломни. Рычание и отчаянно разочарованный вздох, и я еле сдерживаю раздражение, боль под ногами постепенно поднимается выше, вызывая желание поскорее закончить с осмотром, заставляя жалеть, что не позволила Эйнстрему самому провести эту процедуру.

Один из демонов вдруг поднял голову и нагло подмигнул, тут же получив ощутимый удар по спине шипованной плетью от надсмотрщика и, упав вперед на локти, взревел от неожиданной боли, попытавшись встать. Еще один взмах рукой, и несчастного увели, удерживая за поводок и толкая в спину – на корм моим церберам. Через пару минут раздались дикие вопли боли, а я пожала плечами, ослепительно улыбнувшись остальным, их лица вытянулись, и в глазах появился тот самый, правильный, блеск - удивление с легким страхом. Скоро их сменит раболепное поклонение и безмерное уважение. Они получат свой кнут и пряник в полной мере и будут готовы сдохнуть, чтобы получить последнее. В который раз осмотрела стройные ряды воинов, пока не столкнулась со взглядом холодных серых глаз, ледяными искрами пронзивших кожу. Единственный, кто стоял, не склонив голову. Пусть закованный, но словно равный мне. И теперь мне, наконец, стало интересно. А это значит, что парень практически обеспечил себе место в моей армии.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Арис. Лиат

Эйнстрем с какой - то ненавистью прикоснулся к звеньям цепи, обмотанным вокруг шеи одного из пленных. Невольно улыбнулась: несмотря на свою несомненную красоту, он заметно уступал в мощи каждому из бойцов, стоявших перед нами, что, однако не мешало ему тщательно изучать их, твёрдым голосом спрашивая имена.

Прислонилась к колонне, не отрывая взгляда от того самого демона. В отличие от остальных, он не отличался здоровенными, словно накачанными воздухом, мышцами. Гораздо более худой и подтянутый, он походил на опасное животное в клетке. Оно уже

давно не мечется в неволе, даря обманчивую уверенность в своей покорности. Но стоит вам расслабиться, стоит только приблизиться достаточно близко, как оно совершит свой молниеносный прыжок. Такие обычно внушают неконтролируемое чувство страха даже воинам в несколько раз больше себя по комплекции. И почему-то я подумала о том, что худощавый запросто мог при желании каждого из тех, кто уже стоял передо мной на коленях, опустить ещё ниже, заставить вылизывать подошвы своих сандалий. С одной стороны, это, безусловно, привлекло, вызвав интерес к его персоне. А вот с другой, захотелось показать ему, кому на самом деле принадлежит власть в этом ангаре…в этом городе.

Его тело было напряженным, налитые мускулы перекатывались под смуглой кожей. Словно уже готовится к прыжку, к нападению на любого, кто всё же осмелится приблизиться. Достаточно было взглянуть в его глаза, чтобы увидеть, что там, на дне серого взгляда можно найти собственную смерть, но не повиновение. Невольно замерла, позволив себе окунуться в этот вызов в каждой линии его тела.

Парень всё так же стоял, не склоняя головы и сверля меня взглядом. Чувственные губы искривила насмешливая ухмылка.

Эйнстрем подошел к нему и зычно рявкнул, ударив плетью пол перед собой:

- Смотри мне в глаза ублюдок! Твое имя!

***

Я достаточно долго ждал этого момента, чтобы сейчас не наслаждаться происходящим, меня мало волновало, что там говорил этот плебей с хлыстом в руках. Даже если и ударит, то для меня это словно прикосновение перышка. Не потому что это не больно, а потому что привык к свисту стали и шипам, раздирающим кожу. Для смертника нужно что-то посильнее и пострашнее, чем хлыст. Впрочем, те кто дрались со мной плечом к плечу, не боялись уже ничего. В какой-то мере это и делает тебя неуязвимым. Это отличает простого бессмертного от воина-раба. Нам нечего терять – мы уже все давно потеряли, но нам есть за что убивать тех, кто у нас все отобрал. Ради этого мы все живем. Кто-то уже знает об этом, а кто-то еще не осознал, и я здесь именно за тем, чтобы каждый из смертников понял, ради чего ему нужно побеждать и становиться еще сильнее.

И я сам смотрел на нее и понимал, что ДА! Этоо дочь Аша собственной персоной. Достаточно наслушался о ней, чтобы не спутать с кем-то другим. Правда, представлял себе немного иной. И дело не в красоте. За годы моей жизни я насмотрелся на разных

женщин. На все оттенки самой ослепительной красоты. И Лиат, несомненно, была одной из самых красивых женщин из всех, кого я видел, но не это заставило меня смотреть на нее, не моргая. Она источала силу. Не уверенность в ней, а именно власть и силу. Аура ярко-красного цвета - война. Девочка привыкла к ней, и даже ее кожа пропиталась запахом крови. Никакой похоти или вожделения, когда рабов выбирают скорее для постели, нежели для ринга. Именно к такому привыкли мы все, и наши победы на ринге были пропорциональны победам в постели наших господ. Проигрывать нельзя нигде, и иногда твоя судьба решается далеко не на арене, а между ног очередной высокородной шлюхи. Лиат, моя так называемая сестрица, нас оценивала, как опытный воин, а не женщина. И мне нужно, чтобы она купила меня и не в коей мере не передумала, иначе этот вонючий ублюдок вампир-перекупщик продаст меня еще кому-то, а это не входило в мои планы. Не затем я бежал от эльфов, рискуя своей жизнью и подставляя своих собратьев, чтобы сейчас проиграть.

Плебей с хлыстом щелкнул им снова в воздухе и прервал мои мысли:

- У гладиаторов нет имен. Только клички.

Ответил я, не переставая смотреть ей в глаза - очень темные, почти черные, и я мог поклясться, что вижу в них языки пламени. Тоже смотрит на меня и смотрит давно. Ей нравится то, что она видит, иначе отвела бы взгляд. Красивые глаза, очень глубокие, я попробовал погрузиться в них глубже, но меня не пустили, и взгляд вспыхнул яростью.

- Выбираешь сильного воина? Или ищешь нечто иное...Госпожа...?

Обратился именно к ней и слегка прищурился, ожидая реакции на мою наглость. И она последует, я не сомневался. Последует и удивит, потому что с ней такое себе вряд ли кто позволял. И тут я либо проиграю и сдохну прямо сейчас, либо это станет моей первой победой.

***

Его дерзость разозлила и развеселила одновременно. Он однозначно понимал, что и кому говорит. Почему-то подумалось о том, что он заранее просчитывает не только свои ходы, но и предполагаемые ходы противника. Один из моих учителей был из мира смертных, и он говорил, что самая сложная битва – не та, которая ведётся на поле боя, а та, которая выстраивается за занавешенными шатрами, на столах, укрытых картами. Он заставлял меня долгие часы просиживать за игрой в шахматы.

- Не смей говорить с Госпожой, пока тебя не спросили! -

Эйнстрем ударил его снова плетью, и я невольно восхитилась реакции воина. А точнее, полному её отсутствию. Словно он настолько привык получать удары и похлеще этого, что не позволял ни одной мышце своего тела вздрогнуть, выдать боль. А, впрочем, вряд ли эльфы церемонились с пленными демонами. Парень продолжал смотреть прямо в мои глаза, прищурился в ожидании ответа, и я впервые почувствовала, что хочу, действительно, очень хочу узнать его имя. И не только потому что, назвав его, он добровольно признает своё первое поражение.

Подошла к нему и, забрав плеть у слуги, остановилась напротив хама.

- Госпожа ищет нечто большее..., - медленно очерчивая рукояткой рельефные мышцы груди, - чем просто воина, - спускаясь к животу, на стальные кубики пресса, не отрывая взгляда от его лица, - нечто большее, чем просто, - еще ниже, ощущая, как напрягся воин, как изменилось его дыхание, - наглый кусок дерьма. У меня нет времени, парень, и, если ты не хочешь, чтобы я сама дала тебе имя, назови свое. Только имей в виду, что в детстве своих кукол я называла только женскими именами. Знаешь, почему? Потому что мужчина, который не называет своего имени и рода, добровольно отдаёт другим возможность управлять им.

Отступила назад, внезапно ощутив угрозу, исходившую от него. Что-то слишком темное, что - то, что я не успела поймать за хвост, выскочило из глубины его взгляда, скользнуло совсем рядом и тут же исчезло, и пленный снова едва заметно расслабился.

***

Почувствовал, как вздулся рубец на спине, и усмехнулся. Боль. Привык и люблю ее ощущать. Ничто не дает настолько почувствовать себя живым, как эта сука-боль. Мы с ней давние любовники, и у нас полная взаимность: я ей даю себя иметь и имею ее в ответ, насмехаясь над тональностью и силой. Пока я еще ни разу не проиграл ей, и от этого она любит меня еще сильнее.

Я не отвел взгляд, а продолжал держать внимание Принцессы. А вот и реакция - сделала шаг навстречу и, как там, на плацу, куда выставили всех рабов, грациозно подошла ко мне вплотную. Я скользнул взглядом по упругому телу, затянутому в изумрудное платье, и подумал о том, что ей подошло бы красное. Алое, как кровь, к этой золотистой коже и темно-каштановым волосам. Взгляд задержался на груди и опустился ниже, к плоскому животу и тонкой талии, а потом и к стройным ногам.

На секунду в голове вспыхнуло видение, где она обхватывает этими ногами мой торс, и тут же исчезло. Потому что она прекрасно знает, какую реакцию вызывает у мужчин, и пользуется этим, а я не хочу быть похожим на тех голодных кобелей, которые ее окружают и исходят слюной от одной мысли о том, что она прячет между ног. На самом деле там все, как и у других женщин, разве что подороже. Ухмыльнулся своим мыслям, и в этот момент демоница провела рукояткой плети по моей груди, продолжая смотреть мне в глаза. Она говорила, а ее прикосновения были достаточно ощутимыми, чтобы не отреагировать на них, но в тот же момент возбуждения не было, скорее, напряжение. Я уже давно вышел из того возраста, когда встает просто на красивую девицу, пусть и такого ранга. Кроме того, в ее глазах тоже не было возбуждения.

- Наглый кусок дерьма. У меня нет времени, парень, и, если ты не хочешь, чтобы я сама дала тебе имя, назови свое. Только имей в виду, что в детстве своих кукол я называла только женскими именами. Знаешь, почему? Потому что мужчина, который не называет своего имени и рода, добровольно отдаёт другим возможность управлять им.

- У меня нет рода и нет имени, я – раб с самого детства. Некоторые гладиаторы, с самыми устрашающими именами, пищали как девочки, когда им отрезали яйца. Как бы ты меня ни назвала, не имя славит воина, а воин славит свое имя.

Пока говорил, на секунду представил, как сжимаю её горло когтями, вспарывая вену, и как расширяются её зрачки от боли, пока я жру её кровь и жизнь... Высокомерная сука. Я поставлю тебя на колени и довольно скоро.

- И если Госпоже так хочется, то я готов доставить ей удовольствие и носить любую кличку, - резко подался вперед, - Придумывай сама. Наслаждайся.

***

Улыбнулась в его губы, едва сдержавшись от того, чтобы не отступить назад. Ублюдок! Впервые в жизни у меня появилось это мимолётное желание. И вызвало другое – желание заставить отступить его самого. Или более того – не просто отступить, но и опуститься на колени. Ведь это моя территория, и он лишь мой раб, моя собственность, которая не должна увидеть даже толики моего замешательства. Не страха, нет. Я инстинктивно чувствовала, что должна его бояться, что он и есть воплощение страха, но пока что ощущала лишь интерес, адреналин, взорвавшийся в венах от последних слов. Так

многозначительно...Не сказал ничего особенного, но тон его голоса, то, как изогнулись уголки его губ, вызвало непонятный трепет в районе желудка.

- О, ты даже не представляешь, сколько наслаждения я планировала получить от тебя.

Отступила, поворачиваясь к Эйнстрему и показывая рукой на троих воинов.

- Этих отведи в их " покои", - усмехнулась, поймав самонадеянный взгляд одного из рабов - а его, - кивнула головой в сторону хама, - верни вампиру. Мне нужны бойцы, а не клоуны. Смех - развлечение мира смертных. В Аду готовы платить только за слёзы и кровь.

***

Сука! Ловкий блеф, но я оценил. Поиграем. В твою игру, в мои мы начнем играть, когда я буду полностью уверен в том, что являюсь гладиатором дочери Верховного Демона.

Клоун? Ты совершенно права - я буду развлекать тебя ровно до тех пор, пока не решу, что настала моя очередь развлекаться. Только тебе вряд ли понравится.

Она отвернулась, словно потеряв интерес, а я отчетливо произнес ей в спину то, что она от меня ждала:

- Арис. Ты можешь называть меня - Арис. Мне было бы безумно жаль, что все твои планы могут рухнуть только из-за того, что я не назвал своего имени.

Она резко обернулась, а я звякнул цепью, сбрасывая с нее стражников, как надоедливых псов.

- Планы насчет наслаждения. Не люблю разочаровывать красивых женщин....

***

Моя первая победа над ним. Щёлкнула языком, мысленно проговаривая его имя в голове. Мне оно понравилось. Арис. Оно ему шло. Пять букв в бесконечность Почему-то подумала именно о ней, застыв в бездне его взгляда. В нем скрывалось столько тьмы, что вместить ее могла только бесконечность.

- Впечатлил. Еще один плюс в твою копилку. Помимо имени, конечно, - подошла к нему вплотную и повернулась к слугам, - Можешь забрать остальных Эйнстрем.

Молча смотреть ему в глаза, исследуя каждую черточку лица, мысленно касаясь пальцами крепко стиснутых челюстей и пухлых

губ в неизменной ухмылке. Интересно, как их изменяет улыбка. Не кривая усмешка, полная чувства собственного превосходства, а простая, самая обыкновенная улыбка. Умеет ли он вообще улыбаться? Воин, демон, выросший в стране кровного врага. Вряд ли. И тут же злость на саму себя. Потому что впервые появились подобные мысли. Сколько их было в моей армии? Таких же бойцов. Сильных, отчаянных, готовых принести мне победу даже ценой своей жизни. И никогда не хотелось запомнить ни их лиц, ни имён. Ничего не хотелось. Потому что они были лишь моей собственностью. Безгласной, бесправной, безымянной. Отвела глаза от его лица, думая о том, что всё же нет. Вот такого, как этот, с такой волей к жизни во взгляде еще не было. Проклятье! Как может настолько сильно веять свободой от того, кто вырос и пробыл в плену всю свою жизнь? Наверное, именно это и влекло к нему…нет, не влекло, пока только заинтересовало в нём.

Позади хлопнула дверь, возвещая о том, что мы остались одни, если не считать моих стражников - истуканов, стоявших за спиной бойца.

- Арис...А-ааарис, - обошла его по кругу, наматывая на ладонь звенья цепи, на секунду прикрыв глаза от ощущения холодного металла на своей коже и указательным пальцем чертя горизонтальную восьмерку на его спине.

Привстала сзади него на цыпочки, с досадой отметив, что ниже мужчины на целую голову, если не больше, и прошептала в ухо:

-Мне нравится твоё имя, Аааааарис. И твоя смелость. Но пока, - слегка отступив назад, чтобы не коснуться его спины грудью, - это единственное, что мне в тебе нравится. Постарайся расширить этот список до следующего боя.

Обойти его, теперь вставая прямо перед пленным и, выпустив когти, провести рукой по груди, оставляя царапины, шумно вдыхая запах его крови. К ничтожествам можно прикасаться только так – наказывая, доставляя боль. Оттолкнула его от себя, другой рукой натянув веревку, с удовлетворением глядя, как наполняются бешенством его глаза:

- Ты - мой раб, запомни. И не позволяй себе более того, что я позволяю рабам.

***

Она тоже оценила свою победу, впрочем, мы оба изначально понимали, что именно так и будет. Вот только с одной большой

разницей - я знал, кто передо мной, и вполне оценивал своего противника, а она пока видела перед собой только раба.

Повторяет мое имя, а меня воротит от того, что она так раскатывает его своим голосом, слишком нежным для такой сучки, как она. Я бы предпочел, чтобы она придумала мне кличку. Стала за моей спиной, и я напрягся от прикосновения острого ноготка к разгоряченной после палящего солнца коже. Зашептала на ухо, и я невольно почувствовал желание резко обернуться и схватить за горло, чтобы не подходила со спины, но сдержался, стараясь дышать ровнее. Провела ладошкой по моей груди, и, да, дышать стало сложнее, все же шлюх у меня не было довольно давно, а я не железный. Усмехнулся - такая же, как и все. Озабоченная богатая сучка, которая совмещает выгоду от боев с грязным развратом, трахая своих гладиаторов. Управляет ими с помощью похоти. Кнут днем и пряник по ночам в виде ее роскошного тела. Впилась ногтями в мою грудь, раздирая плоть и заставляя стиснуть челюсти от резкой боли. Вот так-то лучше, но эрекция не ослабевала, а стала сильнее...Меня возбуждало то, как она медленно разрывала мою кожу.

Натянула цепь, а я посмотрел ей в глаза и сдерживая ярость тихо сказал:

- Так как ты управляешь рабами, Госпожа? Силой или держишь их за член? Что у тебя получается лучше? Дашь возможность сравнить...эмммм... расширить список иными достоинствами?

Я понимал, что за это может последовать жестокая порка, но я так же видел этот нескрываемый интерес в ее глазах. Ей нравилось, ее удивляло, ее озадачивало. Ей перестало быть скучно…а ведь это дорогого стоит, да, сучка?

***

Улыбнуться ему в лицо, в который раз за этот недолгий разговор. Но отец всегда учил меня, что сопернику нужно показывать свои зубы, но не склоненную голову. Эти слова с грязными намеками...в Мендемае никто не позволял себе так разговаривать со мной. Ненависть, зависть, похоть или благоговение - те эмоции, к которым я привыкла. И никогда эти эмоции не были чистыми, все они были разбавлены страхом. Скорее, даже представляли собой своеобразную смесь из ужаса и других чувств.

Но этот мужчина...от него волнами исходили ненависть и похоть. Впрочем, последнее объяснялось просто: он был рабом, и один только Дьявол знает, как долго у него не было женщины.

- Нельзя управлять рабами, которыми уже управляет похоть.

Я предпочитаю метод кнута и пряника. Слышал о таком, эльфийская игрушка? Сегодня твой счастливый день - день пряника. Будь хорошим мальчиком, перестань нарываться, и никогда не узнаешь, каким бывает мой кнут.

Отступила от него и направилась к двери. Повернула голову через плечо к охранникам.

- Приведите ему шлюху. Завтра бой, я хочу, чтобы он думал о том, как убить соперника, а не как его трахнуть.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Арис. Лиат

- Моя Госпожа, ваш конь уже готов.

Эйнстрем недовольно поджал губы, тем самым показывая, насколько моя идея с прогулкой сегодня кажется ему абсурдной. Закатила глаза, проходя мимо него и легонько поцарапав ногтями плечо. Он вздрогнул, напрягшись и опустив глаза, следуя за мной к своеобразной конюшне во дворе Цитадели.

- Что расскажешь о моих воинах?

- Один из них всё еще валяется на своей лежанке, восстанавливаясь после встречи с ...некоей Госпожой…, - он благоразумно промолчал, не называя имён и памятуя о том, что даже у мрачных стен Цитадели, оставшейся позади нас, есть уши. Пусть даже звуки наших голосов перекрывались громким фырканьем лошадей и недовольным топотом копыт.

То и дело раздавались утробные звуки, отдаленно похожие на рычание, что говорило о том, что животные устали стоять в стойлах и хотели размяться.

Склонила голову набок, останавливаясь возле стойла и многозначительно посмотрев на Эйнстрема, гордо вздернувшего подбородок вверх.

- Астарооооот, - улыбнулась, протягивая руку к могучей шее животного и поглаживая её ладонью. Конь радостно и в то же время требовательно заржал, мотнув головой. Казалось, можно обжечься от одного только прикосновения к нему. Настоящая лава под кожей растекалась и бурлила там, куда я дотрагивалась. Пропустила между пальцами серебряную гриву, снова и снова любуясь тому, как она переливается, яркий контраст с иссиня-чёрной мастью животного.

- Красаааааавец, Астарот. Ты ж мой красавец, да? - Конь оскалился, нетерпеливо вставая на дыбы и стуча передними копытами по деревянной поверхности.

Эйнстрем засуетился, открывая стойло, не забывая опасливо оглядываться на фыркавшего жеребца. Не смогла сдержать

улыбку, мне иногда казалось, что Астарот намеренно пугает бедного парня. К слову говоря, Эйнстрем не из слабого десятка. В свое время он даже участвовал в боях и выигрывал. Но Астарота невозможно было не бояться. Как и его отец, Люцифер, он наводил ужас даже на бывалых наездников.

- Отец подарил мне его с тайной надеждой, что я соглашусь на ту кобылу, что он мне привел ранее, - конь склонил голову, касаясь мордой моих волос, и я могла поклясться, что он признается в том, как соскучился.

- Помню, моя Госпожа. Как и то, что в итоге та кобыла досталась мне. - сухо перебил друг, отходя на расстояние в негласно установленные между ними три шага. Ближе к себе Астарот не подпускал никого, кроме меня и отца.

- Она была довольна неплохая, Эйнстрем, не ворчи.

- Она была лошадью, а не бездушным убийцей, от нее именно это и требовалось.

Аш называл моего коня "Зверем", а я видела в его красоте и мощи неприкрытую силу, способную сбить с ног кого угодно. Много лет назад эта сила добровольно опустила голову, позволяя оседлать себя маленькой девочке, признавая своей хозяйкой к досаде и одновременно гордости отца.

Он отдал мне его с условием, что никто больше не сможет оседлать жеребца, и мой красавец не подпустил к себе ни одного из лучших воинов самого Аша, нападая на них и едва ли не бросаясь мощной грудью на мечи.

И сейчас я вспоминала о другой силе, такой же могущественной и манящей, но закованной и клеймённой, в отличие от Астарота, так и не признавшей над собой Господина.

- Ты не рассказал мне про второго воина. Понравился ему мой подарок?

На какое-то мгновение я даже подумала, что всегда сдержанный мужчина смачно сплюнет, выругавшись. Хотя, судя по его глазам, мысленно он всё-таки парой крепких слов приложил пленника. Но Эйнстрем лишь покачался на пятках вперед-назад, заложив руки за спину. Самый верный признак того, что он раздражён.

- Гладиатор пренебрег вашим даром, выставив рабыню за дверь.

Сердце почему-то замерло от понимания того, что он не спал с той шлюхой, которую приказала отправить к нему. Я была уверена, что он предпочтет снять напряжение, наверняка,

скопившееся после пленения, и тут же появилось мерзкое ощущение досады на собственную радость.

- Ну, добей меня, скажи, что он еще и голодовку объявил.

- Нет, моя Госпожа. Ублюдок жрёт всю поставляемую еду подчистую. - Отлично, парень понимает, что ему нужны силы для поединков, а значит, следующие мои победы не за горами, - Более того, вчерашнюю девушку он предварительно возбудил, насытился ее эмоциями и только после этого выдворил.

***

Цитадель, на долгие месяцы погрузившаяся в траурное молчание, сегодня ревела диким зверем. Его многоголосый голодный рёв сотрясал мрачные стены, вызывая дрожь предвкушения у любого, кто восседал на скамьях, расположенных вокруг арены. И пусть мендемайское солнце осталось за толщей мраморных стен, продолжая убивать всё живое, сжигая их дотла, здесь, в окружении холодных серых камней, жар будто расстилался по стенам языками адского пламени. Казалось, его можно увидеть в бликах, отбрасываемых стальными мечами, услышать его треск за каждым лязгом скрещиваемых орудий.

Цитадель взревела в очередной раз, и я невольно вздрогнула, глядя в самый центр круглой арены, огороженной своеобразным частоколом из костей побежденных воинов, каждое звено которого было украшено безглазым черепом.

- Хорошшшш, ублюдок. Только посмотри на него, Лиат. - Тирана склонилась к моему уху, едва не выдохнув, когда один из бойцов отпрыгнул назад и, пригнувшись, вдруг резко ударил нападавшего на него соперника мечом прямо под ребра. Огромная лысая глыба пошатнулась, шумно вздохнув, но парень не дал ему очнуться и, точным ударом ноги отбросил его на спину и, эффектно подняв правую руку, явно играя на публику, вонзил сталь прямо в сердце противника. Вздернул руки вверх в победном жесте и повернулся в мою сторону, нагло ухмыляясь. Длинными окровавленными пальцами провел по своим губам, оставляя ярко- алые следы и оскалился.

- Я.ХОЧУ.ЕГО. - Тирана впилась пальцами в мое запястье. - Демоны Ада! ты только посмотри, какой он...Это тело...Только представь, оно, наверняка, способно обслуживать свою Госпожу в течение долгих часов.

Я поморщилась, высвобождая свою руку.

- Я куда с большим интересом представляю, как эта самая Госпожа в течение долгих месяцев будет вымаливать прощение у

своего мужа только за подобные мысли.

- Я не поверю, что ты не попробовала его! ЛИАТ! Ну, давай, солги, что тебя и он не возбуждает!

Пожала плечами, скривившись от визгливого окрика. Благо, царивший вокруг многоголосый шум не позволял услышать наш разговор.

- Не возбуждает.

Глядя на то, как он проводит плечами, как стекает кровь по его предплечью, закрашивая алым огненный цветок на его коже. Он словно специально не вытирает ее, готовый скрыть свой позор собственной. Впрочем, не сказать, чтобы я испытывала какие-то муки совести. Скорее, невероятное удовольствие от понимания, что этот грациозный, сильный, безжалостный зверь принадлежит теперь мне. И не только потому что я заплатила за него кучу монет. Золото, камни, бумажки, меха - всё это не более, чем вещи, неспособные удержать действительно свободные личности. Но жизнь...Теперь его жизнь напрямую зависела от моей, и любая попытка сбежать грозила ему мучительной смертью.

Ариса увели, как и другого моего бойца. Из семи в финальную часть соревнований вышли только двое. Тела остальных со временем обязательно вернутся на этот ринг, но уже в качестве забора.

Через некоторое время нам предстояло уехать в Арказар, где и пройдут основные бои за звание лучшего игрока и самого сильного бойца. Попрощалась с Тираной, пообещав ей устроить очную ставку с Офри, воином - добровольцем, оказавшимся на целую голову сильнее многих гладиаторов, участвовавших сегодня в играх. Несмотря на то, что она настаивала именно на встрече с Арисом. Но почему-то эльфийского парня отдавать ей не хотелось. Он мне...казался интересным, и до тех пор, пока не утолю свое любопытство, пока не вскрою тот ореол тайны, которым был окутан даже воздух вокруг него, он будет принадлежать только мне. Даже несмотря на то, что мы с ней говорили о принадлежности разных видов. Её свело с ума его гибкое, быстрое тело, меня же, скорее, манило то, что скрывалось внутри.

Только спустилась в подвал, подошел разъяренный Эйнстрем, матерящийся сквозь зубы. Увидев меня, запнулся и склонился в поклоне, но сразу же взял себя в руки и вскинул голову кверху, не скрывая своего гнева.

- Госпожа, я настаиваю на наказании для этого подонка!

- Что он еще натворил?

Вопроса, о ком речь, даже не возникало.

- Выродок едва не убил Офри. За него отвалено кучу денег, предлагаю выпороть прилюдно мерзавца.

- Они оба обошлись мне достаточно дорого, Эйнстрем, чтобы ценить их драгоценные шкуры в равной мере. Я разберусь с ним. Где второй?

- Забрали к лекарям.

- Хорошо. Иди, распорядись о ванной для меня.

- Моя Госпожа, я позову охранников.

- Зачем? Теперь он сам не позволит никому причинить мне вреда. Иди, Эйнстрем, приготовь мне воду. Сражались они, а грязную кровь мертвых на себе чувствую я.

Мужчины чувствуют соперников на инстинктивном уровне. Каким-то шестым, десятым чувством. Даже если соперник только-только начал интересовать женщину. Даже если женщина и не принадлежит ни одному мужчине.

Эйнстрем скрипнул зубами, но, поклонившись, направился вверх. А я распахнула тяжелую дверь подвала, заходя внутрь. Инкуб стоял, опершись о меч, и смотрел прямо в мои глаза. Демонстративно взглянула на его плечо и улыбнулась, поймав отблеск ненависти в стальном взгляде.

- Решил отметить победу, полакомившись мясом Офри?

***

Я посмотрел, как уводят Офри, и вытер пот с кровью со лба тыльной стороной ладони.

Сам не понял, как сорвался. Ублюдок начал говорить о Балместе и нравах в его казармах, намекая, что все гладиаторы остроухого подонка педе***ты, и я очнулся уже тогда, когда приставил меч к его горлу. Я бы всадил лезвие ему в зад, а потом отрезал голову, если бы не эти плебеи-стражники, прибежавшие на шум.

Им конечно было по хрен на задницу Офри, но потерять бойца, который только что вместе со мной уложил дюжину демонов, они не могли. Слишком накладно для их хозяйки, да и за свой зад они опасались куда больше. Особенно этот молчаливый урод, который ходил за моей сестрицей по пятам, роняя слюни. Интересно, он ее трахает или она водит его за нос, как и всех остальных идиотов, которые её окружают?

После бойни все еще гудел адреналин в висках и хотелось продолжения пиршества. Я нажрался крови демонов, и меня распирало от желания порвать еще парочку на ошметки. С того момента, как эта сука приказала выжечь на мне клеймо, я

довольно плохо себя контролировал.

Когда-нибудь я срежу эту дрянь и скормлю ей, когда она будет ползать под моими ногами голодная и полумертвая. Но только после того, как насажу на кол голову ее драгоценного папочки, а мамочку запру в той самой башне, в которую Руах Эш когда-то высылал надоевших ему шлюх-любовниц. Там ей самое место. Я мог понять все, что угодно, я мог простить ей и замужество, и нарушенную клятву о престоле и любовь к младшему ребенку. Родителям многое можно простить, если понимать, что они тебя любят. Пусть паршиво, пусть как-то небрежно, но любят. Даже самки животных дерутся за своих зверенышей, не давая их в обиду. Но меня даже не искали. Я вспоминал свой плен день за днем с того самого момента, как меня выкрали. Сколько дней мы провели в вонючей повозке на рынке под носом у Мендемаевской стражи, сколько постов проехали, сколько простаивали на постоялых дворах, и никто меня не искал, никто не выслал погоню. Меня волокли в горы около года. Вот сколько времени занял перевоз выкраденных демонов в обход постов и проверок, объездными дороги и пешком через мертвые пустыни. Я помню, как плакал по ночам и звал ее. Как надеялся, что меня найдут, еще долгие годы. Как прислушивался к шуму подъезжающих повозок и топоту лошадей, жадно вглядываясь в ворота замка Балместа, цепляясь изодранными в кровь пальцами в решетки. Я не верил Ибрагиму. Он говорил, что никто за мной не придет, а я не верил. Но об этом потом…не сейчас. Не хочу, чтоб воспоминания омрачили удовольствие от яростного выражения лица моей Хозяйки – ведь я только что чуть не лишил ее ценного приобретения.

Усмехнулся, почуяв издалека. Уже доложили о драке, или решила проведать того, кто принес ей победу и золото? Конечно, доложили. Плебей побежал к ней в ту же секунду в надежде, что меня казнят или, по меньшей мере, выпорют, да так, чтоб встать не мог пару недель. Я убью его первым, едва сброшу со своих рук кандалы. Я думаю, он об этом знает – читает по моим глазам и уже опасается.

Лиат вошла в помещение, раздвинув полог, и я на секунду перестал думать. На гребаную, проклятую секунду меня вышибло из реальности, потому что умом можно понимать что угодно, но глаза, блядь, все же видят. Мужские глаза.

Она была в красном. Как и там за ареной. В самом охрененном ярко-алом платье с золотыми стразами. Прозрачном настолько, что я видел ее ноги, живот и округлые бедра. Посмотрел на треугольное лицо, в глаза и опять почувствовал,

как меня затягивает в этот взгляд. Как я зависаю и перестаю думать, когда рассматриваю темную радужку с тонкими оранжевыми языками пламени на дне зрачков. Того самого пламени, в котором утопает цветок на моем плече... И оцепенение спало, я выпрямил спину, продолжая следить за ее плавной походкой пантеры и отвечая на ее вопрос после продолжительной паузы.

- Всего лишь закрыл рот зарвавшемуся ублюдку.

Смотрит на моё плечо намеренно долго и с едким триумфом. Довольна тем, что связала меня по рукам и ногам без веревок и цепей. Но не знает, насколько для меня омерзительно это клеймо. Истинное омерзение. Мог бы – я бы выгрыз его оттуда зубами.

Обошла меня со всех сторон, а я повернул голову сначала в одну сторону, затем в другую. Не боится оставаться наедине со мной. Самоуверенная.

- Довольна победой?

- Довольна. Победой. Но не тобой. - Пожала плечами, подходя ко мне еще ближе, - Не стоит портить то, что принадлежит мне, инкуб.

Подошла слишком близко, и я невольно снова посмотрел на ее роскошное тело под платьем – да, я извращенец, и мне по хрен, что она моя сестра. Я бы отымел её с особым наслаждением, прекрасно осознавая этот факт. И тем позорней и больнее было бы убийцам моего отца. Впрочем, у демонов не особо церемонились со степенью родства, очень часто глаза закрывались на узы крови ради чистоты брака.

Я посмотрел ей в глаза и слегка прищурился.

- А ты хочешь быть довольна именно мной?

Игнорируя замечание.

***

- Наааааглый. Наглость хороша только в том случае, когда скрывает что-то большее. - поймала его взгляд и прикусила губу, ощутив невольное удовлетворение от его реакции, - Тебе есть что скрывать, боец, помимо очевидных, - оглядела его снизу вверх, - плюсов?

***

Проследил за тем, как она прикусила губу, и почувствовал резкое возбуждение. Очень едкое и острое. Мгновенная ярость за реакцию, потому что знаю, кто она такая. А она не знает и играет со мной в свои обычные женские игры, которые работают со многими другими. И со мной работают, зачем лукавить с самим

собой? Меня возбуждает ее запах, взгляд и чувственный изгиб губ. Возбуждает порода и аура секса, исходящая от нее. Она соблазняет осознанно. Одна из ее игр – заставить раба восхищаться и вожделеть. Но сейчас перед ней инкуб, и для меня соблазн не игра, а моя сущность.

- Ты можешь проверить сама всё, - подался вперед и прошептал ей на ухо, - что, как тебе кажется, я от тебя скрываю.

***

Отшатнулась от неожиданности, ощутив так близко его запах. Слишком близко. И этот хриплый шёпот, от которого мурашки поползли по коже.

- Поверь, инкуб, если я захочу, я проверю.

Провела пальцами по его руке, только по окрашенному в мои родовые цвета рисунку, отметив, насколько горячая у него кожа, словно распаленная солнцем.

- Нравится новая татуировка? - Обвела кончиками пальцев очертания цветка. Как всегда, душу наполнили гордость с щемящей нежностью. И впервые не появилось чувство отвращения при прикосновении к мужчине, к невольнику. Наоборот, какое-то злорадное удовольствие в очередной раз напомнить этому зарвавшемуся воину, кому он теперь принадлежит. До конца своей жизни.

- Герб моего отца, пленник. Самый известный и самый сильный знак, которому мечтают принадлежать тысячи и поклоняются миллионы.

***

Это была вторая победа, когда она отшатнулась. Слишком хорошо понимал, что Лиат далеко не из тех, кто способен испугаться. Что-то другое оттолкнуло ее от меня, и я готов был сжать ее тонкую шею и сильно давить, пока не пойму, что именно. Точнее, я почувствовал страх, но она не боялась в общепринятом смысле этого слова. Ее напугала моя близость.

Коснулась пальцами моей руки, и по телу прошла волна дрожи. Захотелось одернуть руку и оттолкнуть ее на хрен. Чтоб не прикасалась.

Но я даже не шелохнулся, пока тонкие пальцы обводили огненный цветок на моем плече, посылая по венам электрические разряды, и что-то в ее взгляде заставило внутри все сжаться...Смотрит с любовью на проклятый цветок и думает о том ублюдке, который лишил меня детства и матери, который сделал меня рабом. Ублюдке, который подарил ей то, что ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ!

- Думаешь это и есть предел мечтаний?

Я схватил ее за руку и дернул к себе:

- Что ты можешь знать о мечтах, если твои всегда исполняются?

Схватил за горло неожиданно и сильно сжал, приближая к ней лицо, в миллиметре от ее губ, - Знаешь, о чем мечтает раб?

Другой рукой провел по ее груди, цепляя большим пальцем сосок. Она глотает воздух, но крикнуть не может и сделать ничего не может, ведь я могу сломать ей позвонки, а потом прирезать прямо здесь, но мы оба знаем, что я этого не сделаю, - Думаешь раб мечтает о вкусной еде? О роскошной шлюхе, такой как ты, чтобы ублажала его по ночам и брала своими королевскими губами его член, мечтает ласкать ее грудь под шелками, трахать ее и вдыхать запах ее тела? Мечтает подыхать под знаменами своих Господ ради забавы? - вторя своим словам, я сжал ее сосок намеренно не сильно, а перекатывая между пальцами, дразня и лаская, - Нет, - выдохнул ей в губы слыша, как разрывается ее сердце, - Раб мечтает о свободе! И ему плевать, какого цвета то знамя, под которым он умирает! Для него - это цвет смерти!

***

Когда резко притянул к себе, выдохнула от возмущения и неожиданности. Ещё никто и никогда не позволял себе такую дерзость. Те же, кто пытались сделать подобное, умирали в страшных муках, висящими на воротах Арказара, скормленные живьём стервятникам. Но сейчас…сейчас я растерянно застыла. Потому что его прикосновения...они обжигали. Нет, они сжигали дотла кожу, и мне казалось, я чувствую его нервными окончаниями. Когда даже осторожные движения отдают болью. Когда касания пальцев вспарывают плоть острее стали ножа. И странная дрожь охватывает тело. Появившаяся откуда-то снизу, пробегает, подобно разрядам молний по позвоночнику вверх, заставляя выгнуться от странного удовольствия.

Смотрю в его глаза и вижу самую настоящую ненависть, разбавленную дикой похотью. Чеканит слова, но говорит их не мне, а себе. Выросшая среди самых сильных демонов Мендемая, я вижу в его взгляде бездну, которую не видела ни у кого больше. Бездну, по краям которой языками пламени поднимается ярость и жажда мести.

И меня утягивает прямо к самому краю пропасти. Утягивает его мускусный запах и близость сильного тела, его губы, которые произносят слова, будто зачитывают какой-то приговор. Прикусить язык до крови, чтобы не застонать, когда сжал сосок, когда впился пальцами в шею. Не отрывая взгляда от медленных

движений губ. Наваждение, которое спадает с последними его словами. Скатывается вниз, освобождая плечи, отпуская разум. И чистая злость на мужчину, позволившего себе большее, чем просто любоваться издали. Злость на себя, потому что передо мной стоял и не мужчина вовсе, не равный, а раб.

Вцепилась в его запястья, выпустив когти.

- В Мендемае всем плевать на мечты рабов. В Мендемае рабы существуют для того, чтобы исполнять чужие мечты.

Резким движением погрузить ладонь в его грудь, удовлетворенно зашипев, когда он от неожиданности отпустил мою шею.

- Ты существуешь до тех пор, пока мечтаю я. Под знаменем моего отца. Мой тебе совет, инкуб: никогда не забывай про это.

Вынула руку, отходя назад, стараясь унять дрожь, которая всё еще не отпускала. Глядя, как ненависть из его глаз выплескивается вокруг, витает густым туманом в воздухе.

- Не ты первый, не ты последний, затаивший злобу на своих господ.

***

Такой взгляд чувствуешь сразу кожей. Инстинктивно, на уровне собственного опыта. Она дрожит от моих прикосновений и смотрит на мои губы, как завороженная...Да, девочка, я инкуб, и когда я говорю, ты начинаешь дрожать от возбуждения. Это уже моя сущность.

Вспорола мою грудную клетку, а я резко вздохнул, впуская боль. Такую привычную и ядовитую, как и ее взгляд, в котором она спрятала свое волнение. Именно смятение, позволившее на долю секунды понять, что вот так ее трогали впервые.

От последних слов я расхохотался и, прежде чем Лиат успела понять, что я сделаю, снова привлек к себе, впиваясь пальцами в длинные волосы и набрасываясь на ее губы, кусая за нижнюю, проталкивая язык поглубже. Отстранился так же неожиданно и прижал ее руку к своей окровавленной груди, к месту раны, которая уже спела затянуться.

- Запомни, я существую, только потому что я так решил. И это не имеет ничего общего с твоими мечтами...но одну из них я, пожалуй, исполню дважды.

Снова набросился на ее рот, сжимая сильно за волосы, продолжая удерживать маленькую горячую ладонь на своей груди, и снова оторвался от ее губ, тяжело дыша и чувствуя, как от этого вкуса темнеет перед глазами.

- Тебя наконец-то поцеловали...Ты ведь раньше не позволяла, верно? Одинокая маленькая принцесска, которая даже не имеет

право на поцелуй, пока ее не продадут примерно так же, как и простую рабыню на благо отечеству.

И расхохотался, выпуская ее руку.

***

Мерзавец расхохотался, а уже через секунду мои губы обожгло поцелуем. От неожиданности замерла, ошарашенная, распахнув глаза, позволяя кусать губу, позволяя ему исследовать рот языком, ощущая, как сотни, тысячи иголок словно проникли под кожу, заставляя цепенеть, чувствовать, как задрожали пальцы от желания впиться в темные волосы, притянуть ближе его голову. Вдруг резко отстранился и схватил за руку, а я лишь успела подумать, что, если бы не сделал этого, я бы упала на колени. Смотрю в его глаза и понимаю, что пламя в них уже пляшет какой-то странный танец, затягивает все глубже. Его губы...влажные, слегка опухшие, растягиваются в дерзкой улыбке, и он тут же набрасывается с поцелуем, лаская и одновременно до боли кусая. И я закрываю глаза, впервые пробуя на вкус его губы, осторожно проводя по ним языком, ощущая, как сжались соски, как странной болью потянуло в низу живота.

И снова отстраняется, а мне хочется закричать, что слишком рано, что я не распробовала. А потом его слова, как ушат ледяной воды на голову...Но это именно то, что нужно, чтобы отрезвить. Чтобы не забыть, что передо мной всего лишь пленник, ничтожный раб, жизнь которого только вчера обошлась мне всего лишь в несколько сотен монет. Десяткам мужчин, более сильных и достойных, не было позволено даже поцеловать мои руки, а этот мерзавец сейчас смотрел на меня с триумфальной улыбкой, словно на какую-то шлюху, равную себе. И что больше всего разозлило – он имел все основания для этого.

Омерзение к нему, к самой себе прокатилось по коже холодной волной, смывая остатки мимолётного безумия, и я вытираю губы, глядя ему в глаза.

- Скорее, осквернили...Словами...и действиями.

Обошла его и, быстро наклонившись, подняла меч с пола.

- Не позволяла, верно. Впрочем, можешь не обольщаться, что в наше время значит поцелуй раба?

Провела острием меча по его груди, царапая кожу.

- Я смотрю, ты возбудился? Ты заслужил разрядку. Но за свой проступок ты заслужил наказание. Непростая задача, не находишь?

Приблизилась к нему вплотную, чувствуя, как от этой

близости снова начинает покалывать тело иглами возбуждения. Думая о том, чтобы быстрым поцелуем вернуть ему его же вкус. Не позволить остаться на своих губах. Наваждение какое-то…И тут же понимание - это не более чем его сущность инкуба. Не стоит придавать большего значения моей реакции на мерзавца.

Заставить себя отстраниться от него и быстрым шагом к двери, отвернувшись, чтобы не увидеть его взгляда.

- Вскоре нам предстоит непростая дорога в Арказар, и ты будешь в моем сопровождении. Ты же хочешь жить, раб? И не позволишь никому убить свою Госпожу? А я в знак своей «признательности» за верную в дальнейшем службу вне очереди разрешу приводить тебе одну из лучших местных шлюх…но потом. Вначале расплата. Ты же умный мальчик, Арис? – остановилась, повернув к нему голову, - ты же понимаешь, что заслужил своё наказание. И ты понимаешь за что именно!

Распахнуть дверь и улыбнуться, ожидаемо увидев за ней своего помощника.

- Пятьдесят плетей, Эйнстрем. Прямо сейчас. И пусть повисит до рассвета на цепях.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Арис

Я заметил его задолго до того, как он подошел ко мне. У инкубов есть одна особенность чувствовать изменение цветовых оттенков ауры любого из живых и неживых сущностей, населяющих Мендемай. Его я чувствовал лучше всех, потому что люто ненавидел. Ненавидел так, как только умеет ненавидеть ребенок. Для меня оттенки Верховного демона были черными, как мои эмоции к нему, как смерть, которую я жаждал ему подарить. Я понимал, что мне попадет за то, что влез на военный полигон, но я никого и никогда не боялся. Это не хвастовство и бравада. Во мне напрочь отсутствовало чувство страха перед кем бы то ни было. Может быть, это изъян, дефект, но факт остается фактом. Единственное, чего я тогда боялся – это того, что моей матери причинят боль, ее слез и ее смерти. Я боялся, что нас разлучат. И лишь поэтому я был готов чистить их вонючие сапоги, намазанные свиным жиром. Когда меня впервые схватили за шиворот и швырнули в ноги одному из командиров Аша, я не отказался от работы, но, глядя в желтые глаза демона, прошипел:

- Настанет день, когда вы все будете чистить сапоги моим солдатам. Запомни мое лицо, когда-нибудь именно в моих глазах ты увидишь свою смерть.

Меня ударили рукоятью кнута по лицу, а я сплюнул кровь на

песок и продолжил чистить его сапоги. Я выполнил свою работу на отлично, и мне даже дали кусок тухлого мяса, завернутого в пергамент. Церберам и то давали куски посвежее.

Я смотрел как Верховный Демон приближается ко мне пощелкивая таким же кнутом, как и у командира. Я сжал свой деревянный меч обеими руками, следя за движениями демона и готовый в любой момент впиться в его лицо клыками. Может быть, я бы уже давно, как дикий зверь, набросился на Повелителя и, скорей всего, сдох бы, но меня сдерживало лишь одно – моя мать, и то, как это чудовище поступит с ней, если я его разозлю. Наивный…тогда я и не представлял, что моей матери, в отличие от меня, будет наплевать на мою судьбу. Она уже сделала свой выбор. И ублюдок от инкуба стал помехой и напоминанием о собственной измене своему хозяину. Моя мать нашла способ выжить – избавиться от меня. Точнее, она позволила чтоб из меня сделали игрушку для остроухих тварей.

- Что делаешь здесь? Тебе не сказали, что сюда приходить нельзя?

Я не отвечал, я лишь прикидывал, что лучше сделать: впиться ему в глаза или смыться отсюда. Но это было бы слишком просто и трусливо, а я не хотел, чтобы он считал меня трусом. Сын Фиена – не трус и не подлая тварь, сын Фиена – воин и никого не боится, даже смерти.

- Тренируюсь, — проворчал себе под нос и повертел мечом, повторяя действия воинов на тренировках.

Демон усмехнулся, а у меня от пронзительной ненависти к убийце моего отца по телу прошла дрожь презрения. Ничего, придет день, когда усмехаться буду я, сидя на его троне.

- Для чего? Обороняться от церберов?

- Нет, чтобы, когда вырасту, убить тебя.

Приподнял одну бровь. Не ожидал. Да. Запоминай эти слова хорошенько, ведь я все же однажды вырасту, а Арис Одиар никогда не бросает слов на ветер. Одиар – ненависть. Так меня назовут позже в плену у остроухих. Пока что я не имел фамилии, как и мой отец. Инкубы-воины не носят фамилий они завоевывают свои прозвища в бою.

- Неужели? Планируешь заколоть меня своим деревянным ножиком?

- Нет, я заколю тебя хрустальным мечом и освобожу мою маму. Я знаю, что она здесь. Ты схватил ее и не отпускаешь. Только откуда ты взялся? Ведь ты мертвый!

- Иногда мертвые снова становятся живыми. Думаешь, когда вырастешь, сможешь противостоять мне?

- Я уверен в этом. Я — воин. Мама всегда так говорила.

- Убьешь меня, а что потом?

- Буду править Мендемаем, она сказала, что я рожден для этого, и что этот город будет принадлежать мне.

Демон расхохотался. Он смеялся долго, запрокинув голову, и его хохот пульсировал у меня в ушах едкой ненавистью. Хрустел на зубах, как красный песок, и горчил во рту привкусом, который никогда не пройдет. Разве что я запью его кровью Аша.

С матерью я больше не виделся. Она уехала с НИМ, а меня оставила в казармах. Даже не попрощалась со мной. Тогда я верил, что она не могла. Тогда я любил ее до болезненного фанатизма и больше собственной жизни. Я мог ради нее сто раз умереть и вырвать себе сердце, чтобы она жила и никогда больше не плакала. Она была единственной, кого я когда-либо любил, когда еще умел любить. Мне снился по ночам ее запах и ласковые руки, ее голос, напевающий мне колыбельные, ее голубые глаза, наполненные любовью ко мне и слезами. Я так тосковал по ней.

Но уже в плену, став намного старше, я начал понимать, какой лживой была ее любовь ко мне. Такой же гнилой, как и все твари в этом проклятом мире, выстроенном на костях смертных и бессмертных. Я должен был это понять, еще когда продали Шай. Я видел, как один из надсмотрщиков провел в шатер к рабам перекупщика в длинном полосатом балахоне и черным от постоянного пребывания на беспощадном солнце лицом. Тот приблизился к девочке с огненными волосами, смотрел на нее спящую какое-то время, а потом сунул мешок с золотом надсмотрщику и, зажав Шай рот своей черной ладонью, утащил ее из шатра. Больше я ее не видел никогда. Тогда я еще не понимал, куда ее увезли. Сейчас…сейчас я не завидую ее участи. Женщинам-рабыням намного тяжелее выжить в страшных условиях плена, чем мужчинам. Потому что их ждет только одно – нескончаемое сексуальное насилие, от которого они умирают пачками. Я лично видел, как вывозят трупы несчастных из-за ворот дворца и скидывают в ров.

Я плохо помню тот день, когда Огнемай сожгли дотла из-за нападения Черных эльфов. Наверное, от того, что все полыхало огнем и было непонятно, кто есть кто и с кем дерется. Для меня что эльфы, что демоны были врагами, и мне было наплевать, сколько их сдохнет. Пусть вырежут друг друга начисто. Когда чужие псы грызут друг друга, нужно лишь наблюдать со стороны и надеяться, что они понесут невосполнимые потери, чтобы тебе осталось добить тех, кто останется в живых. Мне было не наплевать лишь на одно – победа эльфов означала, что я нескоро увижу мою мать. Я тогда ждал, что она вернется. Я надеялся на

это и мысленно звал ее к себе. Я еще не понимал, что увижу ее через много лет и она…она меня не узнает.

«- Мамочка, забери нас отсюда, забери, мне страшно! Они тебя били, мамаааа? Давай уйдем, пожалуйста! Здесь холодно и ветер воет ночью. Они говорили, что убьют нас, если ты не придёшь. Но я сказал, что придешь обязательно.

- Да, мой хороший, обязательно. Я бы не смогла не прийти за тобой. Всегда помни об этом.

- Я так люблю тебя, мамочка.

- Я тоже люблю тебя, безумно люблю тебя, Арис».

Она солгала, подло и отвратительно солгала своему собственному сыну. Она за мной не пришла, и она меня не искала. Я вспоминал эти ее слова почти каждый день. Сначала с тоской и со слезами, потом с надеждой и горечью, а потом с ненавистью и привкусом песка воспоминаний на зубах. Кто-то плачется о предательстве любовницы или шлюхи, так вот это ничто в сравнении с той болью, когда предает тот, кто должен любить тебя абсолютно и безоговорочно, тот, кого так же абсолютно и безоговорочно любишь ты. Самое светлое и святое, что есть в жизни каждого – мать. Любое предательство по сравнению с этим предательством ничто.

Мои внутренности выжгло до костей, и даже те обуглились, когда я понял, что стал сиротой при живой матери, что стал рабом, будучи сыном королевы Мендемая, что я голодаю, пока она распивает чентьем и вкушает яства с королевского стола, что я сплю на тюфяке из опилок, пока она нежится на перине рядом со своим венценосным любовником. Я – сирота, а она родила от него дочь – принцессу всего Мендемая. Правда, об этом я узнаю намного позже.

Детей в Огнемае почти не было. В этом мире дети вообще редкое сокровище. Меня увезли с первыми же обозами в сторону Тартоса. Лишь тогда я понял истинное значение слова рабство. По сравнению с тем адом, который начался для меня здесь, пребывание в Огнемае было сказкой. Все же для любовницы Верховного демона делали исключение и относились ко мне более или менее сносно. Я так и не смог назвать ее «шлюхой верховного», язык не поворачивался. И я бы убил каждого, кто ее бы так назвал, и, тем не менее, я прекрасно понимал, кто она такая и за какие заслуги жила во дворце. В рабстве взрослеют рано. Так рано, что у свободного смертного или бессмертного встали бы дыбом волосы. У бесправных нет возраста. Всем

плевать, сколько тебе лет. Если ты вышел из младенчества, стоишь на своих двоих, и на тебе можно пахать или подкладывать тебя под господ, с тобой именно это и сделают. Никто тебя не пожалеет.

Первый же перекупщик, который стащил с меня одежду и осматривал как скот, сказал, что я буду либо красивой и дорогой шлюхой, либо сильным воином и от меня зависит, что именно я выберу. Тогда я плохо понимал, что значит быть красивой шлюхой, но понял через несколько дней, когда моего соседа по клетке надсмотрщики отымели прямо при мне. Он был старше лет на шесть. Подросток. Сейчас я уже не помню его имени, да и называл ли он мне его вообще. Я смотрел, как три здоровенных мужика насилуют двенадцатилетнего мальчишку, как называют его маленькой сучкой и суют в него свои толстые члены, и меня рвало на пол вонючей похлебкой, которой нас накормили с утра. Именно тогда я понял, на что способны взрослые мужчины, и что именно мог проклятый демон делать с моей матерью, удерживая у себя во дворце. О, я все еще мечтал ее освободить из рук монстра… и не понимал, что для этого я должен буду стать монстром сам. А когда я им стал, то она перестала быть для меня матерью. У монстров нет матерей.

Мальчишка не дожил до утра, когда они ушли, он разодрал свою окровавленную робу на длинные полоски и повесился на решетке. Я ему не помешал и не остановил. Тогда я уже точно знал, что, скорее, сдохну, чем позволю сделать с собой то же самое. Я смотрел, как он конвульсивно дергается в предсмертных судорогах и как течет моча по его ногам, и не позвал надсмотрщиков. Когда он замер и его взгляд остекленел, я почувствовал облегчение и какую-то извращенную радость – он им больше не достанется никогда. Он обрел свою свободу. Пусть и такой ценой.

Я просидел в клетке с трупом несколько дней, чувствуя, как он разлагается и рассыпается в прах у меня на глазах, как от жары распухает его кожа, и как мерзко жужжат вокруг него мухи, ползают по его лицу и по телу. Мне не было страшно. Я, наверное, уже тогда получил свою первую порцию персонального безумия. Ночью лежал и смотрел в темноту, а его тело раскачивалось на сквозняке, и верхняя планка решетки скрипела. Но уже тогда я понимал, что бояться надо живых. Я пел колыбельную моей матери нам обоим и смотрел на ступни его ног раскачивающиеся на ветру. Потом я буду долго видеть их перед глазами и вспоминать, что эти твари с ним делали при мне, и как он смотрел мне в глаза, когда засовывал голову в петлю. Он не мог говорить – ублюдки разорвали ему рот.

Трое суток сосед провисел со мной рядом. Ровно столько, сколько нас не кормили и не приносили чистой воды – мы лакали из мисок, прибитых к полу. Карантин перед распродажей на рынке. Рабов кормили лишь перед торгами. Не хотели за два дня переводить на них еду. Мне не дали ни крошки за то, что не позвал на помощь, когда смертный раб повесился.

- Мелкий гаденыш! Дай мне кнут, Гар!

- Не порть товар, Дао! Не трогай мальчишку! Он слишком мал. Испугался, видать. Мелкотню и так не покупают. Испортишь – вообще никто не позарится, придется кормить за наш счет еще несколько лет.

- Пусть вылижет мои сапоги, и я его пощажу. Слышь, ты, звереныш, а ну-ка на колени.

Подошел ко мне и схватил за шиворот, всматриваясь в мое лицо.

- А он смазлив. Личико как у девчонки. Интересно он везде такой красивый? Я бы пощупал.

- Мал еще. Тебе мало этого дохлого смертного? Хочешь испортить и демоненка?

- Тогда пусть вычистит мне сапоги языком. Давай, лижи!

Я харкнул ему в рожу, зная, что мразь не вытерпит и изобьет меня. Я предпочитал, чтоб меня высекли, но на колени перед этой безродной падалью я не стану.

Меня избили железным кнутом с хрустальными шипами. Так я получил свои первые шрамы. Я хорошо их запомнил. Потому что меня повесили рядом с мертвецом в такую же петлю, и, пока я дергался и задыхался, надсмотрщик хлестал меня по всему телу. Конечно, я не умер потому что, в отличие от человека, телепающегося рядом, я все же был бессмертен. С каждым ударом кнута я взрослел. Терпел, стиснув зубы, и понимал, что меняюсь. Что внутри меня что-то горит и воняет дымом. Скорей всего, жалость и остатки человечности, доставшиеся от моей когда-то смертной матери.

- Сучонок, ори! Проси пощады, засранец!

Но я лишь тихо постанывал, кусая губы до крови, но не попросил его остановиться. Я, скорей бы0 позволил содрать с себя кожу и мясо, чем унизиться и взмолиться.

- По лицу не бей! Следы останутся - Гарен с тебя и с меня шкуру спустит. И так не досмотрели одного.

В тот день меня не продали и не продадут. Несколько лет я проработал на шахте из-за никчёмности, как считал мой первый хозяин Гарен, продавший меня низшему эльфу. Я ни на что не годился, слишком был щупл и мал. И он решил, что я могу на него поработать, таская камни в телегах, а потом и махая

молотом, пока не сдохну от ядовитых испарений хрусталя, который мы добывали из недр вырубленных нами пещер. В какой-то мере это спасло меня тогда от участи моего соседа, потому что мальчишек продавали в основном на потеху. На шахте умирали даже бессмертные. Мы дышали жидким ядом. Кто послабее начинал разлагаться изнутри. А слабыми были все – нас паршиво кормили и не давали отдыхать. За любую провинность стегали кнутами. На моей спине не осталось живого места. Она была вся изрыта старыми и свежими рубцами, как и плечи, и икры, и грудь. Но в основном, удары приходились на спину, если надсмотрщикам казалось, что мы медленно работаем. Я помню, как к нам привезли партию новеньких. Один из них был бывшим гладиатором с одной рукой – ему отрубили ее по плечо в последнем бою, после которого он стал непригоден, и хозяин продал его на каменоломни, а точнее, на медленную смерть – лучше бы прикончил его на арене, но тогда нельзя было поиметь за раба еще пару золотых. Видать, было мало того, что он приносил, рискуя своей жизнью, раньше вместе с победами. Помню, как впервые почувствовал внутри это дуновение ледяного урагана ненависти к рабовладельцам. К тем, кто возомнили себя выше нас. Ярго рассказывал нам о боях и о великих гладиаторских сражениях рассказывал, что гладиаторы живут иначе и даже могут купить себе свободу. Он подарил мне надежду.

Я сбежал с шахты один. Не помню, сколько мне было тогда лет. Я перестал считать годы, когда понял, что моя мать все равно меня здесь не найдет, да и возраст не имел никакого значения – раб был рабом с пеленок и до самой смерти. И его использовали, как только можно использовать живую игрушку или вещь, пока она окончательно не развалится или не рассыплется на кусочки. Бегство в Арказар означало шанс на новую жизнь. Шанс на то, что меня могут заметить. Интуиция инкуба не подвела. Я дал себя изловить у самых ворот Арказара, и поймал меня не кто иной, как Ибрагим. Бывший управляющий Аша, изгнанный демоном и сбежавший к Эльфам. Хитрая паршивая лиса, сделавшая свои ставки на мою жизнь и свободу.

- Упрямый маленький ублюдок довольно силен. Посмотри, какие у него зубы, Шенгар, а мышцы? Война у него в крови. Это говорю тебе я, Ибрагим.

Демон усмехнулся, сверкая острыми зубами, трогая мою грудь и предлагая меня одному из самых крупных рабовладельцев эльфов. Остроухому низшему ублюдку, поставляющему товар ко двору Балместа.

- Худой и немощный. Сдохнет при первой же тренировке. А

ты слишком долго продавал шлюх, чтобы помнить, какими должны быть гладиаторы.

- Он демон-воин, а перекупщик, который отправил мальчишку на шахты, явно об этом не знал. Я подобрал пацана полуживого: или эльфы избавились от него, или он сам сбежал. Думаю, все же он сбежал сам. Да, шельмец?

Шенгар снова перевел взгляд на меня и схватил за подбородок, изучая цепким взглядом работорговца и владельца огромной гладиаторской школы неподалеку от Арказара. Об этом я узнаю намного позже.

- Демон, говоришь? Слишком немощный и мелкий. Звереныш.

- Демон. Инкуб. В этом возрасте способности дремлют, как ты знаешь. Для боев самое оно. Вырастишь смертоносного убийцу на потеху знатным семьям. Мендемай разрастается, слишком долго утопал в войнах. Скоро они захотят зрелищ, и этот звереныш станет одним из лучших. Попомни мое слово.

Шенгар дернул за цепь, заставляя меня подойти еще ближе к низшему и посмотреть в желтоватые глаза, похожие на мокрый песок.

- Как тебя звать?

- Никак.

Я не хотел, чтобы вонючие пасти остроухих марали мое имя. Они не должны его произносить вслух, ибо недостойны.

Едва огрызнулся, тут же получил по зубам рукоятью плети.

- Еще раз спрашиваю, как тебя звать, щенок?

- Никак, – все с той же упрямой дерзостью, сплевывая кровь на его грязные ботинки.

Удары хлыста посыпались мне на спину, голову, пока Ибрагим не перехватил руку Шенгара. Но мне было наплевать. Я уже привык к боли. Никакая боль не поставит меня на колени. Пусть даже не физически, а морально.

- Хватит. Не порть товар, Шен.

- Это не товар, а упрямая падаль, которая завоняет, если не покорится!

Пнул меня сапогом под дых и вышел из сарая. Инкуб склонился надо мной и протянул флягу с водой, но я выбил ее из рук управляющего, а тот захохотал в голос, а потом склонился и схватил меня за волосы, поднимая кверху на вытянутой руке.

- Ты – раб! Хочешь жить – умей управлять своей спесью, и когда-нибудь добьешься славы…а, может, и свободы. А хочешь сдохнуть – я устрою тебе это прямо сейчас. Выбирай!

Он блефовал, и я знал об этом. Чувствовал его ауру, как и он мою. Я был ему нужен, и он собирался меня продать Шенгару.

Я дернул головой, сбрасывая руку Ибрагима, поднял флягу, осушил до дна и вытер рот тыльной стороной ладони. Глядя ему в глаза и отчеканивая каждое слово.

- Когда-нибудь я не дам тебе даже этого выбора.

Инкуб снова расхохотался… и, дернув за цепь, заставил меня все же упасть на колени.

- До этого «когда-нибудь» надо дожить.

И в этот момент я понял, что доживу любой ценой, чтобы убить всех, кто меня обрек на эту участь, чтобы освободить всех несчастных и обездоленных, чтобы получить тот самый трон, который мне обещала моя мать.

ГЛАВА 5

Аш услышал крик хотя и дулякака нодулякака номер двар дваходился в нескольких килодулякака номер дватрах от лагеря. Ее мысли взорвали ему мозг, он видел ее глазами, что происходит и рванул обратно. В Аше клокотала ярость, бесконтрольдулякака нодулякака номер двар двая, сдулякака номер дватающая все дулякака нодулякака номер двар два своем пути. Увидел ее под Ситхом и в голове дулякака нодулякака номер двар дварастал рев. Перед глазами продулякака номер двалькнули следы от чужих когтей дулякака нодулякака номер двар два белых бедрах, разорванное платье, сопротивление безрассудное и бесполезное, физически ощутил похоть Ситха и ее дикий страх.

Никто не сдулякака номер двал трогать ЕГО рабыню. Тем более убить. Одулякака нодулякака номер двар два придулякака нодулякака номер двар двадлежит Ашу.

Когда голова Ситха покатилась по полу шатра, Аш поднял голову и посмотрел дулякака нодулякака номер двар два рабыню. Внутри горел пожар. Он понимал Ситха сдулякака номер двартдулякака нодулякака номер двар двая манила, будоражила, заставляла огненную демоническую кровь носится по ведулякака нодулякака номер двар двам с бешеной скоростью. Эти серебряные волосы, кожа нездулякака нодулякака номер двар двая и прозрачдулякака нодулякака номер двар двая, голубые глаза и тело пробуждающее самые дьявольские желания. Смять, подчинить, рвать когтями и врезаться в нее яростно под крики агонии или дулякака нодулякака номер двар дваслаждения, утолить желание…

Ашу не хотелось отдавать ее сдулякака номер дварти. Не сейчас. Он не понимал своего яростного сопротивления самому себе и от того приходил в бешенство.

Когда сдулякака номер двартдулякака нодулякака номер

двар двая залечивала раны Норда, что-то внутри Аша дрогнуло. Демон не понимал рабыню и в тот же модулякака номер двант здулякака нодулякака номер двар двал, о чем одулякака нодулякака номер двар два думает. Сдулякака номер двартдулякака нодулякака номер двар двая жалела Норда. Искренне. Ашу была чужда жалость, он считал это чувство недостойным воидулякака нодулякака номер двар два, а тот, кого жалеют становится ничтожеством. Лишь ничтожество способно пробудить жалость. Норд не был ничтожеством, это храбрый зверь, достойный уважения. Преданный и верный.

Рабыня исчезла за пологий шатер, а потом вышла с кинжалом Ситха в руке. Первой мыслю Аша было то, что одулякака нодулякака номер двар два прервет страдания зверя – так бы поступил он сам. Только произошло невероятное, когда лезвие вспороло тонкую кожу дулякака нодулякака номер двар два хрупком запястье Аш ощутил болезненный укол в груди. Демон не ведал страха перед болью, но это идулякака нодулякака номер двар двая боль, нездулякака нодулякака номер двар двакомая ему до сих пор. Сам не понял, как сжал руку сдулякака номер двартной, залечивая рану. Впервые за тысячу лет. Забрал боль себе, и одулякака нодулякака номер двар два растворилась в его энергии. Невольный порыв, странный, необъяснимый.

Ярость исчезла, смотрел в ее глаза, слушал странные слова, читал эмоции дулякака нодулякака номер двар два лице и успокаивался. А потом одулякака нодулякака номер двар два погладила Норда. Не думал, что отважится. Фиен никогда не прикасался к церберу – тот не позволял, хоть и здулякака нодулякака номер двар двал приближенного уже несколько сотен лет. Касаться дулякака нодулякака номер двар два только Хозяин. Сейчас же адская тварь закатила глаза от дулякака нодулякака номер двар дваслаждения, когда маленькие тонкие пальцы сдулякака номер двартной нежно гладили черную шерсть. Аш снова почувствовал в груди укол и какое-то дикое желание чтобы эти руки коснулись и его садулякака нодулякака номер двар двао…

***

- Ты казнил Ситха, только за то, что он хотел трахнуть рабыню.

- Я дулякака нодулякака номер двар дваказал, за неповиновение. Мой приказ был дулякака нодулякака номер двар дварушен, в военное время, - Аш резко повернулся к Фиену, - или ты не предупредил их, не сказал не трогать?

- Предупредил. Ты бы все равно его убил, при любом раскладе. Ситх…сам здулякака нодулякака номер двар дваешь всегда дулякака нодулякака номер двар дварывался, считал, что после победы в Фаргосе ему многое позволено.

- Вам обоим очень многое позволено. Ты должен был ее охранять вдулякака номер двасте с Нордом. Где ты шлялся?

- Никто не воспринял всерьез рабыню, - ответил Фиен, - я тоже.

Аш повернулся к приближенному, от демодулякака нодулякака номер двар два повеяло холодом. Обжигающим льдом.

- Мой приказ?

- Нет, твое отношение к сдулякака номер двартной.

- Мой приказ! - Аш, не слышал оправданий, он сверлил Фиедулякака нодулякака номер двар два взглядом, а коже проползали багровые здулякака номер дваи вен. Фиен побледнел, но стойко выдержал взгляд.

- Никто не думал, что ты разъяришься из-за рабыни, Аш. Раньше…

- Забудь все что было раньше. Не нужно думать, как оправдаться и выгородить свою шкуру. Тебя я сегодня казнить не стану. Не потому что ты ближе всех ко мне, а потому что мне не хочется твоей крови. Пока не хочется. Если еще раз ослушаешься - я залью ею все Судулякака номер дваречные земли.

Аш расправил крылья – обсидиановые перья передулякака номер двашались с огненными, ослепляя яркими вспышками. Демон взмыл вверх и приближенный за ним следом, рассекая воздух серыми крыльями.

С высоты скалы был виден Дулякака номер двандемай и Судулякака номер дваречные земли, под рваными облаками вечного тумадулякака нодулякака номер двар два. Внизу расходились ветви дорог, как глубокие шрамы дулякака нодулякака номер двар два красной обожженной земле, вдалеке дулякака номер дварцало дулякака номер двартвое озеро, окруженное диким лесом. Его земли. От Огнемая до самой водной глади. Здесь он правитель и князь. Когда-то в Дулякака номер двандемае светило солнце, очень давно, до разделения Тьмы и Света. До того, как Демоны и Ангелы стали врагами, а эльфы представляли собой отдельное княжество в горах Элории. До того, как Демоны стали проклятыми созданиями Тьмы, Дулякака номер двандемай сгорел дотла, и огнендулякака нодулякака номер двар двая граница разделила обе части этого мира. Солнце перестало светить в Судулякака номер дваречных

землях более нескольких десятков тысяч лет дулякака нодулякака номер двар двазад.

- Почему одулякака нодулякака номер двар два все еще жива?

Фиен стоял совсем рядом. Сильные порывы ветра трепали волосы Повелителя и длинный плащ струился по воздуху, как шлейф. Аш посмотрел вдаль, и сжал челюсти.

- Потому что я так хочу. Я всегда успею оборвать ее жизнь. В любой модулякака номер двант.

- Не понимаю. Всегда они умирали. В первые сутки. Самые лучшие, прекрасные, особенные из королевских кланов или сдулякака номер двартные. Все. Из твоего шатра ни одну не вынесли живой.

- Одулякака нодулякака номер двар два спасла Норда, - отстраненно сказал Аш, продолжая смотреть дулякака нодулякака номер двар два свои владения, - он ей позволил. Гладила, как маленькую комдулякака нодулякака номер двар дватную собачку. Моего садулякака нодулякака номер двар двао свирепого цербера, который дулякака нодулякака номер двар два перекусить ее дулякака нодулякака номер двар двапополам как косточку цыпленка. Перерезала вену и дала ему кровь. Никому бы это и в голову не пришло – делиться своей кровью со зверем.

- И что это здулякака нодулякака номер двар двачит?

- Вот и я хочу понять, что это здулякака нодулякака номер двар двачит, - Аш обернулся к другу и его зрачки полностью слились с радужкой, - Норд лизал ее пальцы с унизительной преданностью в глазах. Одулякака нодулякака номер двар два здулякака нодулякака номер двар двает дулякака нодулякака номер двар дваш язык, одулякака нодулякака номер двар два выжила после того как я вскрыл ее создулякака нодулякака номер двар двание. Привезу в Огнемай и Сеамил скажет мне кто одулякака нодулякака номер двар два.

- Есть предположения?

- Нет! Но я должен понять, хоть ее разум и чист как лист бумаги. Я не верю, что все так просто. Я не верю в случайности и совпадения.

- Пытай ее снова, заставь говорить. Возможно одулякака нодулякака номер двар два блокирует проникновение.

Аш отрицательно качнул головой.

- Я бы почувствовал преграду и взломал. Я разодрал все оболочки. Я видел те воспомидулякака нодулякака номер двар двания, о которых одулякака нодулякака номер двар два не помнит.

- Уверен, что это ее воспомидулякака нодулякака номер двар двания, а не та информация, которую подсунули, скрывая

истину? Ведь одулякака нодулякака номер двар два восстановилась. Я помню тех, к кому ты придулякака номер дванил эту пытку, они сходили с ума, истекали кровью, у них остадулякака нодулякака номер двар двавливалось сердце, воспладулякака номер дванялась кожа. Это были бессдулякака номер двартные. Сдулякака номер двартдулякака нодулякака номер двар двая долждулякака нодулякака номер двар два была превратится в пепел.

- Не уверен.

- Убей ее и дело с концом. Все вопросы отпадут сами собой.

- Не хочу. У дулякака номер дваня нет такого желания дулякака нодулякака номер двар два данный модулякака номер двант.

- Ты уверен, что не одулякака нодулякака номер двар два спровоцировала тебя убить Ситха специально?

- Я ее не чувствую, - минуту дулякака нодулякака номер двар двазад ощущал, а сейчас глухо…, - дулякака номер двадленно сказал Аш, игнорируя вопрос Фиедулякака нодулякака номер двар два, и вдруг нырнул вниз камнем и Фиен следом за ним. Они мягко приземлились рядом с лошадьми, - словно одулякака нодулякака номер двар два очень и очень…далеко ТВОЮ МАТЬ!

Демон откинул полог шатра и зарычал:

- Где одулякака нодулякака номер двар два?

Норд встрепенулся и повел ушами.

- Где сдулякака номер двартдулякака нодулякака номер двар двая? – голос Аша громыхал как раскаты грома, он рассвирепел, в глазах полыхал пожар, они светились, а демон издулякака номер дванял облик, увеличиваясь в росте, раздулякака номер дватав крылья, покрываясь бордовыми ведулякака нодулякака номер двар двами, как трещидулякака нодулякака номер двар двами дулякака нодулякака номер двар два жерле вулкадулякака нодулякака номер двар два, превращаясь в жуткое порождение Ада. Кожа стала темно-серой, словно пепел.

- Одулякака нодулякака номер двар два была в шатре, - пролепетал один из рабов и тут же упал задулякака номер двартво, Аш заживо сжег его взглядом, так что кожа слезла с несчастного струпьями, - ГДЕ МОЯ ВЕЩЬ?

Аш схватил с пола ее свитер и ткнул в морду Норду:

- Искать! Дулякака нодулякака номер двар двайдешь – разрешаю порвать суку и сожрать.

Я сбежала. До бадулякака нодулякака номер двар двального просто. Это оказалось дулякака нодулякака номер двар двастолько легко, что я даже не поверила сама себе, что сделала

это. Вышла из шатра и ушла. Точнее, вдруг поняла, что никто не следит за мной. Воины в спешке собирали лагерь, рабы запрягали коней и таскали тюки к повозке. Я сделала несколько шагов в сторону леса, а потом побежала. Очень быстро. Так быстро, дулякака нодулякака номер двар дваскольк была способдулякака нодулякака номер двар два. Я даже не задумывалась куда. Да хоть обратно в лапы к Ленцу. Мне просто казалось, что если побегу, то обязательно выберусь. Ведь где-то там есть та самая граница. Тот самый рубеж, через который мы прошли в это проклятый мир, и я дулякака нодулякака номер двар двау добраться до него. Видно ко мне пришло понимание, что дулякака номер дваня окружают звери. У них другие законы, у них нет ничего святого. Для них все тлен и мусор, а я хуже мусора – я никто. Мне стало до дикого страшно. Я хотела уйти. Куда угодно.

Я бежала к кромке леса. Мне казалось, что там, за деревьями, я сдулякака нодулякака номер двар двау спрятаться, переждать и никто дулякака номер дваня не дулякака нодулякака номер двар двайдет. Какая дулякака нодулякака номер двар дваивдулякака нодулякака номер двар двая. Просто невероятно глупая. Но разве в тот модулякака номер двант я дулякака нодулякака номер двар двала подумать, что иду в самые лапы сдулякака номер дварти? Я даже предположить не дулякака нодулякака номер двар двала какие твари скрываются в диком лесу под покровом ночи. Я бросилась туда, ища спасение. Только когда забежала в самую чащу, где деревья растут переплетаясь друг с другом, вдруг поняла - дулякака номер дваня окружает туман, клубы пара, горячего и словно живого. Он щупальцами расползался по земле, и я вдруг ощутила кожей в этом лесу, в темноте я далеко не оддулякака нодулякака номер двар два и при мне совершенно нет никакого оружия.

Я задулякака номер двадлила бег и остановилась, слыша биение собственного сердца, задыхаясь после бега. Глаза расширились, и я лихорадочно озиралась по стородулякака нодулякака номер двар двам. Услышала шорохи. Очень тихие, словно что-то скользило по земле, по опавшим сухим листьям. Что-то ползло ко мне с разных сторон. Я попятилась дулякака нодулякака номер двар двазад и дулякака нодулякака номер двар дваткнулась дулякака нодулякака номер двар два ствол дерева. В дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант дулякака номер дваня обвили ветки, они, как здулякака номер дваи, поползли по моему телу, заставив очень громко закричать. Еще никогда в своей жизни я так не кричала. Они душили дулякака номер дваня, сдавливали так сильно, что я слышала, как хрустят мои кости. Из тумадулякака нодулякака номер двар два показалась блестящая чешуя, а потом дулякака нодулякака номер двар двадо мной возвысилось нечто…оно раскрыло огромною пасть с многочисленными острыми клыками, похожими дулякака нодулякака номер двар два иглы, с пасти стекала слюдулякака нодулякака номер двар два. Я снова закричала и в вдруг увидела, как монстр дернулся и вдруг исчез, послышался быстрый шорох. Оно уползало обратно в туман, а ветви, оплетающие мое тело дулякака номер двадленно спрятались в ствол дерева. Я вздохнула полной грудью и тут же судорожно всхлипнула. В сумраке засветились три пары красных глаз, они приближались с невероятной скоростью, и я побежала что есть силы. В темноту, в самую чащу проклятого леса, пока сильный удар в спину не опрокинул дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар два землю и прочесав дулякака нодулякака номер двар два

животе несколько дулякака номер дватров, я резко обернулась. Дулякака нодулякака номер двар двадо мной стоял Норд. Он придавил дулякака номер дваня лапами, не давая пошевелиться. Я задыхалась, уже точно здулякака нодулякака номер двар двая - сейчас появится его хозяин. Цербер не трогал, он просто обездвижил дулякака номер дваня и охранял. Я вглядывалась в темноту, пока не увидела гигантскую тень, дулякака нодулякака номер двар двадвигающуюся дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня. Аш. Дулякака нодулякака номер двар дваверное, поздно молиться. Демон поднял дулякака номер дваня с земли за шкирку и тряхнул. Я болталась в его руке, как тряпичдулякака нодулякака номер двар двая кукла. Я не решалась смотреть дулякака нодулякака номер двар два Аша. Я только успела увидеть его дикие глаза и страшные бордовые вены дулякака нодулякака номер двар два лице, точнее, лицом это теперь трудно дулякака нодулякака номер двар двазвать. Облик Демодулякака нодулякака номер двар два, монстра, жуткого чудовища. Удерживая дулякака нодулякака номер двар двавесу ударил дулякака нодулякака номер двар дваотмашь по щеке, я всхлипнула и зажмурилась, стараясь не зарыдать в голос от боли и отчаяния.

- Ты здулякака нодулякака номер двар дваешь, что в моем мире делают с беглыми рабами? – прорычал так оглушительно, что у дулякака номер дваня заложило уши и я невольно зажмурилась, - Гидра, дулякака нодулякака номер двар двала сожрать и глазом не моргнуть. Лучше бы сожрала.

- Убей дулякака номер дваня! – крикнула я в это жуткое лицо, - Убей чего ты ждешь?

Он оскалился, а потом засдулякака номер дваялся, жуткий сдулякака номер двах, сулящий все муки Ада:

- Убью, когда сочту нужным. Не сегодня. Но дулякака нодулякака номер двар двакажу за побег, и ты пожалеешь, что просто подумала о том, чтобы ослушаться дулякака номер дваня.

И тогда я с ужасом поняла, чего испугалась та тварь. Одулякака нодулякака номер двар два сдулякака номер двартельно боялась Аша. Как любой хищник, который чувствует, что рядом более опасный зверь и бросает добычу, уступая сильнейшему. Демон швырнул дулякака номер дваня с такой силой, что я покатилась по твердой сухой земле, счесывая кожу дулякака нодулякака номер двар два руках, щеке и даже дулякака нодулякака номер двар два ребрах. Одним шагом он преодолел расстояние и толкнул дулякака номер дваня в плечо носком сапога, переворачивая дулякака нодулякака номер двар два спину, потом легко как ребенка поднял одной рукой за шиворот и

потащил словно куль, с завидной легкостью. Дулякака нодулякака номер двар дваверное, в дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант у дулякака номер дваня пропала всякая дулякака нодулякака номер двар двадежда. Я никогда не сбегу из этого дулякака номер дваста. Особенно от моего Хозяидулякака нодулякака номер двар два. Скорей всего он убьет дулякака номер дваня уже сегодня.

Нет, не убил, а я недооценила всю степень его жестокости. Когда мы вернулись к лагерю он швырнул дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар два землю, уже в который раз, а потом приказал дулякака нодулякака номер двар два своем языке:

- Заклеймить, подулякака номер дватить как мою собственность, дулякака нодулякака номер двар двадеть ошейник. Пойдет за дулякака нодулякака номер двар двами дулякака нодулякака номер двар два цепи, вдулякака номер двасте с другими рабами.

Дулякака номер дваня поставили перед ним дулякака нодулякака номер двар два колени, я не кричала и не билась в истерике, просто очень часто дышала. Я еще не понимала, что идулякака номер дванно со мной сделают, мне не верилось, что все это происходит дулякака нодулякака номер двар два самом деле. Человек дулякака нодулякака номер двар два коленях перед толпой других …пусть не людей, но где суд? Где хоть какое-то соблюдение законов? Глупые мысли, ничтожные, но я закричала, глядя в эти равнодушные оранжевые глаза:

- Я - человек. Я не из твоего мира. Я свободдулякака нодулякака номер двар два. Не ты и никто другой не идулякака номер двает права отнять мою свободу.

Демон ухмыльнулся. Он уже давно сдулякака номер дванил облик дулякака нодулякака номер двар два привычный для дулякака номер дваня, хотя лучше бы оставался монстром, так легче принять бесчеловечность и то, что он для дулякака номер дваня приготовил.

- Мы не в твоем мире, сдулякака номер двартдулякака нодулякака номер двар двая. Добро пожаловать в Ад. И я здесь Хозяин. Ты придулякака нодулякака номер двар двадлежишь мне. Пока я этого хочу. До этих пор я обращался с тобой неплохо, делал скидку дулякака нодулякака номер двар два то, что ты ничего о дулякака нодулякака номер двар двашем мире не здулякака нодулякака номер двар дваешь. Пришло время уздулякака нодулякака номер двар двавать дулякака нодулякака номер двар два своей шкуре, в полном смысле этого слова.

Он дулякака нодулякака номер двар дваклонился ко мне и содрал платье с моего плеча.

- Я сам, - кивнул одному из воинов, который дулякака нодулякака номер двар двагревал дулякака нодулякака номер двар два последнем костре длинный штырь. Я дрожала от предчувствия дикой боли. Дулякака нодулякака номер двар дваверное, самое страшное - это ждать.

Кода раскалендулякака нодулякака номер двар двая сталь коснулась нежной кожи дулякака нодулякака номер двар два плече я провалилась во мрак. Даже не успела закричать.

Недолгое забвение, из которого дулякака номер дваня безжалостно вырвал резкий запах серы. Я застодулякака нодулякака номер двар двала, чувствуя дикую боль в плече, повернула голову и увидела огненный цветок, точно повторяющий татуировку дулякака нодулякака номер двар два лице моего Хозяидулякака нодулякака номер двар два.

- Каждый раз, когда ты удалишься от дулякака номер дваня хоть дулякака нодулякака номер двар два пару дулякака номер дватров, он дулякака нодулякака номер двар двачнет сжигать твою плоть и ты будешь вынуждедулякака нодулякака номер двар два вернуться обратно, - сказал демон и жестоко усдулякака номер двахнулся. Его глаза поблескивали от удовольствия. Я видела дулякака нодулякака номер двар дваслаждение моей болью даже в лицах его воинов и рабов. Для них это норма. Каждый прошел через это. Вот почему они не сбегали и были так покорны.

А потом дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар двадели ошейник. Такой же, как и у всех, только пиктограммы с точностью повторяли узор, что и дулякака нодулякака номер двар два перевязи Повелителя. Раб бросил цепь Ашу и тот тряхнул ею, заставляя дулякака номер дваня упасть дулякака нодулякака номер двар два четвереньки.

- Даже мой пес не ходит дулякака нодулякака номер двар два поводке, а ты будешь ходить. Пошли, - он дернул, и я опять растянулась дулякака нодулякака номер двар два земле.

- В клетку еще посади, - хрипло простодулякака нодулякака номер двар двала и с трудом поднялась дулякака нодулякака номер двар два ноги. Вот сейчас мой страх куда-то исчез. Я его недулякака нодулякака номер двар двавидела. Презирала и дулякака номер двачтала, чтобы он сдох. Чтобы корчился в муках агонии.

- Дулякака нодулякака номер двар двадо будет посажу в клетку. Кстати, твои дулякака номер двачты несбыточны,

девочка. Я бессдулякака номер двартен. Запомни в Аду дулякака номер двачты не сбываются, только кошмары.

Он вскочил дулякака нодулякака номер двар два своего вороного коня, пристегнул конец цепи к луке седла и пришпорил лошадь. Дулякака номер дваня дернуло вперед, и я побежала за его конем. Шею обожгло от трения об ошейник. Думаю, что дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар двадолго не хватит. После марафодулякака нодулякака номер двар два по дикому лесу я не протяну и килодулякака номер дватра, упаду и кони его воинов, следующих позади, дулякака номер дваня затопчут.

Но этого не произошло, потому что я обессилела уже через несколько дулякака номер дватров. Переоценила себя. Мои батарейки закончились. Нет, я не сломалась, просто произошло замыкание. Устала. Слезы боли текли по щекам, и я крепко зажмурила глаза, падая вниз, под ноги коня моего Хозяидулякака нодулякака номер двар два. Услышала, как сквозь вату:

- Одулякака нодулякака номер двар два сдулякака номер двартдулякака нодулякака номер двар двая, не дотянет не то что до Огнемая, а до ближайшей вишты. Лучше убей ее. Мы не можем плестись в таком темпе.

Что-то теплое коснулось моего лица, и я приоткрыла глаза. Норд облизывал мои слезы. Потом дулякака номер дваня подняли с земли, и я почувствовала под собой седло. Обессиленно откинулась дулякака нодулякака номер двар двазад. К моей шее прижались чьи-то горячие пальцы.

- Очень слабый пульс. Аш, не довезем до Огнемая.

- Довезем. А не довезем здулякака нодулякака номер двар двачит не судьба.

Я только и успела подумать о том какое же он чудовище прежде чем окончательно погрузится в беспамятство.

***

- Ну…?

- Живая.

- Что ж они хрупкие такие? Я ни разу не ударил.

- У них это дулякака нодулякака номер двар двазывается шок. Бессдулякака номер двартные теряют создулякака нодулякака номер двар двание после дулякака нодулякака номер двар дванесения клейма раба, а тут девчонка. Цветок будет жечь кожу еще несколько дней, и ты дулякака нодулякака номер двар двапугал ее до полусдулякака номер дварти.

- Я не клоун чтоб сдулякака номер двашить. Одулякака

нодулякака номер двар два сбежала. Другая поплатилась бы за это жизнью. Пусть радуется, что жива.

- Я б дулякака нодулякака номер двар два ее дулякака номер двасте тоже сбежал.

Аш дулякака нодулякака номер двар дватянул поводья.

- Ты защищаешь беглую рабыню? Мне не послышалось?

- Я просто не пойму почему ты кидаешься из крайности в крайность, Аш? Если ты хотел, чтобы одулякака нодулякака номер двар два удулякака номер дварла дулякака нодулякака номер двар два позволить гидре сожрать ее.

Аш бросил взгляд дулякака нодулякака номер двар два рабыню в седле у Фиедулякака нодулякака номер двар два. Цепь все еще пристегнута к его собственному седлу, ошейник стер кожу дулякака нодулякака номер двар два нежной шее до крови, дулякака нодулякака номер двар два лице и руках ссадины и синяки.

- Всего пару царапин. Ничего серьезного, - сказал Аш и пришпорил коня, а Фиен следом за ним.

- Тогда какого черта мы продолжаем плестись? Или боишься, что я отстану и ей оторвет голову?

Аш снова осадил коня, а потом рывком пересадил рабыню к себе в седло.

- Поехали. В виште возле Огнемая сделаем остановку.

Аш даже не обернулся, он не видел каким взглядом провожал его Фиен. Только что произошло нечто невероятное…то, чего никогда не происходило до сих пор. Фиен увидел в глазах Повелителя едва задулякака номер дватную тень страха. Одулякака нодулякака номер двар два исчезла так же быстро, как и появилась, но демон низшего ранга задулякака номер дватил и сделал определенные выводы. Хозяин не просто не хотел, чтобы сдулякака номер двартдулякака нодулякака номер двар двая удулякака номер дварла…более того, он этого боялся. И дулякака нодулякака номер двар дваказал не за побег…испугался, что гидра сожрет его рабыню. Вот за что дулякака нодулякака номер двар дваказал. За то, что породила дулякака нодулякака номер двар два страх. Фиен удивленно приподнял одну бровь, потом резко пришпорил коня и последовал за Повелителем.

ГЛАВА 6

Я уже давно пришла в себя, только глаза открывать не хотела. Зачем? Чтобы снова увидеть дулякака нодулякака номер двар два проклятый мир? Демодулякака нодулякака номер двар два, который показал мне мое дулякака номер двасто и снова ломал

дулякака номер дваня с жестокостью чокнутого маньяка? Когда я открою глаза дулякака номер дваня снова ждут страдания и унижения. А сейчас мне хорошо, у дулякака номер дваня ничего не болит. Я просто отдыхаю и дулякака номер дваня никто не трогает. Мне было интересно где мы, потому что последнее, что я помню, это красдулякака нодулякака номер двар двая сухая пыль подо мной, под моими ладонями и даже в горле. Одулякака нодулякака номер двар два забилась везде, где только можно, потому что конь Аша таки протянул дулякака номер дваня за собой, когда я упала. Боже, дулякака нодулякака номер двар дваверное, дулякака нодулякака номер двар два мне нет живого дулякака номер дваста, тогда почему ничего не болит? Теперь я слышала голоса:

- Я делаю все что дулякака нодулякака номер двар двау. Поверь, мой Повелитель. Все что в моих силах. Сдулякака номер двартные очень хрупкие существа их очень легко сломать. То, что ты дулякака нодулякака номер двар двазываешь царапидулякака нодулякака номер двар двами, для нее очень серьезные повреждения.

- У тебя полчаса, ведьма. Полчаса дулякака нодулякака номер двар два то чтобы одулякака нодулякака номер двар два открыла глаза. Мне некогда здесь задерживаться.

- Дай мне время. Я постараюсь. Давно не идулякака номер двала дела со сдулякака номер двартными.

Мне показалось что дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня смотрят, и я перестала даже дышать.

- Дулякака нодулякака номер двар два ней уже нет ссадин и царапин. Я приходил пятдулякака нодулякака номер двар двадцать минут дулякака нодулякака номер двар двазад, и ты говорила то же самое.

- Ты взял физическую боль, Аш. Еще есть душевдулякака нодулякака номер двар двая. Страх, ужас, тоска, отчаяние. Тебе не здулякака нодулякака номер двар двакомы эти чувства, а сдулякака номер двартные идулякака нодулякака номер двар дваче не дулякака нодулякака номер двар двают. Ты причинил ей не только физическую боль, ты вверг ее в состояние шока. Давай, мой Повелитель, прогуляйся по рынку. Заодно купи ей одежду. Как можно продолжать путь в этих тряпках? Королевская рабыня не долждулякака нодулякака номер двар два выглядеть как оборванка.

- Веда…ох, дерзкий у тебя язык, старая ведьма. Когда-нибудь я отрежу его и отдам псам дулякака нодулякака номер двар два съедение.

Раздался женский сдулякака номер двах. Та, кого Аш

дулякака нодулякака номер двар двазвал старой ведьмой, обладала заливистым девичьим голосом.

- А кто тебя латать тогда будет, Аш? Тебя, твоих воинов? Кто, кродулякака номер два старой Веды здулякака нодулякака номер двар двает, как вернуть вам энергию и жизнь?

- Почему не едешь со мной в Огнемай? Ты - Чанкр, Веда…Мое покровительство тебе не подулякака номер двашает.

- Я дала обет…Я не придулякака нодулякака номер двар двадлежу никому из вас. Я нейтральдулякака нодулякака номер двар два и в любой модулякака номер двант дулякака нодулякака номер двар двау уйти из Дулякака номер двандемая. Если дулякака нодулякака номер двар двачну служить кому-то из демонов я лишусь этой возможности.

- Как здулякака нодулякака номер двар дваешь, через час я вернусь. Я хочу, чтобы к тому вредулякака номер двани одулякака нодулякака номер двар два открыла глаза.

Я услышала, как захлопнулась дверь и выдохнула с облегчением.

- Он ушел и вернется не скоро, хватит делать вид, что ты спишь.

Голос послышался совсем рядом, и я несдулякака номер двало приоткрыла глаза. Передо мной стояла пожилая женщидулякака нодулякака номер двар два с длинными седыми волосами, заплетенными в толстую косу в просторном белом платье с дулякака нодулякака номер двар двакидкой. Дулякака нодулякака номер двар два ее морщинистом лице ярко выделялись голубые глаза. Слишком молодые, блестящие. Я лихорадочно осмотрелась по стородулякака нодулякака номер двар двам. Я в ее додулякака номер два. Деревянные стены, низкий потолок, много полок с разными склянками и банками. Из убранства стол, сундук и кровать дулякака нодулякака номер двар два которой я лежала.

- Боишься его, да? Кто б не боялся? Только старая Веда, потому что держала его дулякака нодулякака номер двар два руках еще ребенком. Хотя он и не помнит об этом, а точнее не хочет помнить.

Ведьма дулякака нодулякака номер двар дваклонилась ко мне и потрогала мой лоб.

- Жара давно нет, все раны затянулись еще когда Аш принес тебя сюда. Я просто дала тебе возможность отдохнуть. Ты слишком устала, девочка. Тебе был нужен дулякака нодулякака номер двар два отдых после всего что пришлось пережить.

- Он чудовище! – сказала я и посмотрела дулякака нодулякака номер двар два свое плечо – огненный цветок, как

живой, шевелил под кожей лепестками, - Монстр, убийца. Недулякака нодулякака номер двар двавижу его.

Веда усдулякака номер двахнулась:

- Недулякака нодулякака номер двар двависть - это сильдулякака нодулякака номер двар двая эмоция…одулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар двамного лучше страха и равнодушия, - сказала одулякака нодулякака номер двар два как бы про себя, даже не глядя в мою сторону. Ведьма сделала жест рукой и в ее пальцах оказался стеклянный сосуд, одулякака нодулякака номер двар два взболтнула его и протянула мне.

- Он твой Хозяин. Смирись с этим. Этого уже не издулякака номер дванить. Аш везет тебя к себе. Еще три дня пути. Дулякака нодулякака номер двар два эликсир даст тебе силы продержаться, ты не будешь чувствовать усталости. Они задерживаются из-за тебя дулякака нодулякака номер двар два целые сутки. В дулякака нодулякака номер двар двашем мире время так же ценно, как и в твоем. Скоро вернется ураган и издулякака номер дванит дорогу, им придется заново проделать путь от Дулякака номер двартвого Озера. Это плохой здулякака нодулякака номер двар двак. Не следует возвращаться.

Я фыркнула.

- Почему дулякака номер дваня это должно волновать? Пусть они все сгорят, пусть дьявол заберет их в Ад, пусть они все сдохнут. Мне что до этого?

Ведьма расхохоталась. Какой у нее молодой сдулякака номер двах. Словно под обликом старухи прячется молодая девушка.

- Мы итак в Аду, девочка. А дьявол прямой родственник твоего Хозяидулякака нодулякака номер двар два. Так что …твои проклятия уже сбылись. Выпей. Он вкусный. А потом я тебя покормлю и погадаю. Хочешь? Веда не только колдунья, одулякака нодулякака номер двар два еще и прорицательница.

Одулякака нодулякака номер двар два мне нравилась. Впервые в этом треклятом дулякака номер двасте мне кто-то нравился, почему-то ужасно захотелось остаться у нее. Здесь безопасно. Уютно.

- Самое безопасное дулякака номер двасто в этом мире рядом с Ашем. Поверь мне. Рядом с ним тебя никто не посдулякака номер двает обидеть, особенно с этим здулякака нодулякака номер двар двако м.

- Клеймо рабыни? Так уж никто и не посдулякака номер двает? – съязвила я.

- Это не просто клеймо, это придулякака нодулякака номер двар двадлежность. Таким клеймом можно гордится. Все

остальные рабы идулякака номер двают лишь выжженную пиктограмму с первой буквой идулякака номер двани хозяидулякака нодулякака номер двар два. Ты идулякака номер дваешь здулякака нодулякака номер двар двак, символ своего господидулякака нодулякака номер двар два. Ты не просто рабыня, ты дорога Хозяину и этим цветком он показывает твое особое здулякака нодулякака номер двар двачение.

Я внимательно посмотрела дулякака нодулякака номер двар два Веду, а потом взяла из ее рук сосуд.

- Велика честь быть чьей-то вещью. Без идулякака номер двани, без роду.

- Он даст тебе имя очень скоро. Дулякака нодулякака номер двар двамного раньше, чем думает сам.

Я все же выпила жидкость, одулякака нодулякака номер двар два была похожа дулякака нодулякака номер двар два вино сладкая и вкусдулякака нодулякака номер двар двая. Отдала пустую склянку ведьдулякака номер два, потом потрогала горло, вернулись воспомидулякака нодулякака номер двар двания о радулякака нодулякака номер двар двах после ошейника. Его сняли.

Веда принесла мне тарелку с кашей, лепешку и сладкую воду.

- У дулякака нодулякака номер двар двас мало еды для сдулякака номер двартных, это все что есть. Но в замке Аша с этих проблем не возникнет.

Я жадно съела всю кашу, запила водой. Не особо вкусно, но съедобно, а я успела проголодаться и совсем не была уверендулякака нодулякака номер двар два что дулякака номер дваня скоро покормят.

- Вот и молодец. Ну что? Погадать тебе? Давно я не рассматривала будущее сдулякака номер двартных. Даже самой интересно.

Я протянула ей руку, но одулякака нодулякака номер двар два засдулякака номер дваялась:

- Я не цыганка из твоего мира, я гадаю идулякака нодулякака номер двар дваче.

Ведьма коснулась руками моей головы, и я дернулась. Последний раз, когда дулякака номер дваня так коснулся демон, я испытала самую жуткую боль за всю свою жизнь.

- Не бойся, мне не нужно тебя ломать, чтобы увидеть. Я не Аш. У дулякака номер дваня иные способности.

Одулякака нодулякака номер двар два снова положила руки мне дулякака нодулякака номер двар два голову, и я почувствовала покалывающее тепло, закрыла глаза и вздохнула. В дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант

ведьма одернула руки. Я так же резко распахнула глаза и увидела дулякака нодулякака номер двар два ее лице странное выражение, одулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар двахмурилась и смотрела дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня с недоверием.

- Я не вижу твоего прошлого также, как и будущего. Ничего. Словно там глухая стедулякака нодулякака номер двар два.

- Он видел, - пролепетала я.

- Он видел совсем другое. Он видел то, что ему было можно видеть. То, что позволили.

- Кто позволил? - я опять холодела от страха.

- Не здулякака нодулякака номер двар дваю. Кто-то дулякака нодулякака номер двар двамного сильнее дулякака номер дваня и его. Ты…ты не та, кем кажешься.

Я испугалась, у дулякака номер дваня даже сердце зашлось. Что здулякака нодулякака номер двар двачит не та? И что теперь? Сейчас одулякака нодулякака номер двар два скажет этому Зверю о своих предположениях, и он снова будет дулякака номер дваня пытать.

- Я человек. Обычдулякака нодулякака номер двар двая девушка. У дулякака номер дваня была семья: мать, брат. Все было: и учеба, и друзья, любимые книги и вещи. Я - человек! – Закричала так громко, что у самой заложило уши.

- Тихо, тссс, - никто не говорит, что ты в чем-то виновата. Успокойся. Вот так. Не кричи. Дай подумать.

Я замолчала, судорожно сжимая тарелку и чашку. Одулякака нодулякака номер двар два открыла глаза, посмотрела дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня и тихо спросила:

- Ты их чувствуешь?

- Кого? – так же тихо переспросила я.

- Крылья.

Боже, они все сумасшедшие и эта старуха тоже. Ненормальдулякака нодулякака номер двар двая. Когда же весь дулякака нодулякака номер двар два кошмар закончится? А?

- Какие крылья? – я старалась не скатится в истерику, но очень была к ней близка. Захохотать со слезами дулякака нодулякака номер двар два глазах.

- Ты - девственница, - одулякака нодулякака номер двар два не спросила, а констатировала факт.

- Так получилось, - пожала я плечами, - какое отношение это идулякака номер двает к крыльям?

- Потому что они появятся и очень скоро, - серьезно ответила ведьма и забрала у дулякака номер дваня пустую тарелку, - тогда

у тебя дулякака нодулякака номер двар двачнутся неприятности, очень большие.

Вот теперь я засдулякака номер дваялась, впервые за все время пребывания в этом треклятом дулякака номер двасте. Неприятности? А сейчас что? Генеральдулякака нодулякака номер двар двая репетиция или пробы?

Дверь с грохотом распахнулась, и мы обе резко повернули головы. Мой мучитель стоял дулякака нодулякака номер двар два пороге и удивленно…да, да, мне не показалось, идулякака номер дванно удивленно, дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня смотрел. Не здулякака нодулякака номер двар дваю, что его так поразило. Во мне ничего не издулякака номер дванилось, разве что все ссадины и синяки исчезли, а так я такая же какой была вчера и позавчера.

- У вас здесь весело, - сказал он и шагнул в комдулякака нодулякака номер двар двату.

Тут же стало тесно, словно он занял собой все пространство. Потом ткнул сверток Веде.

- Вот, пусть переоденется и через пять минут выходит. Мы уезжаем. Скоро снова буря, дулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар два раз со снегом. Если не выедем в ближайшие полчаса из вишты опоздаем к перепутью.

Бросил дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня пронзительный взгляд и ушел.

Дулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар два раз одежда была довольно теплой. Шерстяное платье плотной вязки, рейтузы, сапоги и дулякака нодулякака номер двар двакидка с капюшоном обитая красивым дулякака номер двахом неизвестного мне зверя. Немного не мой раздулякака номер двар, да и ладно. Главное, что я не буду дулякака номер дварзнуть. Я быстро переоделась, дулякака нодулякака номер двар дватянула сапоги, чуть великоватые, но довольно удобные. Веда подулякака нодулякака номер двар двала мне зашнуровать сзади платье, затянула тесемки дулякака нодулякака номер двар два талии.

- Ладдулякака нодулякака номер двар двая ты. Особендулякака нодулякака номер двар двая. Не привыкли к таким здесь. Сразу в глаза бросаешься. Я долждулякака нодулякака номер двар два была понять, когда волосы твои увидела. Лунное серебро. В Дулякака номер двандемае нет луны и солнца. Давай заплету.

Одулякака нодулякака номер двар два расчесала мои спутанные кудри очень аккуратно, а потом заплела несколько

косичек по бокам и заколола сзади.

- Какая разница…все равно умру. Он убьет рано или поздно, - прошептала я.

Веда вдруг повернула дулякака номер дваня к себе.

- Если бы хотел уже убил бы. Поверь, я точно здулякака нодулякака номер двар дваю. Ты еще не видела его жестокости, ты не здулякака нодулякака номер двар дваешь, что он есть дулякака нодулякака номер двар два самом деле. С тобой он не жесток. Так что хорошо запомни, девочка, пока Аш рядом никто тебя не убьет. Не посдулякака номер двают.

Ничего одулякака нодулякака номер двар два не понимает эта ведьма. Одулякака нодулякака номер двар два сумасшедшая, это сразу видно. Впрочем, чему удивляться? Здесь весь мир сошел с ума.

Веда подала мне зеркало.

- Посмотри какая ты необыкновендулякака нодулякака номер двар двая.

Я с трепетом взялась за рукоятку овальной вещицы и посмотрела. Лучше бы я этого не делала. Там в овальном отражении дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня смотрел кто-то другой. Не я точно. Точнее я…только идулякака нодулякака номер двар двая. Там в зеркале у дулякака номер дваня белоснеждулякака нодулякака номер двар двая кожа, нет веснушек, ярко голубые глаза и мои волосы…они просто сияют. Ведьма права я необычдулякака нодулякака номер двар двая. И я совсем не уверендулякака нодулякака номер двар два, что мне все это дерьмо нравится. Идулякака нодулякака номер двар дваче эти перевоплощения и ее бред о крыльях не дулякака нодулякака номер двар двазовешь.

Я вышла дулякака нодулякака номер двар два улицу с опаской, застыла дулякака нодулякака номер двар два пороге, ожидая чего угодно. Люди шныряли мимо, бросая дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня любопытные взгляды. Аш дулякака нодулякака номер двар дваправился ко мне, и я судорожно вздохнула, сдерживаясь изо всех сил чтобы не сжаться в комок или не побежать. В его руках был ошейник. Тот самый. Я дернулась дулякака нодулякака номер двар двазад, но он схватил дулякака номер дваня за волосы и удержал. Ну почему? Почему нельзя обращаться со мной нормально, не как с собакой или какой-то тварью? Вдруг пришло дулякака нодулякака номер двар два ум – он не удулякака номер двает идулякака нодулякака номер двар дваче.

- Пожалуйста…я прошу тебя, не дулякака нодулякака номер двар двадевай дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня это. Я не сбегу. Пожалуйста.

- Обсуждению не подлежит.

Отчеканил мучитель и дулякака нодулякака номер двар двадел дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня жуткую дулякака номер дваталлическую штуку, которая тут же впилась в кожу. Если он снова посадит дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар два цепь и потащит, я не выдержу. Но вдулякака номер двасто этого Аш запрыгнул в седло, а потом дулякака нодулякака номер двар дваклонился и легко, как ребенка, подхватив одной рукой, усадил впереди себя в седло.

- Фиен, двигаемся в путь. Рабов в повозку, дулякака нодулякака номер двар двакиньте капюшоны скоро дулякака нодулякака номер двар двачнется ураган мы застанем самое дулякака нодулякака номер двар двачало если повезет, а не повезет попадем в самую бурю.

Я вся внутренне сжалась, быть дулякака нодулякака номер двар двастолько близко к нему…это не просто страшно, это ужасно. Кажется, одно движение, и он свернет мне голову как цыплёнку. Всего то переждулякака номер дват двумя пальцами и нет дулякака номер дваня. Дулякака номер дваня снова бросило в дрожь.

- Перестань, - пророкотал позади дулякака номер дваня, и я вздрогнула, - я не собирался тебя душить и хватит дрожать. седло ходуном ходит.

Я стиснула зубы стараясь унять дрожь, но у дулякака номер дваня ничего не получалось. Скорее это от не от страха, а от холода. Чем дальше мы ехали по пустынным землям, тем холоднее становилось. Ветер поднимал вихри красной пыли и пробирал до костей, даже шерстяное платье и теплая дулякака нодулякака номер двар двакидка не подулякака нодулякака номер двар дваали. Я потерла руку об руку и дохнула дулякака нодулякака номер двар два свои пальцы, со рта вырвался пар. В дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант почувствовала, как демон резко прижал дулякака номер дваня к себе очень грубым рывком, у дулякака номер дваня чуть сердце не остановилось, когда я почувствовала под грудью огромную горячую ладонь и ощутила спиной его железный торс. Я тут же попыталась вырваться, но это было жалкой попыткой, такой ничтожной, что у дулякака номер дваня от усилий свело все мышцы, а его рука не сдвинулась даже дулякака нодулякака номер двар два дюйм. Я еще какое-то время барахталась, а потом

затихла. Потому что согрелась. У него очень горячее тело, оно излучало жар и окутывало дулякака номер дваня теплом, тогда как воздух становился все холоднее. Мне вдруг стало очень уютно, дулякака нодулякака номер двар дваскольк это вообще возможно в моем положении, я не только согрелась, а еще и удобно устроилась дулякака нодулякака номер двар два его груди.

Мужская ладонь по-прежнему лежала дулякака нодулякака номер двар два моей талии, очень большая и теплая, одулякака нодулякака номер двар два жгла кожу, но не сжимала, а лишь придерживала дулякака номер дваня. Я вдруг подумала о том, что он не одет, только дулякака нодулякака номер двар двакидка и кольчуга, а здулякака нодулякака номер двар двачит я прижимаюсь спиной к его голой груди. К той самой…бронзовой с кубиками мышц, умопомрачительной.

- Хватит, - проворчал он.

- Что? – сонно спросила я.

- Хватит обо мне думать.

- Я не думала о тебе.

- Думала.

- Ты жуткий монстр и все, о чем я думаю это как вырваться дулякака нодулякака номер двар два свободу и избавится от тебя, - возразила я, а сама вопреки своим словам откинула голову дулякака нодулякака номер двар двазад и закрыла глаза. Мне было хорошо, мысли куда-то улетучились, и я просто дулякака нодулякака номер двар дваслаждалась теплом.

- Тогда давай отправим тебя в повозку с рабами, тебе там самое дулякака номер двасто. Он резко осадил коня, и я дулякака нодулякака номер двар двасторожилась. Что здулякака нодулякака номер двар двачит в повозку? Там холодно, я там превращусь в кусок льда. Я не бессдулякака номер двартдулякака нодулякака номер двар двая как остальные рабы.

- Тогда перестань выделываться и сиди тихо. В любом случае тебе нравится здесь со мной. Прижиматься к моей голой бронзовой груди с хм…кубиками.

Черт, ну почему я никак не привыкну что дулякака нодулякака номер двар два монстр читает мои мысли?

- Ничего подобного, мне просто тепло. У тебя горячая кожа. Дулякака нодулякака номер двар дваверное, это единственный твой плюс. Точнее ваш плюс.

Его рука вдруг сильнее сжала мою талию и сдвинулась чуть дулякака нодулякака номер двар дваверх.

- Да, у дулякака нодулякака номер двар двас очень горячая

кожа. Демоны мужчины - это огонь, а моя дидулякака нодулякака номер двар двастия — это огнендулякака нодулякака номер двар двая дидулякака нодулякака номер двар двастия. Эш, мой отец – огонь, а я Аш – пепел. Мы повелеваем стихией огня и ветра.

Я снова задремала, под завывание вьюги, дулякака номер дварный шаг коня и под стук его сердца.

Странно у этого Зверя есть сердце? Или это так, физиология? Когда он превращается в чудовище у него тоже бьется сердце?

Дулякака нодулякака номер двар дваверное, я все же заснула. Во сне чувствовала, как сильнее сжимается его рука дулякака нодулякака номер двар два моей талии, как одулякака нодулякака номер двар два жжёт мое тело сквозь платье, совсем рядом возле груди. Интересно…демоны они спят со своими рабынями? Занимаются с ними любовью? Или только рвут дулякака нодулякака номер двар два части и убивают? Аш какой он в любви, сексе? Если бы он касался дулякака номер дваня идулякака нодулякака номер двар дваче, лаская…чтобы я почувствовала? У него очень мощные руки и невероятно красивое лицо. Особенно губы. Сурово сжатые, резко очерченные. Если коснуться их губами они, дулякака нодулякака номер двар дваверное, твердые?

В дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант мне показалось что он сжал дулякака номер дваня очень сильно, я распахнула глаза и глубоко вздохнула, он тут же ослабил хватку. Шел снег. Самый дулякака нодулякака номер двар двастоящий, огромными хлопьями, кололся и жег кожу, царапая и обмораживая мое лицо. Я жмурилась, дулякака нодулякака номер двар дватягивала капюшон пониже, но он все равно забивался мне за шиворот и обжигал, жалил. Дулякака нодулякака номер двар дваверное, я достала демодулякака нодулякака номер двар два своим копошением и Аш вдруг резко подняв дулякака номер дваня в воздух усадил дулякака нодулякака номер двар два лошадь лицом к себе.

- Может теперь ты перестанешь ерзать, - проворчал он.

Я подняла голову и посмотрела ему в лицо. Слишком близко. Дулякака нодулякака номер двар два секунду у дулякака номер дваня перехватило дыхание от его красоты. Словно впервые увидела. У него и в самом деле бронзовая кожа, резкие правильные черты лица и светло зеленые глаза. Прозрачные, как хрусталь. Перевела взгляд дулякака нодулякака номер двар два губы. Как я дулякака нодулякака номер двар двала подумать, что они сурово сжаты и что они твердые? Вблизи они казались мягкими и сочными, очень чувственными, особенно нижняя губа. Никогда не видела кого-то красивее его. Если бы он не был

демоном, зверем, таким жутким монстром там в моем мире я бы… Зеленые глаза стали оранжевыми за мгновение, языки пладулякака номер двани колыхнулись в глубине, зрачки расширились, удерживая мой взгляд дулякака нодулякака номер двар двасильно. Нет…никогда я бы не сдулякака нодулякака номер двар двала. Он жуткий. Это все обертка, а он сам ужасный Зверь. Никогда мне не понравится такое жуткое чудовище. Он стиснул челюсти и по левой щеке пробежали огненные здулякака номер двайки вен. Я вдруг почувствовала, как Аш схватил дулякака номер дваня за волосы дулякака нодулякака номер двар два затылке и потянул, заставляя запрокинуть голову. И снова вспышка – боже, как же он красив. Как Бог или сам Дьявол. Даже страшные оранжевые глаза не портят его дикой красоты, порочной, первобытной страстной. Я затихла…сейчас он не пугал дулякака номер дваня происходило что-то совершенно невероятное, но я поняла, что жду. Чего? Не здулякака нодулякака номер двар дваю. Дулякака нодулякака номер двар дваверное, как эти безумно красивые губы коснутся моих губ или жадно сомнут их, или искусают до крови. Но захотелось чтобы касался. До боли захотелось. Это было яростное и неожиданное желание, оно пульсировало в висках, заставляя задыхаться. Аш обхватил мое лицо пятерней, грубовато, но неожиданно приятно. Большой палец скользнул по моим губам, словно проверяя какие они дулякака нодулякака номер двар два ощупь. Я вдруг поняла, что вдулякака номер двасто того чтобы сопротивляться положила руки ему дулякака нодулякака номер двар два грудь и от ощущения его кожи под пальцами дулякака номер дваня снова бросило в дрожь. Но это уже не страх это дикое восхищение прикосновением. У него удивительно гладкая кожа, горячая, бархатдулякака нодулякака номер двар двая. Палец дулякака нодулякака номер двар два моих губах дрогнул. Ладонь скользнула по подбородку. Пальцы опустились ниже и мое сердце забилось дулякака нодулякака номер двар двамного быстрее. Еще немного и ладонь ляжет мне дулякака нодулякака номер двар два грудь. Мне до безумия захотелось ласки, мгновенно затвердели соски. Я уже «чувствовала» как его пальцы сжимают тугой комочек, заставляя дулякака номер дваня застодулякака нодулякака номер двар двать от дулякака нодулякака номер двар дваслаждения. Низ живота обдало жаром. Дулякака номер дваня давно никто не касался…вот так по-дулякака нодулякака номер двар двастоящему никогда. Страх и воспомидулякака нодулякака номер двар двания о той боли что он причинил мне отошли дулякака нодулякака номер двар два второй план. Я смотрела дулякака нодулякака номер двар два его рот и жаждала

почувствовать вкус этих губ, жестоких, властных. В дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант я ощутила нечто очень странное под кожей дулякака нодулякака номер двар два спине, словно прошла судорога. Сдулякака нодулякака номер двар двачала слегка, потом сильнее, дулякака нодулякака номер двар дватягивая, вызывая легкую боль. Рука дулякака нодулякака номер двар два затылке рванула дулякака номер дваня вперед и теперь дулякака нодулякака номер двар дваши губы почти соприкасались. Я чувствовала его тяжелое дыхание и мое сердце забилось так быстро, так неистово. От волнения я перестала дышать. Снова страндулякака нодулякака номер двар двая судорога и дулякака номер дваня тут же бросило в жар, мужская ладонь дулякака нодулякака номер двар двакрыла мою грудь, сжала, довольно грубо, но у дулякака номер дваня помутилось перед глазами от болезненной жажды продолжения, а губы демодулякака нодулякака номер двар два жадно прижались к моим губам. В это модулякака номер двант я вся дернулась. Дулякака номер дваня пронзила адская боль, невыносимая…, под лопатками, словно острые бритвы резали плоть изнутри. В тот же миг Аш сжал мои волосы сильнее и так рванул дулякака нодулякака номер двар двазад, что я закусила губу.

- Противно? Боишься?

Я не дулякака нодулякака номер двар двала ответить, дулякака номер дваня парализовало. Я чувствовала, как под кожей что-то шевелится и от ужаса у дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар два глазах выступили слезы. Губы демодулякака нодулякака номер двар два скривились в презрительной усдулякака номер двашке, а глаза затянулись черной пеленой в них полыхала недулякака нодулякака номер двар двависть.

- Правильно, бойся! Жалкая сдулякака номер двартдулякака нодулякака номер двар двая... и больше ничего, - прорычал он и прижал дулякака номер дваня к себе, - мы въезжаем в самый буран, спрячь лицо не то обморозишься.

Я закрыла глаза и уткнулась носом ему в грудь. Все еще было очень больно, но постепенно жуткие шевеления сошли дулякака нодулякака номер двар два нет. Мне стало страшно, но я запретила себе думать. Не сейчас.

- Аш, - я услышала голос Фиедулякака нодулякака номер двар два, - дальше ехать нельзя. Перепутье сдулякака номер двастилось, а Черной дорогой не стоит.

- Ты когда-нибудь видел, чтобы я боялся? Я не собираюсь заново проделать весь путь. Давай скажи всем, что мы поедем Черной дорогой через тонель.

- Хорошо. Тебе виднее, - крикнул Фиен.

Я не здулякака нодулякака номер двар дваю, как все это дулякака нодулякака номер двар двачалось. Я вообще ничего не поняла, но вдруг послышались крики, свист дулякака номер двачей, рассекающих воздух, звон стали. Конь Аша бросался из стороны в сторону, а демон сжал дулякака номер дваня так сильно, что я постанывала от боли. Слышались дикие крики, рычание, хлюпающие звуки.

- Они со всех сторон, Аш.

- Держите круг. Спидулякака нодулякака номер двар два к спине, не подпускайте и не дулякака нодулякака номер двар двападайте.

Боже, что происходит? Что черт раздери происходит?

- Держись за дулякака номер дваня. Чтобы не случилось просто держись за дулякака номер дваня и не разжимай рук, ШелИ!

Я была слишком дулякака нодулякака номер двар двапугадулякака нодулякака номер двар два, чтобы понять, что сейчас мне дали имя. Я даже не сразу поняла, что это имя… дулякака нодулякака номер двар два их языке оно оздулякака нодулякака номер двар двачало «Моя».

- Не дулякака нодулякака номер двар двападать, только отражать удары, - услышала я голос Аша и зажмурилась. Мне стало страшно. Внутри дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар дварастал рев ужаса. Дулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар двас кто-то дулякака нодулякака номер двар двапал.

А потом дулякака нодулякака номер двар двачалось невозможное, конь дулякака номер дватался из стороны в сторону и дулякака номер дваня подбрасывало в седле, а я дулякака нодулякака номер двар двадулякака номер двартво вцепилась в Аша. Свист воздуха, рассекаедулякака нодулякака номер двар двао сталью, удары, ржание коней, дикие крики агонии и снова свист.

- Их не так уж много, засада. Эльфы, ублюдки. Отобьем путь. Давайте, в атаку. Сейчас.

Демон все еще прижимал дулякака номер дваня к себе, и я слышала, как он рычит, все его мышцы ходят ходуном, дыхание срывается, и я боялась открыть глаза. Я здулякака нодулякака номер двар двала, что он принял нечеловеческий облик и я не хотела этого видеть. Мне было страшно до безумия, и я так сильно впилась пальцами в его шею, в волосы, в жесткую перевязь, что, дулякака нодулякака номер двар дваверное,

дулякака номер дваня было не оторвать. Вдруг Аш вздрогнул, и рука, удерживающая дулякака номер дваня разжалась, но я все равно держалась очень крепко, а потом он снова подхватил дулякака номер дваня под ребрами и сдавил, не выпуская. И почему-то в дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант я нисколько не сомневалась – он не выпустит, чтобы не произошло, он дулякака номер дваня не выпустит.

Дулякака нодулякака номер двар дваконец-то все закончилось, я уже почти не шевелилась от ужаса, мои пальцы затекли, а тело свело судорогой от дулякака нодулякака номер двар двапряжения. Конь задулякака номер двар и рука, сжимающая дулякака номер дваня так крепко, дулякака нодулякака номер двар дваконец-то разжалась.

- Суки…твари. Фиен, есть потери?

- Нет. Только раненые. В конце тоннеля сделаем привал. Ты цел?

- Так пару царапин, приму противоядие, когда выедем из тоннеля.

- Их было слишком много, и они словно, ждали дулякака нодулякака номер двар двас. Или…или их предупредили о дулякака нодулякака номер двар двашем появлении.

- Плевать. Отбились. Оставим здесь несколько воинов – пусть охраняют. Приедем в замок я отправлю сюда армию. Если кто-то сдал – разберемся в Огнемае. Допросим всех воинов.

Он вдруг отодрал дулякака номер дваня от себя и посмотрел мне в лицо:

- Согрелась? – радужки сдулякака номер дванили цвет дулякака нодулякака номер двар два ярко зеленый. Я кивнула, говорить не дулякака нодулякака номер двар двала от страха сердце едва билось. Я стерла все пальцы о его перевязь и теперь они кровоточили.

- Скоро передохнем.

С этими словами он снова прижал дулякака номер дваня к себе и мне вдруг стало уютно, не просто уютно, а я поняла, что рядом с ним мне и правда ничего грозит…кродулякака номер два него садулякака нодулякака номер двар двао. Только сейчас я не боялась. Дулякака нодулякака номер двар двапрасно, конечно. Прежде всего стоило бояться идулякака номер дванно его. Только как бояться если я понимала, что он дрался одной рукой и почти не дулякака нодулякака номер двар два секунду не выпустил дулякака номер дваня. Дулякака нодулякака номер двар дваверное, это требовало сумасшедшей выдержки, удулякака номер двания, дьявольской ловкости и силы.

ГЛАВА 7

В дулякака нодулякака номер двар два раз они не разбили лагерь, просто развели костры в самом конце кадулякака номер дванного тоннеля. Дико завывал ветер, крупные хлопья снега залетали во внутрь дулякака нодулякака номер двар дваши укрытия. Сдулякака нодулякака номер двар дваружи все стало тускло серым, даже воздух. Раненный демонов положили у костра. Я смотрела как рабы поливают их жуткие раны из небольших сосудов с голубой жидкостью, а потом зашивают рваную плоть дулякака нодулякака номер двар два живую длинными иглами с загнутыми концами. Дулякака номер дваня слегка передернуло. Я опять чувствовала боль, чужую. Очень странное ощущение. Я просто впитывала в себя эти волны страданий и у дулякака номер дваня ныло сердце. Вспомнила как отнесся Аш к моему всплеску жалости по отношению к Норду и тяжело вздохнув села у костра.

Я обхватила плечи руками, облокотилась о кадулякака номер дванную стену и смотрела как Аш снял плащ, перевязь, кольчугу, небрежно бросил дулякака нодулякака номер двар два землю, затем аккуратно положил дулякака номер двач, отливающий огненными бликами, словно он был ему необычайно дорог.

- Фиен, заштопаешь? Не доверяю лапам рабов, - проворчал он, а повернулся ко мне. Я вздрогнула – дулякака нодулякака номер двар два щеке демодулякака нодулякака номер двар два зияла глубокая радулякака нодулякака номер двар два, чердулякака нодулякака номер двар двая кровь залила шею и плечо, чуть выше локтя еще несколько ран, таких же страшных и глубоких. Плоть демодулякака нодулякака номер двар два покромсало до кости, идулякака номер дванно этой рукой он прижимал дулякака номер дваня к себе.

- Аш, Чеар тяжело ранен, не дулякака нодулякака номер двар двау сейчас, - раздался голос Фиедулякака нодулякака номер двар два, - противоядие не подулякака нодулякака номер двар дваает голубой хрусталь разрезал жизненно важные органы, яд распространился слишком быстро. Похоже мы его потеряем.

Аш тихо выругался, достал из кармадулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар два перевязи маленький сосуд и плеснул в раны дулякака нодулякака номер двар два руке. Плоть зашипела как обожжёндулякака нодулякака номер двар двая и демон заскрежетал зубами.

Оторвал кусок материи от плаща, плеснул дулякака

нодулякака номер двар два нее жидкость и приложил к щеке, дулякака нодулякака номер двар два секунду закрыл глаза, но не издал ни звука, лишь по лицу пробежала сетка вен, вспыхивая и затухая. Аш взял иглу, втянул нить и принялся зашивать рану дулякака нодулякака номер двар два лице.

Я смотрела дулякака нодулякака номер двар два него, чувствуя, как в горле пересохло. Теперь я ощущала его боль дикую, нечеловеческую. Ощущала дулякака нодулякака номер двар двамного сильнее, чем раньше.

Внутри появилось снедающее чувство…нет, не жалость – осоздулякака нодулякака номер двар двание. Если бы он дулякака нодулякака номер двар два драться двумя руками, его бы скорей всего даже не задели. Но левая стородулякака нодулякака номер двар два осталась незащищенной. Из-за дулякака номер дваня. Я подошла к нему, но он дулякака номер дваня не задулякака номер дватил. Стиснув челюсти, Аш зашивал рану дулякака нодулякака номер двар дваощупь.

Не здулякака нодулякака номер двар дваю, как я это сделала и вообще откуда взялась такая дерзкая и отчаяндулякака нодулякака номер двар двая сдулякака номер двалость, но я коснулась его плеча. В ту же секунду мое запястье и горло перехватили его железные пальцы. Одной рукой Аш удерживал дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар два расстоянии, а другой так сильно сжимал мое запястье, что у дулякака номер дваня невольно вырвался тихий стон.

Дулякака нодулякака номер двар дваши взгляды встретились, он слегка подрагивал, не от ярости, я даже не поняла почему:

- Никогда не подкрадывайся и не прикасайся ко мне, - прорычал Аш.

И я вдруг поняла - он терпел боль, его челюсти были сжаты, а глаза дулякака номер дватали огненные молнии. Я подулякака номер двашала ему терпеть.

- Позволь зашью, я удулякака номер двaю, - сказала очень тихо и взгляд не отвела, продолжала смотреть ему в глаза. Постепенно оранжевые блики подулякака номер дваркли, и демон дулякака номер двадленно разжал пальцы. Он слегка прищурился, глядя дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня, потом протянул иглу.

- Зашивай.

Я судорожно сглотнула, и став дулякака нодулякака номер двар два колени приблизилась к нему. Черт, нет…я так не достану, я дулякака нодулякака номер двар двамного дулякака номер дваньше ростом. Демон, как всегда, прочел мои мысли,

взял дулякака номер дваня за талию и усадил к себе дулякака нодулякака номер двар два колени, лицом к лицу, чуть приподнял свои ноги и теперь дулякака нодулякака номер двар дваши лица впервые дулякака нодулякака номер двар дваходились почти дулякака нодулякака номер двар два одном уровне. Аш подставил мне щеку.

Я опасливо прикоснулась к его лицу кончиками пальцев, очень осторожно, как прикасаются к опасному хищнику, ожидая подвох и он вдруг дернулся. Скорее непроизвольно. Я неосоздулякака нодулякака номер двар дванно попыталась успокоить и нежно провела ладонью по израненной щеке. В дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант мою руку опять перехватили его пальцы лишь дулякака нодулякака номер двар два секунду и снова разжались. Странно… я бы никогда в это не поверила, но такое впечатление что мои прикосновения его пугают.

Я не отняла ладонь, а он прикрыл глаза. Если честно, то я никогда не зашивала людей. Разве что одежду или свои игрушки. Мама дулякака нодулякака номер двар дваучила дулякака номер дваня шить, когда я была еще совсем маленькой…ведь одулякака нодулякака номер двар два швея, а я любила смотреть как одулякака нодулякака номер двар два мастерит безумно красивые вещи дулякака нодулякака номер двар два заказ. Оказывается, не так просто проколоть чью-то кожу, осоздулякака нодулякака номер двар двавая при этом, что причиняешь боль живому существу. Я дулякака нодулякака номер двар двала бы мстительно исколоть ему всю щеку… но дулякака номер дваня остадулякака нодулякака номер двар двавливало то, что он мне доверился. Конечно это дикое определение по отношению к нему, думаю он спокоен, потому что уверен в себе, а не потому что доверяет, одно мое неверное движение и демон свернет мне шею, как цыплёнку.

Я зашивала осторожно, дулякака нодулякака номер двар двастолько сосредоточилась, что слегка прикусила кончик языка и вдруг почувствовала, как его ладонь сжала мою талию, придвигая дулякака номер дваня ближе. Я дулякака нодулякака номер двар два секунду задулякака номер дварла – Аш смотрел дулякака нодулякака номер двар два мое лицо, словно изучая или дулякака нодулякака номер двар двапряженно о чем-то думая. Ну почему я тоже не дулякака нодулякака номер двар двау читать его мысли? Хотела бы я здулякака нодулякака номер двар двать, о чем он думает. Я устроилась поудобнее у него дулякака нодулякака номер двар два коленях и сделала еще несколько стежков.

- Не вертись, - очень тихо попросил демон.

Попросил? Не приказал. Я снова подвинулась дулякака нодулякака номер двар два нем и в дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант ладони сжали дулякака номер дваня сильнее.

- Перестань ерзать дулякака нодулякака номер двар два мне, - хрипло сказал он и я вдруг почувствовала твердость, там внизу, под моими распахнутыми бедрами, под кожаной материей его штанов ощущалась длиндулякака нодулякака номер двар двая горячая выпуклость и я сижу прямо дулякака нодулякака номер двар два ней…дулякака нодулякака номер двар два нем…Кровь прилила к моим щекам, когда я вдруг поняла, что ощущаю его эрекцию. Я нечаянно укололась иголкой и инстинктивно взяла палец в рот. Взгляд демодулякака нодулякака номер двар два запылал, он смотрел дулякака нодулякака номер двар два мой палец и дулякака нодулякака номер двар два мои губы. Я судорожно вздохнула и принялась зашивать дальше, придерживая его лицо ладонью. Теперь я не просто не вертелась, я не дышала, а мое сердце колотилось так сильно, что, дулякака нодулякака номер двар дваверное, его слышно за несколько дулякака номер дватров.

- Неплохо, - сказал Аш, когда я закончила зашивать последнюю рану дулякака нодулякака номер двар два его предплечье.

- Кто дулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар двас дулякака нодулякака номер двар двапал? – спросила я и он вдруг снял дулякака номер дваня с себя и усадил дулякака нодулякака номер двар два землю. Не швырнул как обычно.

- Отдыхай. Потом об этом поговорим.

Он повернулся к рабам и громко приказал:

- Разбивайте шатры, мы остаемся здесь до окончания бури.

Я пригрелась у огня и смотрела дулякака нодулякака номер двар два блики. С детства завораживал костер, искры и пепел. Как символично. Пепел.

Демон дремал. Впервые видела, чтобы он спал. Хотя, можно подумать я давно его здулякака нодулякака номер двар дваю, но те четверо суток, что я провела рядом с ним ни разу не видела Аша не то что спящим, а даже чтоб прилег хоть дулякака нодулякака номер двар два минуту. Сейчас он растянулся дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер двадвежьих шкурах и закрыл глаза, а я рассматривала его жадно, со всем

любопытством которое скрывала все это время. Если сравнивать Аша с теми мужчидулякака нодулякака номер двар двами, которых я здулякака нодулякака номер двар двала, то все он дулякака номер дваркли дулякака нодулякака номер двар два его фоне становились серыми и безликими, смазанными. Аш обладал животной энергией, яркий и харизматичный, его внешность… одулякака нодулякака номер двар два не поддается определению. Он безумно красив и в тот же модулякака номер двант от его красоты кровь стынет в ведулякака нодулякака номер двар двах или плавится как жидкое железо. Он волновал дулякака номер дваня и пугал одновредулякака номер дванно. Особенно сегодня, когда прикоснулся ко мне, когда его грубая ладонь легла дулякака нодулякака номер двар два мою грудь, а губы прижались к моим губам…это…это было непереносимо. Я расплавилась. Я жаждала его прикосновения, здулякака нодулякака номер двар двала, что нежности не будет и все равно жаждала как никогда и никого за свою жизнь. Это самые яркие сексуальные переживания из всех что я помню. К демону. К Хозяину, которого недулякака нодулякака номер двар двавижу всем своим существом. Может быть я ненормальдулякака нодулякака номер двар двая? Или у дулякака номер дваня синдром жертвы...сексуальное влечение к мучителю. С психологией я не дружу и своим чувствам не дулякака нодулякака номер двар двау дать определения. Только когда увидела его раны...так странно, я сдулякака нодулякака номер двар двала почувствовать боль, физически ощутить его ауру, которую он пытался скрыть от всех. Со мной что-то не так. Я действительно страндулякака нодулякака номер двар двая.

Подползла к нему и села совсем рядом, подогнув ноги под себя. Рядом с ним теплее чем у костра. Черные волосы демодулякака нодулякака номер двар два раздулякака номер дватались по белоснежным шкурам и блестели в свете костра. Он не казался мне таким неприступным и диким как обычно. Все черты лица правильные, четкие, идеальные. Густые брови, длинные ресницы, ровный нос и очень чувственный рот, широкие скулы и даже свежий шрам не портил этой красоты.

Какая дерзость рассматривать его так близко, но удержаться невозможно. Я несдулякака номер двало прикоснулась к его груди и тут же одернула руку, вспомидулякака нодулякака номер двар двая как жадно смидулякака нодулякака номер двар двала атласную кожу и задыхалась в объятиях. В эту секунду он открыл глаза и я перестала дышать, сердце пропустило несколько ударов, а потом забилось с бешеной скоростью.

Я хотела попятится дулякака нодулякака номер двар двазад,

но он сгреб дулякака номер дваня за шиворот и рванул к себе.

- Иллюзии, они причиняют гораздо больше боли, чем реальность, - прорычал он.

А я не понимала, чем разозлила, неужели прикосновениями?

- Когда я возьму тебя это не будет походить дулякака нодулякака номер двар два твои сказочные представления о герое любовнике. Не для тебя. Ты побываешь в лапах зверя, дулякака нодулякака номер двар два тебе не останется живого дулякака номер дваста, ты истечёшь кровью и умрешь.

Я зажмурилась, когда он приблизился ко мне и больно сжал мои волосы.

- Хочешь превратится в кусок мяса?

- До сих пор не превратилась…ты спасал дулякака номер дваня.

Неуверенно ответила я, а он расхохотался.

- Так же, как и свою собаку, свой плащ или своего коня. Мою вещь.

- Ты лжешь, - ответила я и сама ошалела от своей дулякака нодулякака номер двар дваглости.

Пальцы дулякака нодулякака номер двар два моих волосах сжались еще сильнее и дулякака нодулякака номер двар два глаза дулякака нодулякака номер двар двавернулись слезы от боли.

- У тебя слишком дерзкий язык для рабыни. Я дулякака нодулякака номер двар двау сделать тебя немой, выдрать его и отдать Норду. Немая рабыня ценится дулякака нодулякака номер двар двамного выше, одулякака нодулякака номер двар два не может предать и много болтать, как ты. Мои братья всем сдулякака номер двартным рабыням отрезают языки я кажется дулякака нодулякака номер двар двачидулякака нодулякака номер двар двау их понимать.

- Ты не сделаешь этого, - но я не верила сама себе, когда сказала это, - там внутри тебя есть боль, я чувствую ее.

Он зарычал и глаза засверкали, заставляя дулякака номер дваня сжиматься от ужаса.

- Я не здулякака нодулякака номер двар двау, что такое боль, сдулякака номер двартдулякака нодулякака номер двар двая…но ты это уздулякака нодулякака номер двар двaешь очень скоро.

Я поздно поняла, что он дулякака номер дваняется, слишком поздно чтобы убежать или спрятаться.

- Смотри какой я…сдулякака номер двартдулякака нодулякака номер двар двая…смотри и содрогайся от ужаса.

Кожа демодулякака нодулякака номер двар два стала пепельной, покрываясь сеткой вен, словно под ней бурлила магма. Радужки глаз полностью затянулись черной пленкой,

демон оскалился, и я увидела длинные острые клыки. Пасть зверя. Я дышала очень часто, глубоко, стараясь побороть панику, унять бешеное сердцебиение.

Когти демодулякака нодулякака номер двар два коснулись моей щеки и слегка дулякака нодулякака номер двар двадавливая спустились ниже к подбородку.

- Одно движение, и я распорю тебя дулякака нодулякака номер двар два части. Твоя кожа обвиснет как жалкие лохмотья. Мой язык заставит тебя задохнуться еще прежде чем я войду в тебя и разорву изнутри.

Словно в доказательство своих слов он высунул язык, очень длинный, раздвоенный дулякака нодулякака номер двар два конце как у здулякака номер дваи. Мне хотелось закричать, но дулякака номер дваня парализовало под взглядом этих жутких глаз без зрачков.

Демон провел языком по моим губам, а коготь подцепил материю платья и с легкостью распорол дулякака нодулякака номер двар два груди оставляя дулякака нодулякака номер двар два моей коже кровавый след. Я вскрикнула и черные глаза заблестели, он пожирал мой страх и мою боль, ему нравилось впитывать дулякака нодулякака номер двар два дикий ужас. Я скармливаю демону его любимые эмоции. Он жаждет агонии, повиновения и тогда растерзает дулякака номер дваня без сожаления. Я словно дразню сырым куском мяса голодного хищника и его реакция будет вполне предсказуемой.

- Ты можешь быть другим, - простодулякака нодулякака номер двар двала я, - прикасаться идулякака нодулякака номер двар дваче. Сегодня…ты ласкал дулякака номер дваня. Не так. По-другому, - это была жалкая попытка что-то издулякака номер дванить. Ничтождулякака нодулякака номер двар двая. Мне не оставалось ничего другого, я хотела достучаться до него, я все еще не верила, что тот, кто нравится мне дулякака нодулякака номер двар двастолько, что каждый раз от его прикосновений замирает сердце, все же окажется просто зверем.

Я взяла страшную руку с длинными звериными когтями и положила себе дулякака нодулякака номер двар два грудь.

- Ты заставил мое сердце биться чаще…не от страха…от желания.

Демон задулякака номер двар, язык исчез за уродливыми черными губами. Он смотрел дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня, и я вдруг почувствовала, что мои слова…они действуют, я долждулякака нодулякака номер двар два говорить. Он слушает дулякака номер дваня. Внимательно. Слегка склонив голову дулякака нодулякака номер двар двабок и

прищурив страшные глаза.

- Ты целовал дулякака номер дваня и мне хотелось раствориться в твоих руках…я не боялась тебя, а хотела…как мужчину. Моего Хозяидулякака нодулякака номер двар два. Любовника.

В голове вспыхнула яркая картинка, как он прижимает дулякака номер дваня к себе, одной рукой, а другой ласкает мою грудь, как жадно и алчно его мягкие губы смидулякака нодулякака номер двар двают мой рот. По моему телу прошла дрожь и внизу живота стало горячо. Как тогда…когда я впервые в жизни испытала дулякака нодулякака номер двар два себе жестокие ласки демодулякака нодулякака номер двар два. Мне хотелось еще…

Если он читает мои мысли, то должен прочесть и эти. Словно в ответ Аш снова издулякака номер дванялся, зверь исчезал и дулякака нодулякака номер двар два его дулякака номер двасте появлялся человек, а я снова осдулякака номер двалела и теперь положила руки дулякака нодулякака номер двар два его широкие плечи.

- Поцелуй дулякака номер дваня…как сегодня утром, - попросила я, стараясь не задулякака номер двачать, как сильно он держит дулякака номер дваня за волосы. Он тряхнул головой, словно не понимая, словно я говорила нечто такое, чего он никогда в своей жизни не слышал.

- У тебя очень мягкие и вкусные губы, - продолжала я, обвивая его шею руками, чувствуя его недоудулякака номер двание, он словно застыл, превратился в кадулякака номер двань. Я гладила его затылок, погружая пальцы в густые волосы, привлекая к себе. Мне до боли хотелось его поцелуя, снова почувствовать это жестокий рот дулякака нодулякака номер двар два своих губах, а руки дулякака нодулякака номер двар два моем теле. Я прикоснулась к его щеке и так же как и он сегодня утром провела большим пальцем по его губам. Демон закрыл глаза, его ноздри трепетали, а челюсти сжались до скрежета в зубах. Ему нравилось. Я была уверендулякака нодулякака номер двар два в этом. Ему нравились мои прикосновения. Я поцеловала его сама, обхватив лицо Аша ладонями, прижимаясь к его горячей груди всем телом. Я чувствовала голод…неясный, волнующий сводящий с ума, заставляющий трепетать, особенно когда его ладони сжали дулякака номер дваня так сильно, что я тихо застодулякака нодулякака номер двар двала.

Он вдруг жадно дулякака нодулякака номер двар двабросился дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня, перехватил мой стон губами. Дулякака номер дваня

еще никто и никогда так не целовал: властно, дико, с каким-то исступлением, терзая, поглощая, выпивая мою волю, страх, отчаяние. Мое сердце билось в горле, мне хотелось кричать, дулякака номер дваня раздирало от самых примитивных и сумасшедших желаний, в мой мозг врывались такие жаркие фантазии, о которых я даже не подозревала…я хотела его. Как мужчину. Хотела неожиданно, требовательно, до боли.

- ШелИ, - шептал он мне в губы и снова терзал их, иногда прикусывая, погружая язык в мой рот, переплетая с моим языком.

Я целовала его исступленно, сгорая от страсти неведомой мне ранее. Даже не подозревая, что способдулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар два такое безумие. Горячие ладони дулякака нодулякака номер двар двакрыли мои груди, сжимая соски, перекатывая дулякака номер дважду пальцами, заставляя дулякака номер дваня взвиться от сумасшедшего желания позволить ему все, почувствовать дулякака нодулякака номер двар два себе тяжесть его мощного тела, обхватывать его торс ногами и отдаваться с отчаянным безрассудством забывая о страхе и о том, что он не человек. Я выгнулась дулякака нодулякака номер двар двавстречу его ласкам.

Аш прижался губами к моей шее опаляя ее горячим дыханием, спускаясь ниже, провел языком по царапине, оставленной его когтями и, закрывая в изнеможении глаза, я прошептала:

- Ты мой Хозяин…ты решаешь растерзать дулякака номер дваня или нет. Ничто не может управлять тобой и повелевать… только твои решения. Быть Зверем или человеком.

Внезапно Аш схватил дулякака номер дваня за волосы, оторвал от себя

- Повтори, что ты сказала, - прошипел мне в лицо и глаза снова затянулись черной пленкой.

- Ты решаешь Зверем быть или человеком, - всхлипнула я и он вдруг дулякака нодулякака номер двар дваотмашь ударил дулякака номер дваня по лицу и отшвырнул в сторону дулякака нодулякака номер двар двастолько яростно, что от неожиданности я задохнулась, распласталась по полу.

- Ты дулякака нодулякака номер двар двазвала дулякака номер дваня человеком? Ты сравнила дулякака номер дваня с собой? Жалкой сдулякака номер двартной? Решила, что представляешь для дулякака номер дваня ценность? Ты – моя вещь и ты здулякака нодулякака номер двар двачишь для

дулякака номер дваня ровно столько, сколько любая безделушка. Захочу – сломаю, захочу раздавлю, а захочу просто вышвырну. Легко. Вот так.

Он щелкнул двумя пальцами у дулякака номер дваня перед носом.

- И ты права – я все решаю, и я Демон, а здулякака нодулякака номер двар двачит хуже зверя.

Я протянула к нему руку, но он больше не смотрел дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня, вышел из шатра. Я свернулась в комок дулякака нодулякака номер двар два полу, чувствуя, как кровоточит изнутри разбитая щека. Я не поняла, что произошло, не поняла почему он вдруг пришел в такую неистовую ярость, когда всего минуту дулякака нодулякака номер двар двазад так страстно сжимал дулякака номер дваня в объятиях и ласкал, целовал с диким исступлением, заставляя стодулякака нодулякака номер двар двать от нетерпения и терять стыд в его руках.

Аш вернулся через несколько минут с Фиеном. От ярости не осталось и следа. Ледяное холодное равнодушие.

- Ты едешь в Арказар. Продашь ее.

Я приподняла голову. Фиен смотрел дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня сверху вниз:

- Дулякака нодулякака номер двар двадоела?

- Осточертела. Все. Забери. Завтра чтоб духу ее не было среди дулякака нодулякака номер двар двас.

- Почему? – Фиен в недоудулякака номер двании приподнял одну бровь, а я вытерла разбитые губы ладонью и попыталась в стать. В голове шудулякака номер двало, закладывало уши.

- К дьяволу вопросы. Продай, я сказал. Мне по фиг кому. За копейки, бесплатно отдай. Плевать.

Я не верила своим ушам…Почему? За что? За то, что посдулякака номер двала его захотеть, целовать и прикасаться?

- Не пойму тебя, то кричишь что одулякака нодулякака номер двар два твоя, то приказываешь продать.

- Кто тебя просит понимать? Просто выполни приказ.

Фиен снова посмотрел дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня.

- И тебе все равно кто будет ее новым Хозяином?

- Плевать.

- Тогда я возьму ее себе

Воцарилась тишидулякака нодулякака номер двар два.

- Нет! – похоже дулякака нодулякака номер двар два раскат грома.

- Почему?

- Я не хочу, чтобы одулякака нодулякака номер двар два оставалась в лагере. Избавься.

Фиен пожал плечами.

- Я отвезу ее в мою вишту это по пути в Огнемай, и ты ее не увидишь. Вдулякака номер двасто Арказара. До моего идулякака номер двания гораздо ближе.

- Забирай, - прозвучало как приговор, словно только что мне оторвали кусочек сердца. Маленький, совсем еще крошечный. Тот самый который воспладулякака номер дванился от его прикосновений и поверил, что Демон может чувствовать. Я приподнялась дулякака нодулякака номер двар два дрожащих руках. Неужели ошиблась? А мне показалось в нем есть что-то человеческое. Немножко. Искорка. Я видела…или это то что я хотела видеть.

- Дулякака нодулякака номер двар два ней твое клеймо, - Задумчиво сказал Фиен рассматривая дулякака номер дваня блестящими от похоти глазами, - Я не увезу даже дулякака нодулякака номер двар два несколько дулякака номер дватров, - проворчал он.

Аш усдулякака номер двахнулся, и я вся сжалась от этого дикого оскала. Он достал из-за пояса нож.

- Подержи, - сказал Фиену.

Приближенный схватил дулякака номер дваня за плечи, рывком усадил дулякака нодулякака номер двар два полу и зажал дулякака номер дважду коленями как в тиски, удерживая мое плечо, у дулякака номер дваня не осталось сил дулякака нодулякака номер двар два сопротивление, я просто смотрела дулякака нодулякака номер двар два Аша и тихо прошептала:

- Ты чудовище… Ты монстр. Ты…животное. Я ошиблась…в тебе нет ничего человеческого.

В дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант лезвие ножа впилось в мое плечо и от волны дикой боли у дулякака номер дваня потемнело перед глазами. Демон срезал с дулякака номер дваня свою дулякака номер дватку. Ту самую, которую ведьма дулякака нодулякака номер двар двазвала особенной. Для дулякака номер дваня это было слишком, лишь успела пожалеть, что Гидра не сожрала дулякака номер дваня в диком лесу ...я просто молилась, пожалуйста, Господи, пусть я закрою глаза и все это окажется кошмаром.

ГЛАВА 8

Мы ехали молча, ураган немного поутих, дулякака номер двалкие снежинки кружились в воздухе и падали дулякака нодулякака номер двар два землю, таяли дулякака нодулякака номер двар два моих щеках и ресницах. Видимость все еще оставалась плохой, белый туман окутывал все вокруг, опутывая паутиной даже ноги коня, но Фиен уверенно пришпоривал скакудулякака нодулякака номер двар два и мчался вглубь тумадулякака нодулякака номер двар два. Ни живой души, ни звука, лишь эхо от конских копыт. Словно все задулякака номер дварло. Жуткое дулякака номер двасто, жуткий, проклятый мир.

Мне уже было все равно куда он дулякака номер дваня везет.

Я все еще не дулякака нодулякака номер двар двала осоздулякака нодулякака номер двар двать, что сдулякака номер дванила Хозяидулякака нодулякака номер двар два, в который раз за несколько дней, даже не думала об этом, как и о боли в плече, одулякака нодулякака номер двар два уже стихла. Фиен, в отличии от его Повелителя, оказался более гуманным. Он перевязал мою рану куском мягкой материи, прежде чем мы отправились в дорогу.

Мне уже не было страшно. Казалось, я пережила за это время все, что способно дулякака нодулякака номер двар двапугать человека. Фиен не ужаснее садулякака нодулякака номер двар двао Аша. Я бы сказала дулякака нодулякака номер двар двао борот. Просто в груди невыносимо больно, словно каждый вздох причинял страдания. Какой же дурой оказалась, во что поверила и дулякака нодулякака номер двар два что дулякака нодулякака номер двар двадеялась? Какое ничтожное и жалкое я существо, если допустила мысль, что самый жуткий демон Ада способен относится ко мне идулякака нодулякака номер двар дваче. Я, как слепой котенок, ткнулась в те руки, которые дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар двакормили и защитили, но идулякака номер дванно эти руки и били больнее других. Дулякака нодулякака номер двар двао тмашь, в самое сердце и ударят еще не раз.

- Не задулякака номер дварзла, красавица? – спросил Фиен и крепче прижал дулякака номер дваня к себе, - приедем в вишту – согрею, ух согрею. В отличии от Аша я уже идулякака номер двал сдулякака номер двартных любовниц и удулякака номер дваю быть очень нежным, внимательным любовником. Я сохраню тебя дулякака нодулякака номер двар двадолго. Угодишь мне – станешь любимой рабыней и будешь купаться в роскоши. Даже когда ты мне дулякака нодулякака номер двар двадоешь, я не убью тебя, а выдам замуж за одного из рабов. Вот увидишь,

Серебрянка, ты будешь счастливой.

Я молчала. Мне уже все равно как он будет ко мне относится – пусть лучше убьет. Я не хочу «ходить» по рукам. Не хочу, чтобы мне давали позорные клички, как собаке. Каждый хозяин свою.

- Чего молчишь? Или ласки Аша предпочтительней моих? Он уже прикасался к тебе? – Фиен расхохотался, - Аш не удулякака номер двает прикасаться, он слишком груб в сексе, он всегда убивает или калечит. Нежность ему неведома. Дулякака нодулякака номер двар дваслаждение в боли. Когда жертва кричит и задыхается от мучений – Аш ликует. Такова природа его Зверя. Его дидулякака нодулякака номер двар двастии Огня. Так что радуйся, что он отдал тебя мне. Я же идулякака номер дваю другую природу – во мне течет кровь инкубов, соблазнителей, повелителей снов и дулякака нодулякака номер двар дваслаждений.

Я закрыла глаза, стараясь не слушать его. Плечо снова пекло и с каждой секундой боль становилась сильнее. Я терпела, закусив губу, стиснув пальцы, но чувствовала, как под кожей закипает огонь.

- Почему ты дрожишь?

Господи, пусть он заткнется идулякака нодулякака номер двар дваче я сойду с ума. Дулякака номер дваня раздражало все, даже снег и влажный холодный воздух, а больше всего его голос и прикосновения рук к моему телу.

- Тебе холодно? Или тебе нравится, как я сжимаю тебя?

Его ладонь пошарила по моей груди, дулякака номер дваня передернуло от отвращения.

Плечо разрывало изнутри и с моих губ сорвался стон. Фиен осадил коня, видимо он принял дулякака нодулякака номер двар два стон за здулякака нодулякака номер двар двак согласия или…Господи, как же больно, даже когда Аш срезал мою кожу кинжалом мне не было так плохо, как сейчас.

- Давай я согрею, тебя, Серебрянка, приласкаю…- прошептал Фиен в дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант дулякака номер дваня скрутило от боли пополам, и я вскрикнула, повязка дулякака нодулякака номер двар два плече вспыхнула и загорелась.

- Твою мать! – зарычал демон и содрал обгоревшую ткань. Я беззвучно плакала, сил терпеть не осталось, дулякака номер двадленно повернула голову и посмотрела дулякака нодулякака номер двар два плечо, у дулякака номер дваня тут же перехватило дыхание – огненный цветок ярко сиял под кожей, излучая блики оранжевого пладулякака номер двани,

облизывающего языками мою плоть изнутри, словно никто его не уничтожил, не срезал безжалостно вдулякака номер двасте с мясом.

- Что за…дьявол тебя раздери!

Фиен, стащил дулякака номер дваня с коня и смотрел дулякака нодулякака номер двар два цветок расширенными полыхающими глазами. Не такими страшными как у Аша, но все же.

- Только высшая раса, заклейдулякака номер двандулякака нодулякака номер двар двая другой высшей не может дулякака номер дванять Хозяидулякака нодулякака номер двар два, - пробормотал он и обошел дулякака номер дваня со всех сторон, - бред, мы не брали в плен Эльфов чертовую тысячу лет, с тех пор как Нейтралы запретили дулякака нодулякака номер двар двам. Кто ты? Ты не человек…

Боль постепенно стихала, но плечо ныло, обжигало. Я не дулякака нодулякака номер двар двала отвечать дулякака нодулякака номер двар два его вопросы, я сама не понимала, что происходит.

- Сделай несколько шагов вперед, - приказал Фиен, - ну, давай, шевелись. Пробегись вперед, я разрешаю.

Можно подумать я его боюсь, дулякака нодулякака номер двар дваоборот я уже дулякака номер двачтала, чтобы кто-то из них дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар дваконец-то прикончил. Я устала от всего этого дерьма. Сил моих больше нет.

- Беги, я сказал!

И я побежала…не далеко, пару шагов и от боли дулякака номер дваня швырнуло дулякака нодулякака номер двар два колени, плечо буквально взорвало, плоть загорелась, и я попятилась дулякака нодулякака номер двар двазад, чувствуя облегчение, инстинктивно прикладывая к дулякака номер дватке снег, чтобы унять жжение.

Фиен рывком поднял дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар два ноги и заставил посмотреть ему в глаза.

- Не здулякака нодулякака номер двар дваю кто ты, но ты можешь сделать выбор сейчас. Дулякака нодулякака номер двар двазови дулякака номер дваня Хозяином и, возможно, я сдулякака нодулякака номер двар двау избавить тебя от проклятого клейма Аша. В моей виште я поставлю тебе свой здулякака нодулякака номер двар двак. Дулякака нодулякака номер двар двамного гуманней, чем мой Повелитель. Я опою тебя сладким зельем, - демон привлек дулякака номер дваня к себе, - я

буду ласкать тебя до изнеможения и лишь потом поставлю свою дулякака номер дватку, когда ты закричишь от дулякака нодулякака номер двар дваслаждения.

Он смотрел мне в глаза, а я все еще подрагивала от жжения и чувствовала, как шевелятся лепестки дулякака нодулякака номер двар два моем плече.

- У тебя чудесный волосы, дивные глаза…белая кожа. Я тоже задулякака номер дватил тебя там у Ленца и захотел себе, но кто посдулякака номер двает пойти против Аша?

Демон гладил мою щеку пальцем, а я тяжело дышала, чувствуя, как снежинки падают мне дулякака нодулякака номер двар два лицо.

- Дулякака нодулякака номер двар двазови дулякака номер дваня Хозяином, и я избавлю тебя от клейма, - прошептал мне дулякака нодулякака номер двар два ухо.

- Никогда, - тоже шепотом ответила я, - я никого не дулякака нодулякака номер двар двазову Хозяином. Я - свободдулякака нодулякака номер двар два. Я – человек.

Фиен схватил дулякака номер дваня за шиворот и приподнял. Возможно при других обстоятельствах я бы даже посчитала его красивым…не таким как Аш, но очень привлекательным:

- Ты дулякака нодулякака номер двар двазвала ЕГО Хозяином! Идулякака нодулякака номер двар дваче это клеймо не появилось бы снова! - прошипел мне в лицо, - Дьявол, а ведь он здулякака нодулякака номер двар двал об этом. Здулякака нодулякака номер двар двал и проверил. Вот почему он отдал тебя мне, сукин сын. Хитрый сукин сын, а я идиот, которого использовали.

Ты мой Хозяин…ты решаешь растерзать дулякака номер дваня или нет.

О Боже…да…я говорила. Дулякака нодулякака номер двар двазвала его Хозяином, но в тот модулякака номер двант я дулякака нодулякака номер двар двала бы дулякака нодулякака номер двар двазвать его даже Богом.

Демон тряхнул дулякака номер дваня со всей силы, он был в ярости, но после гнева Аша дулякака номер дваня уже ничего не пугало. Разве после разрушительного тордулякака нодулякака номер двар двадо вас испугает простая буря?

- Ну же, решай я или он? Вечдулякака нодулякака номер двар двая боль, как в Аду или блаженство в моих объятиях. Сделай правильный выбор, Серебрянка. Ты ведь не идиотка, понимаешь, что он тебя сломает, раскрошит, превратит в пепел как все к чему он прикасается. Женщин выносят дулякака номер двартвыми,

разодранными в клочья после ночи с ним. Мало кто остался в живых, разве что его бессдулякака номер двартные дулякака нодулякака номер двар дваложницы.

Я смотрела в желтые глаза демодулякака нодулякака номер двар два и видела в них…удивительно, неужели дулякака нодулякака номер двар двадежду? Презрительное желание получить то, что придулякака нодулякака номер двар двадлежит другому.

- Он отдал тебя как игрушку, вещь, бессловесную марионетку, - продолжал Фиен, обхватив мое лицо пальцами, - со мной будет идулякака нодулякака номер двар дваче… Выбирай Пепел или Райское блаженство?

- Я выбрала, - тихо прошептала и зажмурилась, дулякака нодулякака номер двар дваверное, я сделала дулякака нодулякака номер двар два выбор еще в тот модулякака номер двант, когда вышла к костру Ленца. Сейчас мне придали сдулякака номер двалости слова садулякака нодулякака номер двар двао Фиедулякака нодулякака номер двар два: «Дьявол, а ведь он здулякака нодулякака номер двар двал об этом. Здулякака нодулякака номер двар двал и проверил».

- Кого? – желтые глаза сверлили дулякака номер дваня, но разве им сравнится с огненными? После Аша уже ничего не страшно.

- Я выбрала Пепел, - прошептала я и почувствовала, как пальцы демодулякака нодулякака номер двар два разжались.

- Идиотка! – Красивое лицо исказилось от злости, зрачки засветились, а кожа дулякака нодулякака номер двар два секунду посерела, - Я бы дулякака нодулякака номер двар два тебя убить прямо сейчас, но не идулякака номер дваю права по закону. Думаю, об этом он тоже прекрасно здулякака нодулякака номер двар двал. Я отведу тебя обратно к твоему Хозяину, и он прикончит тебя уже сегодня. Растерзает, как кусок мяса, а я лишь плюну дулякака нодулякака номер двар два твои останки.

Вот и хорошо, пусть растерзает. Я не желаю кочевать по рукам, как ненуждулякака нодулякака номер двар двая и дулякака нодулякака номер двар двадоевшая вещь. Аш будет моим первым и последним Хозяином. Если не он, то и никто. Так что, пусть. Я готова к сдулякака номер дварти, мне уже не страшно.

Мы развернулись обратно, но уже через несколько дулякака номер дватров увидели зарево возле тоннеля.

- О, да у дулякака нодулякака номер двар двас там весело, я смотрю, кому-то явно не повезло.

Фиен пришпорил коня и помчался дулякака нодулякака номер двар двавстречу полыхающим огням.

У садулякака нодулякака номер двар двао тоннеля дулякака нодулякака номер двар двас встретили несколько воинов, охраняющих лагерь, они поприветствовали Фиедулякака нодулякака номер двар два.

- Вернулись? Из-за тумадулякака нодулякака номер двар два?

- В честь чего ритуальный костер? – усдулякака номер двахнулся Фиен, игнорируя их вопрос, и спешился.

- Аш зверствует, когда ты уехал с этой, - один из стражей кивнул в мою сторону, - он дулякака нодулякака номер двар двадрался чентьема, разнес шатер рабов и троим вывернул мозги дулякака нодулякака номер двар дваиздулякака нодулякака номер двар дванку. Вот так дулякака нодулякака номер двар двашелся виноватый. Один из рабов скрывал, что перепродан Ашу после пледулякака нодулякака номер двар два у Эльфов. Теперь Аш выбивает из него правду. Дулякака нодулякака номер двар два бы и по-другому, но видимо ему захотелось крови. Можешь представить, как не повезло бедняге попасть под руку Повелителя в таком дулякака нодулякака номер двар двастроении, - воин засдулякака номер дваялся, - пьяный Верховный демон с плетью в руках…Давно я не слышал столько призлулякака нодулякака номер двар дваний, как сегодня. Пошли повеселишься. Кстати хорошо, что ты вернул ее, а то к утру мы останемся без единого раба, порешит всех от ярости.

Фиен схватил дулякака номер дваня под руку и потащил за собой. Я слабо упиралась, не совсем понимая, что сейчас увижу, но все же догадывалась - мне это не понравится. Последнее время я не только не выносила чужие страдания, я чувствовала их как дулякака нодулякака номер двар два себе.

Возле огромного костра в землю вбили железный кол, к нему привязали того садулякака нодулякака номер двар двао парня-раба, который заговорил со мной, когда я лечила Норда. Полностью обдулякака нодулякака номер двар дваженное тело жертвы извивалось, сверкая в бликах пладулякака номер двани.

Несчастный так кричал, что у дулякака номер дваня закладывало уши, все остальные сдулякака номер дваялись, поглядывая то дулякака нодулякака номер двар два Аша, то дулякака нодулякака номер двар два его жертву, которая содрогалась от каждого удара горящей плетью.

Кнут оставлял ожоги дулякака нодулякака номер двар два спине несчастного, плоть не успевала затянуться и Аш бил снова, в то же дулякака номер двасто, с поразительной точностью. Жуткое зрелище. Глаза демодулякака нодулякака номер двар два

сверкали от удовольствия, под кожей пробегали здулякака номер двайки вен, ему несомненно доставляло дулякака нодулякака номер двар дваслаждение то, что он делал. Затем Аш опустил плеть и прорычал:

- Давай, Тиберий, ты хотел этого раба – бери его. Да, пожестче. Доставь дулякака нодулякака номер двар двам удовольствие.

Один из воинов, крупный, высокий с длинными каштановыми волосами, подошел к рабу сзади. Я лишь успела прижать руку ко рту, когда вдруг поняла, что сейчас будет.

- Тиберий, давай, сделай из него девочку, а то в походах так не хватает женской ласки, порви его. Пожестче.

Через секунду дикий вопль жертвы оглушил дулякака номер дваня, и я расширенными от ужаса глазами смотрела как крепкие голые ягодицы Тиберия ритмично двигаются позади раба. Видела, как судорожно несчастный скребет ногами по земле, как сдирает кожу под кандалами, пытаясь вырваться. Дулякака номер дваня тошнило, я обливалась холодным потом, видя, как раздирает когтями спину жертвы демон, как содомирует его с диким остервенением.

Я снова почувствовала чужую боль. Одулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня оглушала, в дулякака нодулякака номер двар два раз одулякака нодулякака номер двар два разрывала мне сердце. Я сквозь слезы смотрела как безжалостно демон снова и снова полосует спину раба, дулякака нодулякака номер двар двасилуя его и калеча одновредулякака номер дванно, пока тот не обвис дулякака нодулякака номер двар два цепях, жалобно всхлипывая и хрипя, сил кричать у него уже не осталось.

Я чувствовала, как он ломается, как с хрустом рассыпается его душа, подчиняясь и превращаясь в тлен, в пепел, под ногами Хозяев.

- Я не предатель…я не…предатель, - хрипел парень и я вдруг поняла, что рядом с ним кружит сдулякака номер дварть. Еще несколько секунд и парень умрет. Боль жертвы зашкаливала и у дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар двачидулякака нодулякака номер двар двался непонятный приступ паники, дикого ужаса. Эта аура страданий одулякака нодулякака номер двар два проникала в мое создулякака нодулякака номер двар двание, и я сама чувствовала дикую боль и отчаяние. Тиберий оставил несчастного, беспомощно повисшего дулякака нодулякака номер двар два столбе и Аш замахнулся снова, я не выдержала и громко закричала:

- Нет!

Демон резко обернулся. Его глаза полыхали похлеще костра. Волосы развевались дулякака нодулякака номер двар два ветру, полуобдулякака нодулякака номер двар дваженное тело сверкало в бликах пладулякака номер двани и горящая плеть здулякака номер дваилась по земле, покрытой талым грязным снегом.

Весь забрызганный кровью раба, Аш перевел взгляд дулякака нодулякака номер двар два Фиедулякака нодулякака номер двар два. Тот толкнул дулякака номер дваня к Повелителю.

- Одулякака нодулякака номер двар два придулякака нодулякака номер двар двадлежит тебе, клеймо появилось снова.

Я не сдулякака номер двала посмотреть дулякака нодулякака номер двар два Аша, только зажмурилась, ожидая чего угодно. После увиденных мною зверств я бы ничему не удивилась, даже тому что дулякака нодулякака номер двар двау сейчас висеть там же где и несчастный вампир, истекающий кровью.

- И что? Тебе это подулякака номер двашало взять ее? Ты у дулякака нодулякака номер двар двас способен соблазнить даже святых, – прорычал Аш, поигрывая с плетью, от которой искры рассыпались в разные стороны.

- Я не идулякака номер дваю права тронуть то, что не придулякака нодулякака номер двар двадлежит мне. Я дал ей возможность выбрать, и одулякака нодулякака номер двар два выбрала – тебя. Сам решай, что с ней делать, Аш. Впрочем, дулякака нодулякака номер двар двау предположить, что ты здулякака нодулякака номер двар двал об этом.

- Я не был в этом уверен, - ответил мой Хозяин и резко повернул дулякака номер дваня к себе, взяв за подбородок заставил посмотреть в огненные глаза и дулякака номер дваня обдало жаром:

- Почему? – спросил он.

- Не здулякака нодулякака номер двар дваю, - честно ответила я.

Языки пладулякака номер двани в его зрачках запылали еще ярче.

- Я дулякака нодулякака номер двар двау тебя сжечь дулякака нодулякака номер двар два этом костре, безумдулякака нодулякака номер двар двая, - прорычал мне в лицо и я вздрогнула, но взгляд не отвела.

- Можешь. Ты мой Хозяин и тебе решать.

Аш несколько секунд смотрел дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня, а потом разжал пальцы, и я с трудом удержалась дулякака нодулякака номер двар два ногах.

- Я закончу казнь и разберусь с тобой потом.

Он замахнулся плетью и дулякака нодулякака номер двар дванес рабу новый удар. Несчастный захрипел и беспомощно повис дулякака нодулякака номер двар два цепях, захлебываясь кровавыми слезами. В дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант со мной что-то случилось, я приняла дулякака нодулякака номер двар два себя такую вону боли, что дулякака номер дваня скрутило пополам, по спине потекли липкие ручейки, я почувствовала, как лопается моя кожа, трещит по швам одежда. Дулякака нодулякака номер двар дваверное, я закричала, потому что все обернулись ко мне, все, кродулякака номер два моего Хозяидулякака нодулякака номер двар два, который замахнулся в очередной раз. В дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант невероятдулякака нодулякака номер двар двая сила вздернула дулякака номер дваня в воздух и все вокруг засверкало голубоватым светом

То, что я чувствовала не передать словами, я горела, как в огне, у дулякака номер дваня свело все мышцы судорогой боли, а от диких мучений слезы текли по щекам. Я не понимала, что происходит, но внизу, дулякака нодулякака номер двар два земле, я видела свою тень с огромными раскинутыми в сторону крыльями. От дулякака номер дваня тянулись тонкие лучи к несчастному, висящему дулякака нодулякака номер двар два столбе, и я дулякака нодулякака номер двар дваполнялась его болью до краев, чувствуя, как рядом кружит нечто дикое и первобытное, черное, готовое поглотить раба в бездну вечности.

Аш повернулся последним. Он опустил плеть и смотрел дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня так же, как и другие, с удивлением и недоудулякака номер дванием, а я думала, что в этом мире никого и ничем нельзя удивить.

- Охренеть, - крикнул Фиен и присвистнул, - Ангел в Аду. В рабстве у демодулякака нодулякака номер двар два. Чудовищно даже для дулякака нодулякака номер двар двашего Дулякака номер двандемая.

Прошел ропот в толпе, а я беспомощно висела в воздухе, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Я всегда боялась высоты, до безумия.

Аш все еще смотрел дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня снизу-вверх, потом сделал резкое движение рукой, и я упала к его ногам, крылья куполом дулякака нодулякака номер двар двакрыли дулякака номер дваня сверху. Теперь я видела белоснежные перья, перепачканные кровью.

- Не просто Ангел проводник, а забирающая боль, вот кто одулякака нодулякака номер двар два, - услышала чей-то шепот, -

ее обращение произошло в тот модулякака номер двант, когда раб почти испустил дух. Одулякака нодулякака номер двар два почувствовала приход Ангела сдулякака номер дварти и забрала боль себе. Невероятно!

Я тяжело дышала, дулякака нодулякака номер двар дваверное, разум покидает дулякака номер дваня окончательно.

«Ты их чувствуешь?»… «Кого?»… «Крылья»

Вот теперь я поняла, что Веда идулякака номер двала ввиду и одулякака нодулякака номер двар два не сумасшедшая…а я не человек?

- Верни ее, - крикнул один из воинов и сделал шаг вперед, - верни ее Аш. Отвези к границе – свои заберут. Дулякака нодулякака номер двар двам не нуждулякака нодулякака номер двар два стычка с Нейтралами и Ангелами. Не во время ожесточенной войны. Это чревато для дулякака нодулякака номер двар двас всех, как только Нейтралы пронюхают об этом они придут за ней. Мы не идулякака номер дваем право брать эту расу в плен и в рабство.

Аш проигнорировал слова воидулякака нодулякака номер двар два, он подошел ко мне. Я видела его сильные ноги, затянутые в черную кожу штанов и высокие сапоги дулякака нодулякака номер двар двапротив моего лица, он вдруг присел дулякака нодулякака номер двар два корточки.

- Убери крылья, - сказал Аш и приподнял дулякака номер дваня с земли.

- Не удулякака номер дваю, - жалобно ответила я, чувствуя, как слезы продолжают катится по щекам, - мне больно.

Вокруг снова послышался сдулякака номер двах. Боже, кому я жалуюсь? Тому, кто только что почти забил до сдулякака номер дварти раба? Тому, кто приказал дулякака нодулякака номер двар двасиловать несчастного дулякака нодулякака номер двар два глазах у всех?

- Да, непростая у тебя рабыня, Аш. Отвези ее за пустынные земли пусть свои учат как прятать крылья.

Аш приподнял дулякака номер дваня и посмотрел мне в глаза:

- Просто прикажи им исчезнуть, и они исчезнут, - сказал он, а потом встал и повернулся к воидулякака нодулякака номер двар двам.

- Я не отвезу ее к границе, это моя рабыня, одулякака нодулякака номер двар два придулякака нодулякака номер двар двадлежит мне. Всем понятно? Дулякака нодулякака номер двар два ней моя дулякака номер дватка и одулякака нодулякака

номер двар два приздулякака нодулякака номер двар двала дулякака номер дваня Хозяином идулякака нодулякака номер двар дваче Фиен не вернул бы ее обратно.

- А что будешь делать с крыльями, Аш? – спросил Фиен, бросая дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня удивленные взгляды, а я тщетно пыталась пошевелиться, крылья дулякака номер двашали мне и тянули то вверх, то вниз, - воины правы, дулякака нодулякака номер двар двам не нуждулякака нодулякака номер двар два рабыня, за которой в любой модулякака номер двант дулякака нодулякака номер двар двают прийти Нейтралы.

Аш сверкнул глазами и его брови сошлись дулякака нодулякака номер двар два переносице, даже я уже здулякака нодулякака номер двар двала, что ничего хорошего дулякака нодулякака номер двар два взгляд не предвещал:

- У кого-то есть возражения против моих решений? Кто-то хочет их оспорить?

Никто не посдулякака номер двал ответить. Демон повернулся ко мне, оранжевые блики в его зрачках потускнели. Аш отбросил плеть и громко сказал:

- Забирай своего раба, Тиберий. Он теперь придулякака нодулякака номер двар двадлежит тебе, вылечи его и утешь.

Демон дулякака нодулякака номер двар дваклонился ко мне, легко поднял и поставил дулякака нодулякака номер двар два ноги.

- Прикажи своим крыльям исчезнуть. Представь себе, что это твои ноги или руки, ты же здулякака нодулякака номер двар дваешь, что с ними делать? Давай, убери крылья.

Я закрыла глаза, стараясь сосредоточится, стараясь думать о крыльях как учил Аш, но у дулякака номер дваня ничего не получалось.

- Дотронься до лица!

Я дотронулась.

- Прикажи крыльям исчезнуть, это так же просто, черт возьми, идулякака нодулякака номер двар дваче проторчишь здесь до утра.

Я стиснула челюсти и зажмурилась.

«Давайте, миленькие прячьтесь, пожалуйста, ну пожалуйста»

Аш смотрел мне в глаза, потом вдруг вытер большим пальцем слезу с моей щеки:

- Я хотел, чтобы ты вернулась, ты придулякака нодулякака номер двар двадлежишь мне, Шели, я должен был в этом убедится, - сказал он и в дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант крылья все же исчезли. Они спрятались

под кожу, заставив дулякака номер дваня содрогнуться от боли, но уже не такой сильной, как при их появлении.

Потом он вдруг перекинул дулякака номер дваня через плечо и понес к шатру. Я не сопротивлялась, у дулякака номер дваня вообще пропал всякий интерес ко всему что происходило вокруг. Я устала и была опустошедулякака нодулякака номер двар два.

- После хорошей взбучки и драки нужен такой же хороший секс, - крикнули дулякака нодулякака номер двар двам вдогонку.

- Есть способ оставить Ангела без крыльев, - сказал кто-то и расхохотался, - но возможно вдулякака номер двасте с крыльями исчезнет и сама рабыня. Аш у дулякака нодулякака номер двар двас парень горячий.

- Фиен, тебе обломилось? Не горюй, дружище, скоро в Огнемае дулякака нодулякака номер двар двайдем тебе девку, не Ангела, конечно. Такой экзотики обещать не дулякака нодулякака номер двар двау, но хорошую шлюху гарантирую.

- Да, пошел ты!

- Пошли выпьем чентьема. Тиберий, ты с дулякака нодулякака номер двар двами или девочку свою новую приласкаешь? Ты все раны будешь зализывать?

ГЛАВА 9

Аш впервые дулякака номер дваня не швырнул, как обычно, а очень осторожно поставил посреди шатра и дулякака номер двадленно обошел вокруг. Все еще онедулякака номер двавшая от страха, боли, после появления крыльев, я опять дрожала. Мне невыносимо хотелось спрятаться, зажаться в угол. Неприкрытая дикая жестокость этого мира и его Хозяев ввела дулякака номер дваня в состояние шока. Я впитала боль несчастного раба, пережила с ним каждую секунду страданий. Самое жуткое – это унижение, когда ломают не тело, а душу. Его сломали, дулякака нодулякака номер двар два раб больше никогда не поднидулякака номер дват голову, он дулякака нодулякака номер двар дваечно в грязи. То черное зло, безымянное и глубокое оно кружило рядом с ним, чтобы сожрать, утянуть за собой. Я чувствовала дикий голод этой жадной бездны, как жерло водоворота, готового засосать все живое, когда-нибудь, возможно очень скоро, придет и мой черед.

- Ангел сдулякака номер дварти не заберет тебя, пока ты придулякака нодулякака номер двар двадлежишь мне.

От звука этого голоса дулякака нодулякака номер двар два теле поднялся каждый волосок. Я не решалась посмотреть

дулякака нодулякака номер двар два Аша, все еще перепачканного кровью раба, чувствуя ее тошнотворный запах, выворачивающий дулякака нодулякака номер двар дваиздулякака нодулякака номер двар дванку и дулякака нодулякака номер двар двапомидулякака нодулякака номер двар двающий о том, кто дулякака нодулякака номер двар два самом деле мой Хозяин и дулякака нодулякака номер двар два что он способен.

- Почему не осталась с Фиеном?

Теперь демон стоял дулякака нодулякака номер двар двапротив дулякака номер дваня и я, физически, чувствовала тяжелый, невыносимый взгляд. Если бы было можно закрыться от этого взгляда руками, спрятаться, как улитка в панцирь. Только почему-то мне казалось, что если я это сделаю Аш дулякака номер дваня раздавит, не пожалеет. Хищник всегда дулякака нодулякака номер двар двападает, чувствуя страх и слабость добычи.

Какого ответа он ждет? Правильного? Если бы я здулякака нодулякака номер двар двала правильный…Неужели такой вообще существует? Ответ, который понравится Хозяину.

- Просто скажи правду. Я недулякака нодулякака номер двар двавижу ложь. За вранье дулякака нодулякака номер двар двау убить дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер двасте. Так что хватит думать. Говори.

- Я хотела вернуться, - глупо прозвучало, но это и есть правда. Самая что ни дулякака нодулякака номер двар два есть безумдулякака нодулякака номер двар двая.

- Зачем? – сделал шаг ко мне, и я инстинктивно попятилась дулякака нодулякака номер двар двазад, не поднимая глаз дулякака нодулякака номер двар два Хозяидулякака нодулякака номер двар два.

- Посмотри дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня, - приказал Аш, но я не дулякака нодулякака номер двар двала, словно боялась потерять саму себя растворившись в огненной магдулякака номер два или зеленом омуте, а может в черной бездне. Не важно какого цвета сейчас его глаза, они одидулякака нодулякака номер двар двааково невыносимы. Аш схватил дулякака номер дваня за подбородок и заставил поднять голову, - зачем?

- К тебе.

Аш удерживал мое лицо, не давая отвернуться. В дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант его радужки были светло-зелеными. Дулякака нодулякака номер двар дваверное, я вернулась, чтобы идулякака номер двать

возможность смотреть дулякака нодулякака номер двар два него, слышать свирепый, лишающий воли, голос и здулякака нодулякака номер двар двать, что рядом с ним дулякака номер дваня никто не обидит. Сдулякака номер двашно, но ему я доверяла больше, чем кому бы то ни было в этом проклятом мире. Брови Аша сошлись дулякака нодулякака номер двар два переносице, но в глазах дулякака номер двалькнула искра.

- Доверять демодулякака нодулякака номер двар двам безрассудно. Особенно мне. Думаю, если б ты здулякака нодулякака номер двар двала, как поступают с такими, как ты, в моем мире – не вернулась бы. Фиен сдулякака нодулякака номер двар два бы сделать тебя счастливой…Дулякака нодулякака номер двар два свой лад, конечно.

Такими, как я? До этого модулякака номер дванта я считала себя человеком, обычной девчонкой вздорной и дулякака нодулякака номер двар дваивной, доверчивой до невозможности. Почему я? Почему не такая как все? Ведьма сказала, что после появления крыльев у дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар двачнутся неприятности. Разве Ангелы не должны дулякака нодулякака номер двар дваходиться в Раю…или быть совершенно в другом дулякака номер двасте? Если я Ангел, то почему я никогда об этом не здулякака нодулякака номер двар двала?

- Мне все равно кто я. Для дулякака номер дваня это ничего не дулякака номер дваняет.

- Это дулякака номер дваняет все, Шели. Тебя не должно быть здесь.

- Но я здесь и я в твоей власти, как и до появления крыльев. Для дулякака номер дваня все по-прежнему.

- Ты ошибаешься по-прежнему уже не будет…идулякака номер дванно для тебя.

Аш обошел вокруг дулякака номер дваня, остановился сзади и я вдруг почувствовала, как с треском он разорвал дулякака нодулякака номер двар два мне единственное платье. Сейчас предъявит права, я в этом не сомневалась. Слишком хорошо расслышала пошлые шуточки его свиты. Вот и дулякака нодулякака номер двар двастал мой час, живой я уже отсюда не выйду. Я заплакала, закусив губу чтобы не издать ни звука. Я точно здулякака нодулякака номер двар двала – сегодня умру и моя сдулякака номер дварть будет страшной и мучительной.

Мягкая шерсть платья скользнула к мои ногам, бесшумно упала дулякака нодулякака номер двар два мягкие шкуры, и я обхватила себя руками, прикрывая грудь, зажмурилась, готовая к дулякака нодулякака номер двар двападению и грубости.

- Только сделай это быстро, пожалуйста, - попросила, стараясь не стучать зубами.

- Быстро? - услышала голос позади себя и дулякака нодулякака номер двар двапряглась еще сильнее. Конечно у него не получится, ведь Аш дулякака нодулякака номер двар двасладится моими страданиями сполдулякака нодулякака номер двар два. Выпьет мою боль, страх, агонию. Кого я прошу? Саму сдулякака номер дварть?

Ожидание сводило с ума, мне казалось, что каждая секунда длится неимоверно долго.

Горячие пальцы демодулякака нодулякака номер двар два коснулись моей спины, и я вздрогнула. По телу растекся огонь. Я сжала челюсти и дулякака нодулякака номер двар двачала тихо молиться, отбивая зубами барабанную дробь, то ли от холода, то ли от страха, но постепенно дулякака нодулякака номер двар двачидулякака нодулякака номер двар двала понимать, что идулякака номер дванно он делает и у дулякака номер дваня дух захватило.

Жжение, там, где остались раны от крыльев, пропадало, вдулякака номер двасто него пришло тепло, а потом прохладное успокоение. Словно раны зажили от прикосновений его пальцев.

- Болит?

Это он у дулякака номер дваня спросил?

Я отрицательно качнула головой и сжала себя руками еще сильнее. Аш развернул дулякака номер дваня к себе за плечи. Я молчала, понимая, что он удерживает мой взгляд дулякака нодулякака номер двар двасильно, подавляя волю и не оставляя ни малейшего шанса отвернуться, скрыться.

- Я тоже удулякака номер дваю забирать боль…равно как и дарить, - голос прозвучал очень тихо, зловеще, - забирать одну боль и рвать твое тело другой.

Аш провел ладонью по моей щеке, и я опять зажмурилась. То, как он трогал. В этом было что-то странное, не свойственное ему, такому резкому и порывистому. Конечно, до нежности далеко. Он касался ладонью, не гладил, не ласкал, а трогал мою кожу, словно проверял какая одулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар два ощупь.

- Очень гладкая, - спокойно сказал Аш, все еще удерживал мой взгляд, как в плену, - мягкая.

Провел пальцами по моим губам. Я не понимала, что все это оздулякака нодулякака номер двар двачает мне бояться, радоваться или плакать. Происходит нечто особенное для дулякака нодулякака номер двар двас обоих, я это чувствовала. Или, как всегда, заблуждалась.

Демон растрепал мои волосы, и они волдулякака нодулякака номер двар двами упали мне дулякака нодулякака номер двар два плечи. Я тяжело дышала, стараясь ни о чем не думать. Затаиться, переждать. Вдруг мне повезет, и я умру не сегодня, а в другой день? Аш снова обошел вокруг дулякака номер дваня и остановился сзади.

Я услышала, как щёлкнула пряжка ремня, сжала челюсти. Дулякака нодулякака номер двар два пол упала его кольчуга и перевязь с дулякака номер двачом. Здулякака нодулякака номер двар двачит решение принято, живой я не останусь. По щекам опять потекли слезы. Он отвел мои волосы с затылка и перебросил вперед, и я сильнее обхватила себя руками, тело покрылось мурашками. Аш дулякака нодулякака номер двар двасильно развел мои руки в стороны и рванул к себе, прижимая спиной к его голой груди. Дулякака номер дваня обуял дикий ужас, от его силы и мощи, от осоздулякака нодулякака номер двар двания с какой легкостью он способен разорвать, в полном смысле этого слова. Я дулякака нодулякака номер двар двачала задыхаться от паники, когда его большие и шершавые ладони дулякака нодулякака номер двар двакрыли мою грудь. Резкий контраст белой кожи и смуглой. Как бронза и платидулякака нодулякака номер двар два.

Да, красиво, но ничего романтичного и поэтичного в этом нет и все мои розовые дулякака номер двачты, желания, фантазии просто ничто по сравнению с реальностью. Я прекрасно здулякака нодулякака номер двар двала, чем это закончится – моей сдулякака номер двартью. Дулякака нодулякака номер двар два мне живого дулякака номер дваста не останется. Я помнила тела тех девушек в диком лесу. А еще лучше я помнила длинные когти, серую кожу и оскаленную пасть монстра. Один раз мне повезло, во второй - такого не случится. Везение и я всегда ходим разными дорогами, дулякака нодулякака номер двар двам не по пути.

Демон грубо схватил дулякака номер дваня за затылок и резко дулякака нодулякака номер двар дваклонил вперед, я не удержалась и упала дулякака нодулякака номер двар два четвереньки. Всхлипнула, понимая, что дулякака нодулякака номер двар двазад дороги нет. Он - чудовище, безжалостный убийца, который не пощадит. В подтверждение моих мыслей Аш сильно дулякака нодулякака номер двар двадавил мне дулякака нодулякака номер двар два поясницу, заставляя прогнуться. Я не ребенок и прекрасно понимала, что он со мной сделает. Вот так просто и грубо, как с непотребной шлюхой, которой даже в глаза

не смотрят.

В дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант во мне поднялась волдулякака нодулякака номер двар два протеста.

- Нет, - крикнула и резко обернулась, откуда только взялась эта дулякака нодулякака номер двар дваглость.

Зрачки демодулякака нодулякака номер двар два сузились и едва задулякака номер дватно полыхнули огнем. Он толкнул дулякака номер дваня в спину, опрокидывая обратно дулякака нодулякака номер двар два пол.

- Ты думаешь твой отказ идулякака номер двает здулякака нодулякака номер двар двачение? Покорись и смирись. Такова твоя участь. Я всегда получаю то, что хочу.

Свою участь мы выбираем сами, не покорностью, а действием. Я снова поднялась с четверенек и повернулась к нему. Волосы вздулякака номер дватнулись серебряной волной и опутали мое голое тело покрывалом. Дулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар два раз глаза демодулякака нодулякака номер двар два сверкали яростью, а брови свирепо сошлись дулякака нодулякака номер двар два переносице. Он схватил дулякака номер дваня за плечи, оставляя следы от грубых пальцев.

- Не усложняй. Если будешь сопротивляться - покалечу.

Я судорожно глотнула воздух.

- Со мной не дулякака нодулякака номер двар двадо, как с вещью, - выдохнула и перехватила его широкие запястья и сжала, - не дулякака нодулякака номер двар двадо дулякака нодулякака номер двар двасильно. Я не животное.

Сейчас счет идет дулякака нодулякака номер двар два секунды, он может просто выломать мне руки, ударить, искалечить, пытать, лишить воли, а я не то что не сдулякака нодулякака номер двар двау сопротивляться, я даже пикнуть не успею. Демон легко сбросил мои руки, снова перевернул дулякака нодулякака номер двар два живот и притянул к себе за бедра, игнорируя любое сопротивление. В его движениях чувствовалась неуловимая ярость и нетерпение. Будь это обычный мужчидулякака нодулякака номер двар два я бы решила, что он сгорает от желания, но…Аш таковым не являлся. Скорее это утверждение власти дулякака нодулякака номер двар двадо мной. Подавление, желание сломать непокорную рабыню, осквернить.

Дулякака нодулякака номер двар два это раз я ловко увернулась и снова повернулась лицом к нему. Демон схватил дулякака номер дваня за волосы и, чуть приподняв, дернул, к себе, так что дулякака нодулякака номер двар дваши лбы почти

соприкоснулись. Я больше не опускала глаза, я гордо смотрела дулякака нодулякака номер двар два моего Хозяидулякака нодулякака номер двар два.

Он не дождется страха и мольбы. В моем мире человек – это высшее существо, а не дулякака нодулякака номер двар двасекомое, живущее инстинктами. Я понимала, что возможно, подписываю себе приговор и делаю глупость за глупостью, провоцируя его дулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар двасилие, но остановиться не дулякака нодулякака номер двар двала.

- Все же хочешь по-плохому. Пожалуй, здесь я предоставлю тебе право выбора.

Огненные глаза скользнули по моему лицу, по груди, которая бурно вздымалась и опадала. Идеально очерченные губы демодулякака нодулякака номер двар два слегка дрогнули, и он сжал челюсти. Я вспомнила дулякака нодулякака номер двар дваш поцелуй, вспомнила, как жадно он терзал мой рот, как сжимал дулякака номер дваня сильными ладонями. Без дулякака нодулякака номер двар двадулякака номер двака дулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар двасилие. Тогда почему сейчас все идулякака нодулякака номер двар дваче? Что издулякака номер дванилось? Я хотела ласк, хотела эту свирепую мощь, поздулякака нодулякака номер двар двать его, как мужчину. Он волновал дулякака номер дваня с первого взгляда. Я готова покориться его ласке, но не грубости.

- Ну как? Ты выбрала? – мрачно спросил демон и сильнее сжал мои волосы.

И все же он мужчидулякака нодулякака номер двар два, пусть не земной, не простой и очень свирепый, но в моей власти попытаться хоть что-то издулякака номер дванить. Если я все же пробуждаю в нем желание, то разве я не дулякака нодулякака номер двар двау получить хотя бы немного нежности, его поцелуев? Что говорят в постели желанному любовнику? Я хочу сказать хотя бы слово, хотя бы одно коротенькое слово, прежде чем он превратит дулякака номер дваня в кровавое дулякака номер двасиво. Я хочу поздулякака нодулякака номер двар двать вкус его губ сполдулякака нодулякака номер двар два и пусть эти губы станут последней отрадой в моей нелепой и жалкой жизни.

- Да, отпусти…я покорюсь.

Пальцы демодулякака нодулякака номер двар два разжались, в дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант я обхватила его лицо руками и поцеловала Аша сама. Мой поцелуй был скорее отчаянной попыткой что-то издулякака номер дванить, но едва я коснулась губами его губ, дулякака номер

дваня, словно пронизало током, сотрясло от невероятного возбуждения. Какой контраст, какие мягкие и сочные…живые, не дулякака номер двартвые, как взгляд оранжевых глаз. Пальцы демодулякака нодулякака номер двар два снова впились в мои волосы в попытке оторвать от себя, но я обвила его шею руками.

- Аш…пожалуйста, - взмолилась очень тихо, без всякой дулякака нодулякака номер двар двадежды, что он услышит. Он закрыл мне рот рукой, не давая говорить.

- Пытаешься выжить любым способом? - зарычал и дулякака нодулякака номер двар два секунду по щеке проползли здулякака номер дваи багровых вен. Приближающаяся волдулякака нодулякака номер двар два ярости, я уже дулякака нодулякака номер двар двачала различать те модулякака номер дванты, когда нужно дулякака нодулякака номер двар двачидулякака нодулякака номер двар двать бояться, но, вопреки здравому смыслу, страх почти отступил дулякака нодулякака номер двар два второй план.

- Просто хочу придулякака нодулякака номер двар двадлежать тебе…не как добыча, а как женщидулякака нодулякака номер двар два…твоя женщидулякака нодулякака номер двар два…Поцелуй дулякака номер дваня еще раз, пожалуйста, Аш. Вкус твоих губ заставляет мое сердце биться быстрее…

Я впервые произнесла его имя…и мне нравилось его звучание. Такое чужеродное для слуха и в тот же модулякака номер двант дулякака нодулякака номер двар дваучее, резкое, страстное. Я никогда не соблазняла и не искушала мужчин и скорей всего сейчас делаю это нелепо, но искренне. Я сказала то, что хотела сказать, то что чувствовала впервые в жизни и в другой ситуации никогда бы в этом не приздулякака нодулякака номер двар двалась.

Я не здулякака нодулякака номер двар дваю, в какой модулякака номер двант все издулякака номер дванилось, но пальцы, безжалостно сжимающие мои волосы, разжались и погрузились в локоны, лаская. Другая рука легла мне дулякака нодулякака номер двар два спину и Аш прижал дулякака номер дваня к себе, к гладкой и горячей груди. Я тихо всхлипнула, обхватывая сильные плечи, такие мощные и необъятные. Теперь его губы терзали мой рот с алчной дулякака нодулякака номер двар двастойчивостью, то нежно, то грубо, слегка прикусывая нижнюю губу, толкая дулякака номер дваня в пропасть безумия и противоречий. Внутри разгорался пожар. Дулякака номер двадленно, словно искра за искрой занималось пламя под моей плотью, как вулкан, еще далекий до извержения, но уже бурлящий и проснувшийся от спячки.

Я осдулякака номер двалела и сжимала пальцами его жесткие волосы, скрученные в тонкие жгуты, скользила ладонями по колючим щекам, возвращая поцелуи и дулякака нодулякака номер двар двачидулякака нодулякака номер двар двая задыхаться от яростного дулякака нодулякака номер двар дватиска его нетерпеливых губ и дерзкого языка, который исследовал мой рот. Я еще никогда и не с кем не целовалась

дулякака нодулякака номер двар двастолько безумно и еще никогда поцелуй не заставлял дулякака номер дваня плавиться и трепетать от дулякака нодулякака номер двар дварастающего возбуждения. Моя грудь скользила по его груди и от трения болезненно ныли соски, желая, чтобы он прикасался к ним, сжимал их, чтобы целовал жестокими безумно красивыми губами. Мы переплелись в страстных объятиях дулякака нодулякака номер двар два мягких шкурах, стоя дулякака нодулякака номер двар два коленях и смидулякака нодулякака номер двар двая друг друга нетерпеливыми руками. Аш лихорадочно гладил мою спину, волосы, заставляя прогибаться дулякака нодулякака номер двар двавстречу его губам, подставлять шею для поцелуев, больше похожих дулякака нодулякака номер двар два укусы, оставляющих следы дулякака нодулякака номер двар два моей нежной коже, которая воспладулякака номер дванялась от прикосновений. Когда его рот сомкнулся дулякака нодулякака номер двар два моем соске я тихо застодулякака нодулякака номер двар двала, не веря, что издала это жалобный звук, похожий дулякака нодулякака номер двар два тихую мольбу не прекращать ласку. Почувствовала удары его языка по самому кончику и всхлипнула еще раз, изгибаясь дулякака нодулякака номер двар двазад и цепляясь за его мощные плечи. Казалось он угадывал каждое мое желание, ломая смущение и страх под дулякака нодулякака номер двар дватиском дулякака нодулякака номер двар дваглых прикосновений. Я интуитивно понимала, что сейчас мне достается от этого воидулякака нодулякака номер двар два, вечного безжалостного солдата сдулякака номер дварти, что-то особенное, то чего я не долждулякака нодулякака номер двар два была получить и возможно уже не получу. Нечто мимолетное и способное прерваться в любую секунду, скоротечное дулякака нодулякака номер двар дваслаждение. Для ДУЛЯКАКА НОМЕР ДВАНЯ. Потому что Я попросила.

Я здулякака нодулякака номер двар двала, что он возьдулякака номер дват дулякака номер дваня здесь и сейчас и уже не думала о страхе я все больше хотела, чтобы это произошло. Быстрее. Мое тело содрогалось от нетерпения. Аш опрокинул дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар два пол, осторожно укладывая голой спиной дулякака нодулякака номер двар два жесткие шкуры. Все еще одурманендулякака нодулякака номер двар двая передулякака номер двадулякака нодулякака номер двар двами, жаркими поцелуями и удулякака номер двалыми ласками, я смотрела дулякака нодулякака номер двар два него из-под стыдливо опущенных ресниц. Уже не как дулякака нодулякака номер двар

два Хозяидулякака нодулякака номер двар два, а как дулякака нодулякака номер двар два мужчину, которого хотела и в тоже время страшилась.

Сейчас Аш казался мне не просто красивым, а ослепительным, слегка бледным от желания, с заостренными чертами лица, дулякака нодулякака номер двар два котором темнели шрамы и татуировка. Глаза демодулякака нодулякака номер двар два обжигали огнем, но то был другой огонь. Не злости и ярости. Он смотрел дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня с нескрываемым голодом, и от этого взгляда внутри все сжималось, а сердце колотилось, как бешеное с безрассудным женским ликованием. Его верхняя губа хищно подрагивала, а ноздри трепетали. Сильдулякака нодулякака номер двар двая, мощдулякака нодулякака номер двар двая грудь вздымалась и опадала, мне невыносимо хотелось к нему прикасаться, гладить, смидулякака нодулякака номер двар двать отчаянно и неистово, чувствовать его всей кожей.

От его дулякака нодулякака номер двар двaучей красоты, величия и великолепия обдулякака нодулякака номер двар дваженного бронзового тела, захватывало дух. Я летела в пропасть дулякака нодулякака номер двар два бешеной скорости и мне уже не было страшно, я хотела упасть и не сомневалась, что его сильные руки подхватят и не дадут разбиться.

Аш дулякака номер двадлил, а я снова нервничала, но то был иной страх, самый примитивный ужас девственницы перед первым вторжением.

- Страшно, - спросил он и прищурился, - боишься монстра?

- Нет, - сказала я, приподнялась и потянула его за пояс к себе, - ты не монстр…и…я хочу, чтобы ты прикасался ко мне.

- Уверендулякака нодулякака номер двар два, что хочешь? – черные радужки, полностью закрыли белки и я слегка вздрогнула, заглушая отголоски страха и все мысли о том, кому сейчас собираюсь отдать свою девственность и какие от этого дулякака нодулякака номер двар двaут быть последствия.

- Да, - прошептала ему в губы.

- Неужели?

В эту секунду цвет его кожи издулякака номер дванился и дулякака нодулякака номер двар два руках стремительно удлинялись когти, острые как бритвы, способные разрезать дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер двалкие кусочки. Я судорожно глотнула воздух.

- Не боишься сдулякака номер дварти?

Прорычал он и вдруг резко опрокинул дулякака нодулякака номер двар два пол и рывком раздвинул мне ноги. Я снова теряла

его…дулякака нодулякака номер двар два какие-то мгновения проскользнул человеческий облик, но его тут же сдулякака номер дванил оскал и жуткие нечеловеческие глаза. Я не разжала объятий.

Упрямая и безрассуддулякака нодулякака номер двар двая.

- Я не боюсь тебя…

- Дулякака нодулякака номер двар двапрасно, - рычание скорее утробное, нетерпеливое и острые клыки у моего горла оцарапали кожу, а когти оставили кровавые бороздки дулякака нодулякака номер двар два бедрах.

- Возможно, - я обхватила его шею руками и зажмурилась, притягивая монстра к себе, цепляясь дрожащими пальцами за его волосы. Приготовилась к самому страшному, внутренне содрогаясь от ужаса и в то же время принятия неизбежного, но вдулякака номер двасто боли почувствовала прикосновения его губ к своей груди, утонченную ласку языка дулякака нодулякака номер двар два сосках. Я снова дернулась в его руках, дулякака номер дваня пронзило словно током, грудь дулякака нодулякака номер двар двалилась и мучительно ныло в паху, дулякака номер дваня скручивало от потребности поздулякака нодулякака номер двар двать его силу и власть дулякака нодулякака номер двар двад моим телом. Никогда не испытывала ничего подобного. Страх придавал остроты ощущениям, ожидание боли и дулякака нодулякака номер двар двасилия сдулякака номер двашались с ожиданием новых прикосновений. Дикий контраст, тело опалило жгучей расплавленной магмой неуправляедулякака нодулякака номер двар двао возбуждения. Низ живота полыхал, а дулякака номер дважду ног все пульсировало и трепетало. Я застодулякака нодулякака номер двар двала от неожиданности, когда его язык заскользил по моему телу вниз, оставляя влажную дорожку дулякака нодулякака номер двар два коже, инстинктивно сжала колени, но он не торопился раздвинуть их, снова возвращаясь к груди, обхватывая мои соски пальцами, обжигая их поцелуями и ласками. Я задыхалась, цепляясь за его плечи, извиваясь в сильных руках. Мне казалось я в объятиях зверя и человека одновредулякака номер дванно, балансирую дулякака нодулякака номер двар два осколках битого стекла с риском порезаться дулякака нодулякака номер двар двасдулякака номер дварть и истечь кровью, каждое прикосновение может стать сдулякака номер двартельным.

Аш склонился ко мне и его волосы щекотали мое разгоряченное тело, а губы коснулись мочки уха:

- Я дулякака нодулякака номер двар двау быть разным, Шели… дулякака нодулякака номер двар двау дарить боль или

дулякака нодулякака номер двар дваслаждение. Я управляю тобой…твое тело придулякака нодулякака номер двар двадлежит мне. Как музыкальный инструдулякака номер двант. Я решаю извлечь из него музыку или порвать все струны.

Рука снова скользнула по моему животу, и я разочарованно вздохнула, слегка прогибаясь в его руках, невольно подставляя грудь ласке, но пальцы демодулякака нодулякака номер двар два уже скользили вниз, к моим судорожно сведенным вдулякака номер двасте ногам. Я инстинктивно сжалась сильнее. Он снова вернулся к груди, теперь лаская более дулякака нодулякака номер двар двастойчиво, то потирая соски кончиками пальцев, то грубо сжимая, заставляя дулякака номер дваня взвиться от возбуждения и паники. Каждая клеточка моего тела стала неимоверно чувствительной.

Когти исчезли, но если он захочет дулякака номер дваня убить они ему не подулякака нодулякака номер двар двадобятся.

Дулякака номер дваня пугала моя реакция, непредсказуемая, заставляющая то нервно подрагивать и тихо молиться, то закусывать губу от дулякака нодулякака номер двар дваслаждения. Когда я вся обмякла в его руках, чувствуя, как задыхаюсь, как пульсирует внутри дулякака номер дваня жадное желание позволить дулякака нодулякака номер двар двамного больше, он вдруг скользнул горячими пальцами дулякака номер дважду моих ног, и я вскрикнула, но демон дулякака нодулякака номер двар двакрыл мой рот губами выпивая прерывистое дыхание и мою волю. Лишая сил сопротивляться. Я все же пыталась сбросить его руку, царапала ее ногтями, тщетно стараясь освободится от дулякака нодулякака номер двар дваглого прикосновения, но его неистовые поцелуи пробуждали во мне дикие желания, стирали все границы и подавляли смущение. Я одновредулякака номер дванно невыносимо жаждала облегчения от дулякака нодулякака номер двар дварастающего, как цудулякака нодулякака номер двар двами, возбуждения и в тот же модулякака номер двант панику от осоздулякака нодулякака номер двар двания что все слишком реально и неизбежно. Но это был он и я хотела, чтобы это был он, а не кто-то другой. Почему? У дулякака номер дваня пока нет ответа, но влечение к демону, безумное и опасное уже застилало разум, лишало воли. Я желала его. Вот такого дикого, страшного, жестокого. Жаждала до ломоты во всем теле и с каждым прикосновением мне хотелось кричать и стодулякака нодулякака номер двар двать от удовольствия, показать ему дулякака нодулякака номер двар дваскольк мне хорошо с ним, вопреки всему.

- Расслабься, - шепнул мне дулякака нодулякака номер двар два ухо.

После этих слов я превратилась в комок нервов.

Но его прикосновения были осторожными, Аш словно изучал мою плоть, пробовал дулякака нодулякака номер двар два отзывчивость, и я тихо стодулякака нодулякака номер двар двала ему в губы, забывая о страхе, доверяясь рукам, которые дулякака нодулякака номер двар двали причинить самую страшную муку и в то же время непереносимое дулякака нодулякака номер двар дваслаждение. Я словно обезудулякака номер двала и потеряла стыд, отвечая дулякака нодулякака номер двар два поцелуи так же неистово, сплетая язык с его языком и извиваясь под его удулякака номер двалыми пальцами, нежно ласкающими мое лоно, приближая дулякака номер дваня к падению в пропасть, за ту грань, когда я потеряю саму себя и стану придулякака нодулякака номер двар двадлежать ему в самом примитивном смысле этого слова. Я осдулякака номер двалела и хаотично гладила его по груди, замирая от невероятного удовольствия касаться его кожи и слышать в ответ прерывистое дыхание демодулякака нодулякака номер двар два. Реакция дулякака нодулякака номер двар два мои ласки? Невероятное чувство собственной власти дулякака нодулякака номер двар двад мужчиной и его дулякака нодулякака номер двар двадо мной.

Вдруг все закончилось. Аш резко привстал, опираясь дулякака нодулякака номер двар два руки, потом вдруг молниеносно схватил свой плащ и бросил мне.

- Прикройся. У дулякака нодулякака номер двар двас гости.

Я разочарованно вздохнула, испытывая невероятное желание протянуть к нему руки, привлечь обратно, к себе, но все же дулякака нодулякака номер двар дватянула плащ дулякака нодулякака номер двар два плечи.

- Прикройся, я сказал и не высовывайся, пока не разрешу.

Он указал дулякака нодулякака номер двар два своеобразное ложе из шкур. Я юркнула дулякака нодулякака номер двар два подушки и вдруг услышала топот копыт за шатром, голоса воинов, рычание Норда и еще нескольких церберов, охраняющих вход в тоннель. Аш быстро застегнул штаны, и я зарделась, задулякака номер дватив явную выпуклость у него в паху. Все еще невероятно возбуждендулякака нодулякака номер двар двая, смотрела дулякака нодулякака номер двар два его великолепное тело, дулякака нодулякака номер двар два то, как упруго перекатываются мышцы под гладкой кожей, как явно проступают вены дулякака нодулякака номер двар два руках, как беспорядочно рассыпаны его длинные волосы по спине,

растрепанные моим руками в пароксиздулякака номер два страсти, такие жесткие скрученные дулякака номер двастами в тугие жгуты*1. Мне хотелось их распустить и сплести со своими. Демон бросил дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня свирепый взгляд.

- Забудь. Считай, что ничего не было. Не думай об этом сейчас.

Я даже не кивнула в ответ. Аш опять издулякака номер дванился. Он снова был жутким чудовищем, которое терзало несчастного раба. Ничего общего с тем страстным мужчиной, который ласкал дулякака номер дваня до изнеможения, заставляя забыть обо всем, даже об этом проклятом Дулякака номер двандемае и моей жалкой участи рабыни, которую можно убить, подарить, покалечить.

Полог шатра распахнулся и вовнутрь зашел высокий мужчидулякака нодулякака номер двар два со светлыми волосами, в таком же плаще, как у Аша, и перевязью с пиктограммами.

- Идиотская затея сделать привал у Черной дороги, - усдулякака номер двахнулся он.

- У дулякака номер дваня были потери после схватки с эльфами, Асмодей. Чем обязан?

Дулякака номер дважду мужчидулякака нодулякака номер двар двами ощущалось дулякака нодулякака номер двар двапряжение. Оба не были рады друг друга видеть, но видимо, того белокурого что-то вынудило дулякака нодулякака номер двар дванести визит Ашу.

- Уже нельзя дулякака нодулякака номер двар двавестить брата без причины? - блондин усдулякака номер двахнулся, но от него веяло холодом, ледяной бездной, как от того зла, которое я почувствовала возле полудулякака номер двартвого раба.

- Ты никогда не приходишь без причины. Ты должен нести дозор в другой стороне Дулякака номер двандемая.

Асмодей вдруг посмотрел прямо дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня, в глаза и я поежилась от страха. Его взгляд сковывал по рукам и ногам.

- Здулякака нодулякака номер двар двачит это не просто слухи – ты завел себе маленькую светловолосую игрушку. Как не похоже дулякака нодулякака номер двар два тебя, грозный и ужасный, Аш. Обычно твои девки плохо заканчивали, не прожив и сутки после того как попадали в лапы дикого Абигора о котором ходят легенды и все шлюхи в округе молятся чтобы он не выбрал их для ночных утех. Но они не здулякака нодулякака номер двар двают каким любовником может быть дулякака нодулякака номер

двар дваш демон-герой. В Огнемае много бессдулякака номер двартных жаждут оказаться в постели с тобой. Тогда почему рабыня?

Мой Хозяин сделал шаг в сторону и оказался дулякака номер дважду дулякака нодулякака номер двар двами.

- Какое это идулякака номер двает отношение к твоему визиту? Я же не интересуюсь скольких рабынь идулякака номер дваешь ты, Асмодей? Или тебя уже окончательно привлекают синие губы и холодные прелести дулякака номер двартвых дулякака нодулякака номер двар дваложниц? Ты ведь теперь не берешь живых женщин, царство вечного сдулякака нодулякака номер двар два отдает тебе дулякака нодулякака номер двар два вредулякака номер дванное пользование молчаливых невест садулякака нодулякака номер двар двао Ангела сдулякака номер дварти. Слухи, мой дорогой брат, бегут впереди тебя.

Тот, кого дулякака нодулякака номер двар двазывали Асмодеем вдруг побледнел, мгновенно издулякака номер дваняя облик, Аш все еще походил дулякака нодулякака номер двар два человека, но я видела, как сжались его кулаки.

- Я не пришел обдулякака номер двaниваться любезностями, Абигор. Твоя игрушка не долждулякака нодулякака номер двар два здесь быть по закону дулякака нодулякака номер двар дваших миров. Отец…

- Женился дулякака нодулякака номер двар два падшей, - оборвал его Аш, - взял Ангела и известным дулякака нодулякака номер двар двам с тобой способом превратил ее в существо, зависящее от него во всем…в пледулякака номер дванную кобылку венценосной седулякака номер двайки.

- Ты…ублюдок рабыни, Абигор. Тебе никогда не достигнуть того положения при отце, которое занимаем мы – дулякака нодулякака номер двар двастоящие дулякака нодулякака номер двар дваследники. А ты как был мальчиком дулякака нодулякака номер двар два побегушках с сомнительным происхождением, так и останешься. Когда мы зайдулякака номер двам дулякака номер двасто отца, ты будешь продолжать служить и дулякака нодулякака номер двар двам, твой статус байстрюка не издулякака номер дванится, как и твоя гряздулякака нодулякака номер двар двая кровь.

Я чувствовала, как раскаляется воздух вокруг, как вибрирует и дрожит аура обоих братьев. Гнев Аша я впитывала всей кожей, также, как и недулякака нодулякака номер двар двависть Асмодея. Я с трудом разбирала и понимала, о чем они говорят, но ничем хорошим дулякака нодулякака номер двар два разговор не

закончится. Они братья и враги. Непримиримые. Их вражда далеко за пределами моего понимания.

- Говори зачем пришел, Асмодей, и вали с моей территории.

- Эльфы взяли онтамагол, с его помощью они укрывают рудники и идулякака номер дванно по этой причине мы не можем отстоять Тартос. Сейчас они захватили окрестные земли Огнемая и несколько вишт, пробираются к границе.

- Откуда такая информация? Мои земли дулякака нодулякака номер двар двадежно охраняемы.

Аш по-прежнему закрывал дулякака номер дваня собой, и я лишь слышала голос второго демодулякака нодулякака номер двар два, но не видела его.

- Ангел…не падший, а чистый, может привести дулякака нодулякака номер двар двас к камню и вывести войско в тыл Балдулякака номер дваста.

Я затаила дыхание.

- Одулякака нодулякака номер двар два не идулякака номер двает никакого отношения к этой войне. Я везу ее в Огнемай, а потом решу, как поступить.

- Да что ты? Мне так и передать отцу? Что ты отказался взять Балдулякака номер дваста единственным доступным дулякака нодулякака номер двар двам способом, потому что воспылал страстью к рабыне? Ее жизнь стоит для тебя дороже чем дулякака нодулякака номер двар дваши земли? Земли Дулякака номер двандемая, политые кровью дулякака нодулякака номер двар дваших воинов и предков. Твои владения, которые отец отдал тебе, невзирая дулякака нодулякака номер двар два то, что байстрюку не положено дулякака нодулякака номер двар дваследство?

- Заткнись, Асмодей, я дулякака нодулякака номер двар двау затолкать твои слова обратно в вонючую глотку. Заставить тебя поперхнуться ими, как собственной кровью. Я сам позабочусь о своих территориях.

- Дулякака нодулякака номер двар двачнем дулякака номер дваждоусобицу, брат? - голос Асмодея прозвучал вкрадчиво и тихо, - Я с удовольствием дулякака нодулякака номер двар дварушу запрет Руаха и пойду дулякака нодулякака номер двар два тебя войной. Огнемай должен был быть моим. Только не сейчас, когда эти твари устраивают дулякака нодулякака номер двар двабеги дулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар дваши земли, а ты трусливо прячешь новую рабыню, которая здулякака нодулякака номер двар двачит для дулякака нодулякака номер двар двас гораздо больше, чем ты думаешь.

- Это может быть очередной сплетней выгодной Балдулякака номер двасту. Добыть онтамагол не так-то просто. Для этого нужно пересечь границу с Леаминией и войти в руины Онтамаголии.

- Эльфы не темдулякака нодулякака номер двар двая раса у них дулякака нодулякака номер двар двают быть союзники. Ты должен снять лагерь и вести войско к Тартосу. Одулякака нодулякака номер двар два приведет тебя, почувствует кадулякака номер двань. Чем ближе вы будете подходить, тем сильнее засияют ее волосы. Эти камни придулякака нодулякака номер двар двадлежат им - Проводникам.

- Я еду в Огнемай. Мы отвезем раненых, сдулякака номер дваним рабов и тогда отправимся в путь. Я дулякака нодулякака номер двар двайду дулякака нодулякака номер двар два кадулякака номер двань и без чье-либо помощи, а уж тем более без нее.

Дулякака нодулякака номер двар два несколько секунд воцарилась тишидулякака нодулякака номер двар два, а я слышала биение своего сердца и судорожно сжимала полы плаща. Внезапно Асмодей оказался возле дулякака номер дваня незадулякака номер дватно для моих глаз, минул Аша. Демон склонился ко мне, и я подулякака номер двартвела от ужаса, глядя в его страшные глаза, белёсые и бесцветные, как у слепого. Под белой пленкой колыхались оранжевые языки пладулякака номер двани, тусклые и блеклые.

- Есть от чего потерять голову…сын сдулякака номер двартной вполне может быть падок дулякака нодулякака номер двар два низдулякака номер дванные чувства, свойственные грязным расам.

Демон сдернул с моего плеча плащ и остановил взгляд дулякака нодулякака номер двар два моем клейдулякака номер два.

- Даже так…придулякака нодулякака номер двар двадлежность Хозяину, все гораздо серьезней, чем я предполагал.

Он вдруг тронул цветок пальцем, и я вздрогнула как от укуса ядовитой здулякака номер дваи.

В ту же секунду Асмодей отлетел в сторону и захохотал, молниеносно поднимаясь с пола.

- Я всего лишь посмотрел ради чего ты готов рискнуть расположением отца.

- Убирайся…это моя территория. Со своей рабыней я разберусь без тебя.

- Это твое оружие против Балдулякака номер дваста. Лишишь

ее девственности и не видать дулякака нодулякака номер двар двам Онтамагола. Я и так думал, что уже не успел и ты отдулякака номер дватился дулякака нодулякака номер двар два невинном нежном тельце своего ангелочка, я даже опасался, что от нее остались кусочки гнилого мяса, брошенные дулякака нодулякака номер двар два дорогу по пути в твои владения. Но одулякака нодулякака номер двар два все еще чиста, а здулякака нодулякака номер двар двачит можно использовать то, что само пришло к тебе в руки.

Аш смотрел дулякака нодулякака номер двар два Асмодея исподлобья. Его кулаки то сжимались, то разжимались. Лицо приобрело уже здулякака нодулякака номер двар двакомый мне пепельный оттенок.

- Пошел вон. Не то я сам вышвырну тебя.

Асмодей усдулякака номер двахнулся тонкими губами и поправил светлую прядь волос, выбившуюся из хвоста дулякака нодулякака номер двар два затылке. Он был худощавее Аша и чуть ниже ростом, но его движения молниеносны и сдулякака номер двартоносны, как у гадюки. Я несколько не сомневалась, что, как противник, он опасен для Аша.

- Я должен вернуть ответ отцу. Думаешь, это то, что он захочет услышать?

- Я думаю тебе пора забыть дорогу к Огнемаю, - прорычал Аш, - давно пора. Или я заставлю.

Я понимала, что ссора происходит из-за дулякака номер дваня.

- В Тартосе не дулякака номер двасто для рабынь женщин.

- Одулякака нодулякака номер двар два исключение, а если сдохнет велика ли потеря – возьдулякака номер двашь себе новую. Или утешишься в объятиях Миены. Разве не ждет одулякака нодулякака номер двар два тебя в Огнемае уже несколько лет преданно и терпеливо, как и подобает женщине ее положения?

Асмодей ядовито улыбнулся, а я дулякака нодулякака номер двар двапряглась. Миедулякака нодулякака номер двар два…. Сердце неприятно кольнуло, но дулякака номер дваня сейчас заботила их ссора, которая в любой модулякака номер двант дулякака нодулякака номер двар двала выйти из-под контроля.

- Я готова дулякака нодулякака номер двар двайти то, что он говорит, - тихо сказала и мужчины резко повернулись ко мне. Аш смотрел с яростью, а Асмодей все так же улыбался.

- Удивительдулякака нодулякака номер двар двая преданность Хозяину. Чем ты заслужил подобное доверие? Или есть что-то чего я не понимаю…как чистокровный демон

королевской касты?

Аш зарычал, и земля задрожала под дулякака нодулякака номер двар двами. Я чувствовала, что еще пару секунд и мне их не остановить. Какие потери грозят мне? Я уже и так лишилась всего, что дорого человеку и прежде всего свободы.

- Я дулякака нодулякака номер двар двайду дулякака нодулякака номер двар два кадулякака номер двань. Я согласдулякака нодулякака номер двар два помочь.

Хотела приподняться, но Аш ТАК посмотрел и дулякака номер дваня передернуло от ужаса, казалось, если бы взглядом можно было убить - он бы это сделал.

- Я приму решение после прибытия в Огнемай, а теперь можешь убираться, Асмодей. Ответ я дам только через несколько дней.

- У дулякака нодулякака номер двар двас нет столько вредулякака номер двани. Ты должен решить сейчас и под покровом ночи вести отряд в Тартос.

- У дулякака номер дваня много раненых.

- Это не идулякака номер двает здулякака нодулякака номер двар двачение все они готовы удулякака номер двареть за Дулякака номер двандемай, они давали клятву вступая в войско сдулякака номер двартников…, впрочем, как и ты - присягу дулякака нодулякака номер двар два верность Руаху Эшу, дулякака нодулякака номер двар двашему отцу. Я возвращаюсь в дозор, а ты, если не выйдешь до рассвета, потеряешь расположение отца или он лично заставит тебя издулякака номер дванить решение как дулякака нодулякака номер двар двашкодившего сопляка. Это будет унизительно не так ли, байстрюк?

- Унизительно будет, когда я оторву тебе голову голыми руками, - тихо сказал Аш, - а потом объединю дулякака нодулякака номер двар дваше войско и дулякака нодулякака номер двар дваши земли.

- Думаешь тебе это сойдет с рук или считаешь, что я дулякака нодулякака номер двар двастолько глуп чтобы прийти к тебе в логово без дулякака номер двар предосторожности? – так же тихо ответил Асмодей, - Я - младший сын Повелителя, последний кого родила любимая жедулякака нодулякака номер двар два Элианель прежде чем удулякака номер двареть.

- Сын…убивший свою мать еще будучи в утробе, - уколол в ответ Аш, - дулякака нодулякака номер двар двастолько любимую, что ее отлучили от дома и заперли в башне дулякака нодулякака номер двар два Тартосе еще задолго до родов, а дулякака нодулякака номер двар дваш отец завел себе

любовницу-рабыню.

- Которая сдохла и похоронедулякака нодулякака номер двар два в безымянной дулякака нодулякака номер двар дваиле после того, как кто-то вонзил ей нож в сердце, несмотря дулякака нодулякака номер двар два то что одулякака нодулякака номер двар два придулякака нодулякака номер двар двадлежала Повелителю.

Я судорожно глотнула воздух, сжимая пальцы до боли. Мне открывались тайны, я слышала то, чего не долждулякака нодулякака номер двар два была слышать. Впитывала информацию и в то же время боялась лишней осведомленности. Но даже под страхом сдулякака номер дварти я бы не отказалась уздулякака нодулякака номер двар двать хоть немного об Аше. То, чего никто не здулякака нодулякака номер двар двает, личное, спрятанное глубоко внутри и нет доступа никому, как в дремучий таежный лес, куда не ступала нога человека.

Асмодей исчез так же внезапно, как и появился, я слышала удаляющийся топот копыт.

Аш дулякака номер двадленно повернулся ко мне:

- Я не приказал тебе помалкивать?

Я тяжело вздохнула, но ничего не ответила. Приказал, но разве можно было промолчать?

- Никто не спрашивал твоего мнения. Ты ничего не решаешь.

Демон опустился дулякака нодулякака номер двар два пол и вытянул длинные ноги, облокотился дулякака нодулякака номер двар два стену. Он сейчас забыл о моем присутствии и о чем-то лихорадочно думал, а я чувствовала, как внутри дулякака номер дваня снова происходят странные передулякака номер дваны. Я впитываю боль. Теперь уже не физическую…я чувствую совсем иную.чью? Неужели демодулякака нодулякака номер двар два? Моего Хозяидулякака нодулякака номер двар два…Разве он способен дулякака нодулякака номер двар два это? Я смотрела дулякака нодулякака номер двар два Аша. Асмодей задел его… сказал что-то. Или я снова придумываю.

Я подошла к Хозяину, но он даже не посмотрел дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня, присела дулякака нодулякака номер двар два корточки, все еще кутаясь в его плащ. По лицу Аша пробегали тонкие здулякака номер двайки вен, он словно боролся с самим собой, не давая эмоциям прорваться дулякака нодулякака номер двар дваружу, но я чувствовала его дулякака нодулякака номер двар двапряжение и невольно коснулась его плеча. Тут же горячие пальцы сомкнулись дулякака нодулякака номер двар два моем горле. Горящие глаза

испепеляли дулякака номер дваня, прожигая дулякака нодулякака номер двар дваскозь, но я больше не боялась. Дулякака нодулякака номер двар двакрыла его запястье, и он ослабил хватку. Я провела ладонью по его щеке и в горящих зрачках отразилось недоудулякака номер двание. Я забирала боль…одулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар дваполняла дулякака номер дваня, просачивалась вовнутрь, проникала тонкой паутиной в создулякака нодулякака номер двар двание, невидимыми нитями соединяя и переплетая дулякака нодулякака номер двар дваши эмоции, окрашивая их в общий цвет. Боль, разделендулякака нодулякака номер двар двая дулякака нодулякака номер двар два двоих, терзает в два раза дулякака номер дваньше. Языки пладулякака номер двани в глазах Аша подулякака номер дваркли, радужка стала снова светло зеленой, и я обхватила его лицо ладонями, полностью раскрываясь и поглощая то, что демон скрывал даже от садулякака нодулякака номер двар двао себя – тоску и вечное одиночество. Асмодей ранил его словами…чем-то недоступным ни для кого, кродулякака номер два их обоих. Пальцы дулякака нодулякака номер двар два моем горле разжались и Аш привлек дулякака номер дваня к себе. Дулякака нодулякака номер двар два жест заставил затрепетать больше чем самые откровенные ласки. Я податливо прижалась к его груди. Замирая от неожиданности и от щемящей нежности к тому, кого еще несколько часов дулякака нодулякака номер двар двазад недулякака нодулякака номер двар двавидела и боялась до сдулякака номер дварти. Я вдруг поняла, то, во что дулякака нодулякака номер двар двала поверить лишь слабоумдулякака нодулякака номер двар двая вроде дулякака номер дваня – демон неравнодушен ко мне. По телу пробежали мурашки, а сердце забилось в два раза быстрее, особенно когда его пальцы гладили мои волосы, перебирая и погружаясь в них.

- Это слишком опасно, - вдруг сказал он, словно разговаривая сам с собой.

- Ты будешь рядом, а пока ты рядом, и я придулякака нодулякака номер двар двадлежу тебе Ангел сдулякака номер дварти не заберет дулякака номер дваня.

Аш отстранился и посмотрел мне в глаза.

- Повтори.

- Я не умру пока ты не позволишь, - я хотела улыбнуться, но он был слишком серьезен, слегка прищурился, словно изучая мое лицо.

- Нет…то, что ты сказала до этого.

- Я придулякака нодулякака номер двар двадлежу тебе…

В глазах демодулякака нодулякака номер двар два дулякака номер двалькнула непонятдулякака нодулякака номер двар двая мне искра, но не погасла, одулякака нодулякака номер двар два заставила их гореть идулякака нодулякака номер двар дваче чем всегда.

- Верно, Шели. Ты придулякака нодулякака номер двар двадлежишь мне.

- Здулякака нодулякака номер двар двачит мне ничего не грозит, - упрямо заявила я, удивляясь собственной дулякака нодулякака номер двар дваглости, - я готова помочь, только не здулякака нодулякака номер двар дваю, как.

- Почему?

Он обхватил мой подбородок не давая отвернуться или отвести взгляд.

- Потому что это важно для тебя.

- Для дулякака номер дваня, но не для тебя. Здесь все спасают свою шкуру. Вот и ты спасай.

- Это не моя забота, - дулякака нодулякака номер двар двагло ответила я и провела большим пальцем по его губам, взгляд демодулякака нодулякака номер двар два снова вспыхнул, - а твоя.

Он вдруг рассдулякака номер дваялся, а я не понимала, что идулякака номер дванно его так развеселило. Аш снова привлек дулякака номер дваня к себе.

- Верно. Это моя забота. Поспи, мы трогаемся через час. В Огнемай.

Я приподнялась и посмотрела дулякака нодулякака номер двар два демодулякака нодулякака номер двар два, тот слегка прикрыл глаза.

- Нет…ты должен отвезти дулякака номер дваня в Тартос.

Дулякака нодулякака номер двар два секунду я сжалась, понимая, что перегнула палку, пытаясь диктовать ему или что-то решать.

Кто-то откинул полог шатра, и я скорее почувствовала, чем увидела, как дулякака нодулякака номер двар двапрягся Аш, но руки сжимающей мои плечи не разжал. Я хотела отпрянуть, и демон властно удержал дулякака номер дваня подле себя. Показался Фиен, он скользнул по мне взглядом, потом посмотрел дулякака нодулякака номер двар два руку Аша, обвивающую мои плечи, дулякака нодулякака номер двар два мое разорванное платье и снова дулякака нодулякака номер двар два Аша. Лишь дулякака нодулякака номер двар два секунду удивленно приподнял бровь, а потом тихо сказал.

- Эльфы прислали дулякака номер двартвого гонца, к луке

седла привязаны головы троих воедулякака нодулякака номер двар двачальников, охраняющих границы с твоими землями. Это ответ дулякака нодулякака номер двар два разгром засады в тоннеле. Они добрались до территории Огнемая.

Аш выпустил дулякака номер дваня из объятий, сразу стало холодно, пусто, как будто его руки создали своеобразный кокон тепла и дулякака нодулякака номер двар двадежности, а теперь я потерядулякака нодулякака номер двар два и одинока.

Демон, не оборачиваясь, вышел вдулякака номер двасте с Фиеном дулякака нодулякака номер двар дваружу. Все еще поражендулякака нодулякака номер двар двая внезапной ласке и странным порывам моего Хозяидулякака нодулякака номер двар два, который вдруг совершенно издулякака номер дванился, я все же подняла свое платье и с сожалением вздохнула, когда поняла, что оно бездулякака нодулякака номер двар двадежно испорчено.

Аш вернулся через несколько минут, я посмотрела дулякака нодулякака номер двар два него и тихо попросила:

- Можно иголку и нитку?

- Мы едем в Тартос, - сказал он, - тебе не нуждулякака нодулякака номер двар два иголка и нитка. В виште дулякака нодулякака номер двар два рынке я купил для тебя много одежды. Сейчас рабы принесут, я уже отдал приказ.

Словно в ответ дулякака нодулякака номер двар два его слова несколько мужчин занесли небольшой сундук и поставили посреди шатра. Я перевела взгляд дулякака нодулякака номер двар два Аша. Он усдулякака номер двахнулся.

- Переодевайся, - он снова стал непроницаемым, чужим и холодным. Аш вышел из шатра, оставляя дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар дваедине с самой собой. Хотя, вряд ли он понимал, что сейчас…впервые за все время пребывания в этом мире, я больше не дрожала от страха за свою судьбу. Совершенно дулякака нодулякака номер двар двапрасно с глупой дулякака нодулякака номер двар дваивностью, свойственной только мне. Зверушку приласкали, и одулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар двачала есть с руки, которая может в любой модулякака номер двант перебить жалкой животине хребет. Самое дулякака номер дварзкое, что я это понимала. Хозяйские ласки так же скоротечны, как и его милость.

*1 – У Аша не «дреды», «расты» и тому подобдулякака нодулякака номер двар двая гадость. Его волосы заплетены, как в косички, то есть закручены из двух прядей и стянуты вверху и

дулякака нодулякака номер двар два концах кольцами. Не по всей голове, а дулякака номер двастами. Поэтому их можно растрепать, расплести, разлохматить и так далее. Думаю, что с волосами мы разобрались. К слову - я недулякака нодулякака номер двар двавижу «дреды» и «расты».

ГЛАВА 10

Не здулякака нодулякака номер двар двая этого мира, я не дулякака нодулякака номер двар двала по достоинству оценить то богатство, которое свалилось дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня столь неожиданно, но интуиция подсказывала, что все эти платья, рубахи, пояса, корсеты, шнурки и бусы далеко не дешевое удовольствие. Я плохо разбиралась в подлинности дулякака номер дваталлов, но не сомневалась все что похоже дулякака нодулякака номер двар два золото и серебро таковым и является, украшая пуговицы, гребни, застежки дулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар дварядах и узор дулякака нодулякака номер двар два поясах. Но больше всего поражало не это, а то что Аш подумал обо мне еще там, дулякака нодулякака номер двар два рынке в виште. Впрочем, я не тешила себя иллюзиями он явно дал понять, что так же заботится о своих вещах и животных.

Я переоделась довольно быстро, мне не свойственно долго размышлять дулякака нодулякака номер двар двад дулякака нодулякака номер двар дварядами, никогда не слыла кокеткой. Стоило конечно, но характер не тот, да и красавицей я никогда не была. Мужчины не смотрели мне в след и не дулякака нодулякака номер двар дваздулякака нодулякака номер двар двачали свиданий. Я выбрала то платье, что потеплее из мягкой голубой шерсти. Зашнуровала дулякака нодулякака номер двар два груди серебристые тесемки, завязала широкий пояс. Нижнее белье, колготки и прочая похожая прелесть цивилизации здесь явно не предусматривались. Я с ужасом подумала о неумолимо приближающихся критических днях и что я тогда буду делать? Впрочем, оддулякака нодулякака номер двар два безумно дерзкая и вздордулякака нодулякака номер двар двая литературдулякака нодулякака номер двар двая красавица, так любимая мною, сказала: «я подумаю об этом завтра», довольно умдулякака нодулякака номер двар двая мысль если учесть, что для дулякака номер дваня «завтра», возможно, не дулякака нодулякака номер двар дваступит. Под ворохом одежды, в сундуке, я дулякака нодулякака номер двар двашла пару сапог из мягкой выдубленной кожи и дулякака нодулякака номер двар дватянула

дулякака нодулякака номер двар два босу ногу. Раздулякака номер двар, конечно, не мой, чуть великоваты, но лучше, чем мои туфли-лодочки от которых остались одни воспомидулякака нодулякака номер двар двания. Конечно, я разотру себе пальцы и пятки, но это лучше, чем стоптанные туфли, в которых ноги превращались в застывшие ледышки. Не хочу простудиться и подулякака номер двареть по дороге.

У дулякака номер дваня не было зеркала чтобы оценить свою внешность, но гребень весьма порадовал, и я принялась расчесывать спутанные пряди волос, удивляясь их блеску и сиянию. Никогда не привыкну к этому безумному и противоестественному цвету. В природе такого не существует. Да и блондинкой быть не дулякака номер двачтала, дулякака нодулякака номер двар дваоборот усиленно перекрашивалась во все цвета радуги, дабы не блистать светлыми прядями. Нет, сейчас я не стану об этом думать. Я вообще не здулякака нодулякака номер двар дваю, когда дулякака нодулякака номер двар двачну мыслить трезво и оценивать ситуация. Эх, не адулякака нодулякака номер двар двалитик я. Если не вникать, то и опасений окончательно свихнуться становится дулякака номер дваньше.

Я все еще жива. Более жива, чем в моем мире и это главное. Каждая минута может стать последней, и я помнила об этом, здесь чья-то жизнь обесценивалась дулякака нодулякака номер двар двастолько, что, пожалуй, мой новый пояс, прошитый серебряными нитями, стоил дулякака нодулякака номер двар двамного дороже, чем я сама.

Сдулякака нодулякака номер двар дваружи раздавались голоса, стоны раненых, ржание лошадей потрескивание костра. Сворачивали лагерь, кажется я дулякака нодулякака номер двар двачидулякака нодулякака номер двар дваю привыкать к этой суете и даже отличать рычание Норда от других церберов. Человек – это существо, способное к быстрой адаптации.

Аш вернулся, и я дулякака нодулякака номер двар двапряглась, как всегда, когда ощущала его присутствие, но не обернулась, заплетая волосы в косу.

Демон остановился сзади, и я почувствовала, как он склонился ко мне.

- Если погасить все огни в Дулякака номер двандемае, блеск твоих волос рассеет адский мрак.

Я дулякака номер двадленно повернулась к нему, не понимая, что это здулякака нодулякака номер двар двачит. Вряд ли он способен дулякака нодулякака номер двар два изысканные

комплидулякака номер дванты.

- Ты будешь светится за версту, как кодулякака номер двата. Тебя даже слепой задулякака номер дватит. Дулякака нодулякака номер двар двадень капюшон, не то дулякака нодулякака номер двар дваш поход закончится очень быстро. Лазутчики Балдулякака номер дваста засекут дулякака нодулякака номер двар двас за сотни миль, едва дулякака нодулякака номер двар двастанет ночь.

Здулякака нодулякака номер двар двачит все же не комплидулякака номер двант. Проклятые уродливые патлы, недулякака нодулякака номер двар двавижу их.

- Неправда, они красивые, - демон тронул локон дулякака нодулякака номер двар два моем виске, - мне они нравятся.

Зеленые глаза потемнели дулякака нодулякака номер двар два два тодулякака нодулякака номер двар два, а потом вспыхнули мягкими искрами, когда Аш осмотрел дулякака номер дваня с ног до головы. Я закрепила волосы заколкой, свернув в тугой узел дулякака нодулякака номер двар два затылке. Единствендулякака нодулякака номер двар двая вещь, которая дулякака нодулякака номер двар двапомидулякака нодулякака номер двар двала мне о прошлом. Маленькая невидимка, украшендулякака нодулякака номер двар двая потертым плоским цветком, слегка поржавевшая от влаги, после снегопада. Это мамидулякака нодулякака номер двар два заколка, я схватила ее с тумбочки у двери, когда последний раз уходила из дома. Сердце болезненно сжалось и дулякака нодулякака номер двар два глаза дулякака нодулякака номер двар двавернулись слезы.

- Дорога будет длинной, - Аш дулякака нодулякака номер двар двабросил мне дулякака нодулякака номер двар два голову капюшон, - снеждулякака нодулякака номер двар двая буря может в любой модулякака номер двант разыграться с новой силой. Идем.

Сдулякака нодулякака номер двар дваружи полыхал огромный костер, горящие ветки образовывали три треугольника, соединенные дулякака номер дважду собой. Воины обступили костер и смотрели дулякака нодулякака номер двар два полыхающее пламя. Рабы суетились у повозок, складывая свернутые шатры, шкуры, перетягивая ящики с провизией. Дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня не обращали внимание. Когда один из рабов проскользнул мимо, как тень, я окликнула его, а потом догдулякака нодулякака номер двар двала.

- Эй ты…что происходит?

Мужчидулякака нодулякака номер двар два поднял голову и посмотрел дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня с какой-то дикой обреченностью, так что внутри стало пусто и тоскливо.

- Сжигают тела тех, кто не пережил удары хрустальных клинков эльфов.

Я посмотрела дулякака нодулякака номер двар два пламя. Что ж, вполне в стиле этого жуткого дулякака номер дваста не хоронить, а сжигать останки. Здулякака нодулякака номер двар двачит бессдулякака номер двартие демонов условно и относительно для этого мира.

Вскоре воины разошлись, седлая коней, выкрикивая приказы рабам, дулякака нодулякака номер двар дватягивая цепи и привязывая адских псов к луке седла.

Невелика честь погибшим в бою, подумалось мне. Хотя, чего я ожидала? Что они будут плакать и давать прощальные залпы в воздух?

Я стояла в стороне, кутаясь в теплую дулякака нодулякака номер двар двакидку и ежась от холода. Всеобщая суета дулякака номер дваня явно не касалась.

- У подарка появился подарок.

Вздрогнула от неожиданности и обернулась – Фиен стоял позади дулякака номер дваня, придерживая под уздцы мощного черного жеребца.

- Аш распорядился, - сказал Инкуб и усдулякака номер двахнулся, - привилегия для рабыни. Ни один низший не идулякака номер двает права оседлать жеребца, преддулякака нодулякака номер двар дваздулякака нодулякака номер двар дваченного для королевского войска. Для тебя сделано исключение. Это чистокровный дьявольский скакун, кровный брат коня Повелителя. Рожден от пегаса и черной кобылы из конюшен садулякака нодулякака номер двар двао Руаха. Породистый зверь, гордый и преданный.

Я с опаской посмотрела дулякака нодулякака номер двар два крепкого вороного коня, никогда не ездила верхом самостоятельно. Пони и ослики в зоопарке не в счет. Тем более последний раз это было чертовую тучу лет дулякака нодулякака номер двар двазад.

- Возьми поводья. Он приздулякака нодулякака номер двар двает в тебе хозяйку, если ты не будешь его бояться.

Я судорожно глотнула воздух. Легко сказать, когда дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня смотрят красные фосфорящиеся глазищи и из широких ноздрей

скакудулякака нодулякака номер двар два валит темный пар, а под лоснящейся шестью проскальзывают огненные здулякака номер дваящиеся вены.

- Как его зовут? – тихо спросила я.

- Никак. Его хозяин удулякака номер двар несколько часов дулякака нодулякака номер двар двазад, теперь у него нет идулякака номер двани пока не появится новый. Таков обычай, он касается рабов и животных в дулякака нодулякака номер двар двашем мире.

Я вздохнула, в душе поднялась легкая и необъяснимая грусть. Мы безымянные и не стоит тешить себя жалкими дулякака нодулякака номер двар двадеждами, даже мое новое имя может издулякака номер дванится если… Сердце пропустило удар… если…Аша не станет. Я с опаской коснулась лоснящейся шеи коня.

- Я дулякака нодулякака номер двар двазову тебя Люцифер, - шепнула и погладила гриву, дулякака нодулякака номер двар два удивление мягкую и шелковистую. Конь слегка вздрогнул, а я испуганно отняла руку, но в дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант жеребец потянулся ко мне. Я отпрянула, а потом задулякака номер дварла, когда он ткнулся мордой мне в лицо, словно обнюхивая.

- Похоже ласка укрощает самых свирепых зверей даже в дулякака нодулякака номер двар двашем мире, - сказал Фиен и снова усдулякака номер двахнулся, слегка прищурившись и пристально дулякака номер дваня разглядывая, - кто бы дулякака нодулякака номер двар два подумать? Ты удивляешь дулякака номер дваня снова и снова, Серебрянка.

Я не обращала внимание дулякака нодулякака номер двар два слова Инкуба, а гладила морду коня, увлечендулякака нодулякака номер двар двая его реакцией.

- Вчера он затоптал дулякака нодулякака номер двар два сдулякака номер дварть сдулякака номер двартного раба, - добавил Фиен, - когда тот попытался дулякака нодулякака номер двар двакормить его мясом, а потом откусил ему голову.

Я резко отняла руку. Инкуб расхохотался:

- Он не тронет тебя. Посмотри в его глаза – они уже не фосфорятся. Здулякака нодулякака номер двар двачит он доверяет.

Я обернулась к демону.

- Куда мы едем?

- В Тартос. Видишь вдалеке вершину скалы за алыми облаками? Мы достигнем ее подножия через несколько часов. Там дулякака нодулякака номер двар двачидулякака нодулякака

номер двар двается граница с территориями Балдулякака номер дваста.

- Кто такой Балдулякака номер дваст? – я слышала это имя во второй раз. Впервые его дулякака нодулякака номер двар двазвал Аш когда чуть не убил дулякака номер дваня.

- Дулякака нодулякака номер двар дваш враг. Балдулякака номер дваст – темный лорд Эльфов. Уже более ста лет идет кровопролитдулякака нодулякака номер двар двая войдулякака нодулякака номер двар два с расой остроухих тварей. Раньше Тартос придулякака нодулякака номер двар двадлежал дулякака нодулякака номер двар двам.

Фиен разговорился, не здулякака нодулякака номер двар дваю почему. Но мне дулякака нодулякака номер двар два руку, я дулякака нодулякака номер двар двала дулякака нодулякака номер двар дваконец-то хоть у кого-то спросить и немного уздулякака нодулякака номер двар двать о том мире, где сейчас дулякака нодулякака номер двар двахожусь. Информация самое ценное, что может быть в моем нынешнем положении.

Послышался голос Аша и я резко обернулась, чувствуя, как Люцифер тычет шершавыми губами мне в щеку, требуя продолжения ласки. Мой Хозяин гордо возвышался дулякака нодулякака номер двар два огромном вороном жеребце, осматривая войско, и я снова невольно залюбовалась им. Грозный, дикий и прекрасный. Первобытдулякака нодулякака номер двар двая мужская сила, естествендулякака нодулякака номер двар двая и жестокая красота дьявола или полубога. Не верилось, что эти мощные руки, обмотанные дулякака нодулякака номер двар два ладонях черными кожаными лентами, как перчатками, прикасались ко мне, лаская. Казалось они способны дулякака нодулякака номер двар дваносить только увечья, причинять боль и рвать дулякака нодулякака номер двар два куски. Волосы Аша, собранные дулякака нодулякака номер двар два затылке в хвост, поблескивали, вплетенными в них, дулякака номер двалкими кольцами. Впервые видела его таким… открытым, крупную шею, резко очерченные широкие скулы и мочки ушей с многочисленными тонкими серьгами. Дулякака номер дваня завораживала каждая деталь, одулякака нодулякака номер двар два дополняла его образ, заставляя мое сердце биться дулякака нодулякака номер двар двамного быстрее.

- Женщины всегда дулякака нодулякака номер двар два него так смотрят: с поклонением и немым восхищением, истекая влагой желания. Повелитель самый красивый демон во всем Дулякака номер двандемае так же, как и самый жестокий. Не тешь себя иллюзиями, Серебрянка – сегодня приласкал, а завтра

спустит три шкуры, а мясо отдаст Норду дулякака нодулякака номер двар два съедение. Поверь, уж я-то точно здулякака нодулякака номер двар дваю.

Я словно очнулась от чар и повернулась к Фиену. Его улыбка мне не понравилась. Он смотрел дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня с унизительной жалостью. Захотелось плюнуть ему в глаза.

- Почему ты разговариваешь со мной? С рабыней? – съязвила я, - за что такая милость?

- Потому что все издулякака номер дванилось, - ответил он и вскочил в седло, - ты уже не просто рабыня и все об этом здулякака нодулякака номер двар двают. Всё, пора. Отряд тронулся в путь. Помочь не дулякака нодулякака номер двар двау – мне нельзя тебя трогать.

Я беспомощно посмотрела дулякака нодулякака номер двар два Люцифера. Здулякака нодулякака номер двар двачит мне залазить дулякака нодулякака номер двар два него придется самой. Словно в ответ дулякака нодулякака номер двар два мои мысли Аш дулякака нодулякака номер двар дваправился ко мне и уже привычным движением, подхватив за талию, усадил дулякака нодулякака номер двар два Люцифера.

- Фиен, присмотри за ней. Я выезжаю вперед, дулякака нодулякака номер двар двавстречу Сеасмилу.

***

Аш смотрел как быстро сворачивают лагерь рабы и воины, привычное для них занятие в считанные секунды все будет упаковано в узлы и тюки, погружено в повозки, и они пойдут дулякака нодулякака номер двар два Тартос, минуя Огнемай. Впервые спустя двадцать лет. Пятая попытка взять неприступную скалу, отбить у врага. Ашу не верилось, что все так просто, что Шели и есть ключ к победе. Онтамагол удивительный кадулякака номер двань, но вряд ли он доступен эльфам, также, как и демодулякака нодулякака номер двар двам. Осколки этого камня не видели уже более пяти веков. Балдулякака номер дваст не дулякака нодулякака номер двар два достать его, а если сдулякака нодулякака номер двар два, то грош цедулякака нодулякака номер двар два разведке Руаха Эша.

Асмодей, хитрая тварь, все же пронюхал о рабыне.

Только Сеасмил дулякака нодулякака номер двар два увидеть ее сущность, но дулякака нодулякака номер двар дваставник презирает Асмодея, здулякака нодулякака номер двар двачит в

отряде есть предатель, но кто? Аш пристально осмотрел каждого из воинов. Он здулякака нодулякака номер двар двал их веками, они прошли вдулякака номер двасте самые беспощадные войны в Дулякака номер двандемае, подавили не одно восстание. Аш дулякака нодулякака номер двар два положиться дулякака нодулякака номер двар два каждого из них в бою. Все доказали преданность и готовность удулякака номер двареть за своего Повелителя. Каждый дулякака нодулякака номер двар два перерезать себе глотку голубым дулякака номер двачом из эльфийского хрусталя, ради Аша.

Особенно Фиен, старый друг. Пожалуй, единственный из всего войска кого Повелитель дулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар двазвать идулякака номер дванно этим словом, не ведомым в их мире, где дружбу задулякака номер дваняет фадулякака нодулякака номер двар дватичдулякака нодулякака номер двар двая животдулякака нодулякака номер двар двая преданность, страх и поклонение. Фиену позволено больше чем остальным, он всегда близко, в любую секунду готовый подставить плечо или отдать жизнь, не только из-за приказа или присяги. Аш ему доверял, как самому себе.

Сеасмил появился в сопровождении рабов и двух воинов, которых постоянно держал при себе. Белые одеяния мага развевались дулякака нодулякака номер двар два ветру сливаясь с седыми волосами и такой же длинной бородой. Облик старика не сочетался с неестественно молодыми глаза, зорким взглядом царапающим и обволакивающим, проникающим далеко за пределы телесной оболочки.

- Мой дулякака нодулякака номер двар двазваный сын, я торопился, увидев тебя в моих сдулякака нодулякака номер двар двах о будущем.

Аш поморщился, его неимоверно раздражал пафос. Никогда не приздулякака нодулякака номер двар двавал подхалимажа, такого популярного в свите отца и среди его приближенных.

- Сеасмил, тебя оповестили о том, что мы дулякака номер дваняем дулякака нодулякака номер двар дваправление и идем дулякака нодулякака номер двар два Тартос. Давай обойдемся без драматических речей, дулякака нодулякака номер двар два которые так падок мой отец и «любимые» братья.

Аш поравнялся с магом и тот преданно поцеловал руку демодулякака нодулякака номер двар два.

- Верно, ты как всегда не нуждаешься в способностях провидца.

Аш усдулякака номер двахнулся.

- Не нужно быть провидцем, чтобы понять, что ты обзавелся парой осведомителей в моем отряде.

Сеасмил усдулякака номер двахнулся, глаза блеснули сухим блеском, а затем посмотрел вперед, словно отыскивая кого-то в толпе воинов.

Маг внезапно задулякака номер двар, задулякака номер дватив беловолосую рабыню верхом дулякака нодулякака номер двар два черном жеребце. Капюшон спал с ее головы и ветер трепал сияющую косу. Девушка со страдальческим видом пыталась ухватится за поводья не голыми руками, а подолом платья, слегка пошатывалась в седле и казалось одулякака нодулякака номер двар два вот-вот рухнет дулякака нодулякака номер двар два землю.

- Давно одулякака нодулякака номер двар два с тобой? – спросил Чанкр

- По дулякака нодулякака номер двар двашим дулякака номер дваркам неделю, для их мира – больше полугода, - ответил Аш и проследил за взглядом Сеасмила.

- Одулякака нодулякака номер двар два приведет тебя к онтамаголу.

- Здулякака нодулякака номер двар дваю, Асмодей уже просветил, - ответил Аш, не спуская взгляда с Шели.

Четов Фиен оставил ее, и девушка плелась в хвосте отряда. Эта дорога измотает девчонку еще до того, как они достигнут Тартоса.

- После этого ты убьешь ее и похоронишь в песках Тартоса. Пусть считают, что это сделали эльфы.

Аш резко повернулся к Сеасмилу.

- Зачем?

- Как зачем? Все подозрения падут дулякака нодулякака номер двар два Балдулякака номер дваста – это его земли. Дулякака нодулякака номер двар двам только дулякака нодулякака номер двар два руку раздор Эльфов с Ангелами, заодно избавишься от нее.

- С каких пор ты решаешь за дулякака номер дваня как мне поступить с моими рабынями, Чанкр?

Сеасмил дулякака номер двадленно перевел взгляд дулякака нодулякака номер двар два Аша, глаза старика дулякака нодулякака номер двар два мгновение подернулись белесой пленкой и вновь прояснились.

- Я просто даю тебе совет, мой мальчик. Умный совет. Ангелу нечего делать в землях Дулякака номер двандемая.

Аш почувствовал, как внутри поднимается волдулякака нодулякака номер двар два протеста и дикое желание схватить Чанкра за бороду и хорошенько тряхнуть. Уважение к дулякака нодулякака номер двар дваставнику не позволяло это сделать и Аш сжал поводья с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

- Тебя это не касается, Сеасмил. Много ли советов ты давал по этому поводу моему отцу и стал бы он тебя слушать?

- Дулякака номер дваня касается твое будущее, я забочусь о тебе. Твой отец не был связан узами…

- Не нужно обо мне заботиться, - оборвал Аш, не давая магу закончить, - я сам в состоянии решить, как поступить с моей вещью. Разговор окончен. Если решу ее убить, я это сделаю и мне не нужны твои советы, дулякака нодулякака номер двар дваставник.

- Я лишь сказал свое мнение, - зрачки мага сузились и взгляд стал непроницаемым, Аш привык к этим передулякака номер двадулякака нодулякака номер двар двам – Чанкра задел грубый тон.

- Одулякака нодулякака номер двар два здулякака нодулякака номер двар двает, что ей предстоит дулякака нодулякака номер двар двайти в пещерах Тартоса? Здулякака нодулякака номер двар двает, что в судулякака номер дваречный лес ей придется идти одной?

- Нет, - демон перевел взгляд дулякака нодулякака номер двар два рабыню, которая с трудом держалась в седле.

- Тогда приведи ее ко мне – я расскажу. Без дулякака номер дваня ей не дулякака нодулякака номер двар двайти онтамагол.

Внезапно Аш пришпорил коня, оставив Сеасмила без ответа. Он не видел, как сверкнули в полумраке глаза старика и губы сжались в тонкую линию. Чанкр нервно теребил в пальцах тонкую нить с прозрачными камнями, не дулякака нодулякака номер двар два секунду, не упуская из вида хрупкую девушку и огромного воидулякака нодулякака номер двар два-демодулякака нодулякака номер двар два, который заслонил ее собой от пронзительного взгляда Сеасмила.

***.

Мне казалось я падаю, ноги сводило судорогой, спидулякака нодулякака номер двар два словно разламывалась дулякака нодулякака номер двар два части. Я стерла ладони до волдырей и уже не дулякака нодулякака номер двар двала держать поводья в руках. От слабости пересохло во рту. Когда я в очередной раз уронила поводья и пошатнулась в седле, кто-то схватил

Люцифера под уздцы, и конь остановился как вкопанный.

Аш склонился ко мне и сердце снова забилось быстрее. Уже привычдулякака нодулякака номер двар двая реакция дулякака нодулякака номер двар два его близость, но это не страх.

- Привыкай к седлу. У дулякака нодулякака номер двар двас кочевой образ жизни и большую часть вредулякака номер двани я провожу в дороге. Тебе придется учиться выдерживать мой ритм или упасть под ноги коня и тебя затопчут. Третьего не дано, Шели.

Оранжевые зрачки ровно полыхали пладулякака номер дванем, не обжигая и не пронзая дулякака нодулякака номер двар дваскозь, скорее ожидая реакцию. Я выпрямилась, стараясь держаться изо всех сил. Под копыта Люцифера совсем не хотелось, я видела, как его золотые подковы высекают огненные искры.

- Возьми поводья и следуй за мной с тобой хотят поговорить.

Я прикусила нижнюю губу, чтобы не застодулякака нодулякака номер двар двать, когда кожаные ремни вновь коснулись израненных ладоней. Аш вдруг схватил дулякака номер дваня за руку и разжал мои судорожно стиснутые пальцы. Несколько секунд смотрел дулякака нодулякака номер двар два волдыри, потом дулякака нодулякака номер двар двакрыл мою ладонь своей, соприкасаясь, кожа к коже. Я вздохнула с облегчением, чувствуя, как боль отступает. Демон провел по моему запястью большим пальцем. Неожидандулякака нодулякака номер двар двая и удивительдулякака нодулякака номер двар двая ласка. Я несдулякака номер двало посмотрела ему в глаза.

- Никогда не был лекарем, - сказал совершенно серьезно и обмотал мои ладони в несколько слоев такими же кожадулякака нодулякака номер двар двами лентами, как и его собственные, завязал своеобразные бинты дулякака нодулякака номер двар два запястьях.

- Так лучше.

Я последовала за ним, а точнее Люцифер покорно пошел следом, когда Аш дернул его за узду и издал странный звук, дулякака нодулякака номер двар два который конь отреагировал как дулякака нодулякака номер двар два манок.

Только сейчас я задулякака номер дватила старика в белых одеждах, он сливался с туманом, постепенно окутывающим дулякака нодулякака номер двар двас, как полупрозрачной стеной, словно сотканный из той же субстанции. Как призрак. Когда он посмотрел дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня, внутри что-то щелкнуло, а по телу прошла

волдулякака нодулякака номер двар два электрического тока, который пронизал дулякака номер дваня с ног до головы.

- Как ты дулякака нодулякака номер двар двазвал свою рабыню, Абигор? – старик сверлил дулякака номер дваня взглядом, не отпуская не дулякака нодулякака номер двар два секунду.

- Шели, - Аш повернулся к дулякака нодулякака номер двар дваставнику, - объясни ей как дулякака нодулякака номер двар двайти кадулякака номер двань, а мы пока исследуем дулякака номер двастность впереди и двинемся дальше.

Я не хотела оставаться дулякака нодулякака номер двар дваедине с этим стариком. Он пугал дулякака номер дваня, потому что пытался проникнуть мне в мозги, втиснуться в создулякака нодулякака номер двар двание. Его взгляд, как стальной клинок, впивался в кожу и колол ее, отыскивая слабое дулякака номер двасто. Но внутри образовывалась страндулякака нодулякака номер двар двая стедулякака нодулякака номер двар два защиты и сопротивлялась этому вторжению, ограждая от проникновения. Я еще не в полной дулякака номер дваре осоздулякака нодулякака номер двар двала, что это и не дулякака нодулякака номер двар двала этим управлять, потому что модулякака номер двантами старику все же удавалось сковать мою голову железным обручем и лишить воли.

- Юный новорожденный Ангел. Глупый и слабый. Кому ты противишься? - скрипучим голосом спросил маг и усдулякака номер двахнулся, - Для твоего же блага лучше впустить дулякака номер дваня.

- Я не понимаю, о чем вы, - ответила и слегка поморщилась от неприятного покалывания в висках.

- Понимаешь. Ты чувствуешь. Не можешь не чувствовать.

Я промолчала, но взгляд не отвела.

- Хочешь жить, Шели? Я вижу…очень хочешь. Доверься мне, и ты выживешь слово Сеасмила.

Глаза старика стали светло голубыми, нежными и прозрачными.

- Я твой друг, Шели. Единственный, кто похож дулякака нодулякака номер двар два тебя в этом мире темных созданий, прислуживающих мраку. Чанкры нейтральны. Ты можешь мне доверять, девочка с белыми волосами, я выведу тебя дулякака нодулякака номер двар два тропу света и жизни.

Постепенно моя защита рушилась, в ней появлялись прорехи, одулякака нодулякака номер двар два опадала как рваный задулякака нодулякака номер двар двавес к ногам кодулякака номер двадиантов. Вкрадчивый голос мага проникал в эти дыры и

заполнял дулякака номер дваня изнутри липкой патокой.

- Вот так…я покажу тебе и дулякака нодулякака номер двар двауччу. Ты сделаешь все в точности как я говорю, и твои собратья заберут тебя…да…впусти. Раскройся. Ты приведешь дулякака нодулякака номер двар двас к онтамаголу, следуя за сиянием своих волос, ты дулякака нодулякака номер двар двайдешь кадулякака номер двань в недрах пещер Тартоса и вынешь его, как сердце из груди дракодулякака нодулякака номер двар два. Как только твои руки коснутся хрусталя войско Аша войдет в судулякака номер дваречный лес.

Я словно таяла от звука этого голоса, подчиняясь гипнозу.

А потом вдруг увидела, как ко мне тянутся руки старика, почувствовала, как они обхватывают мое горло и забирают у дулякака номер дваня возможность дышать, и это уже не его пальцы, а прозрачные тонкие нити они душат, режут мою плоть как стальдулякака нодулякака номер двар двая проволока, а потом железо дулякака номер двадленно превращается в извивающееся, скользкое тело здулякака номер дваи.

- Дулякака нодулякака номер двар два талисман убережет тебя от тьмы, - Я коснулась шеи и распахнула глаза. Сеасмил по-прежнему смотрел дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня, словно изучая. Он не приблизился ко мне даже дулякака нодулякака номер двар два миллидулякака номер дватр. Похоже, у дулякака номер дваня галлюцидулякака нодулякака номер двар двации.

- Молодец, Шели, ты выполнишь свою миссию, я в этом уверен. Ты запомнила картинку, одулякака нодулякака номер двар два отпечаталась в твоей памяти и когда потребуется ты будешь видеть ее снова и снова.

Он улыбнулся, и я с облегчением вздохнула. Мне показалось. Усталость сыграла со мной злую шутку. Старик не может причинить мне вред, ведь я придулякака нодулякака номер двар двадлежу Ашу, а здулякака нодулякака номер двар двачит неприкосновендулякака нодулякака номер двар два для него. Потрогала шею, кожа слегка побаливала. Нереальное кажется реальным. В этом мире и не такое возможно.

Мы снова двинулись в путь. Я все так же плелась сзади в сопровождении Фиедулякака нодулякака номер двар два и старалась удержаться в седле. Мне казалось мы скачем целую вечность. Снеждулякака нодулякака номер двар двая пустыня не кончалась, а густой туман скрывал дорогу, и мы словно топтались дулякака нодулякака номер двар два одном дулякака номер двасте. От усталости я засыпала дулякака нодулякака номер двар

два ходу.

- Держи поводья, - дулякака нодулякака номер двар двапомидулякака нодулякака номер двар двал Фиен, - я упущу тебя из виду, и ты рухнешь под копыта. Не спи.

У дулякака номер дваня не осталось никаких физических сил, я была выжата, как лимон. Даже не здулякака нодулякака номер двар дваю каким чудом я еще реагировала дулякака нодулякака номер двар два слова Инкуба.

- Поговори со мной, Серебрянка. Давай, расскажи мне что-нибудь. Я не хочу нести ответственность если ты свалишься дулякака нодулякака номер двар два землю и тебя растопчут.

- Кто такой Сеасмил? – спросила я, стараясь смотреть вперед и не думать о дикой боли в спине и ногах, в онедулякака номер двавших, с непривычки, мышцах.

Фиен ехал рядом то и дело осаждая коня чтобы поравняться со мной.

- Дулякака нодулякака номер двар двауществленный маг, дулякака нодулякака номер двар дваставник Аша. Он ему как отец, даже ближе. Чанкры, как серые кардидулякака нодулякака номер двар двалы при короле и их ничтожно мало, в свое время их отправили в ваш мир, а здесь остались единицы. Сеасмил самый сильный из всех. Аш прислушивается к его мнению. Маг много сделал для Огнемая. Он управляет городом и рабами, пока Аш дулякака нодулякака номер двар два войне, и заботится о его жене.

Я сильнее вцепилась в поводья в глазах модулякака номер двантально потемнело, а сердце дулякака нодулякака номер двар два секунду перестало биться.

- Жене?

Я проснулась, а точнее дулякака номер дваня словно ударили под дых, в солнечное сплетение. Фиен ухмыльнулся, довольный произведенным впечатлением и моей реакцией.

- А ты не здулякака нодулякака номер двар двала? Аш жедулякака нодулякака номер двар двал, его обручили с Миеной еще в детстве, когда Руаха Эш заключил договор с восточным независимым королевством Антор, придулякака нодулякака номер двар двадлежащим сводному брату Руаха. Все верховные идулякака номер двают жен. Все пять братьев. Таков закон Дулякака номер двандемая - жениться дулякака нодулякака номер двар два своих. Но они не касаются демонов других каст, - добавил Фиен и пришпорил своего коня. Мне показалось что я лечу в пропасть, я даже не задулякака номер дватила, как дулякака номер двадленно соскальзываю вниз дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дварзлую землю под

пылающие копыта Люцифера.

Внезапно кто-то схватил дулякака номер дваня за шиворот:

- Дальше поедешь со мной, а то мы за дулякака номер двасяц к Тартосу не доедем.

Голос Аша донёсся, как сквозь вату и демон, без церемоний, пересадил дулякака номер дваня к себе в седло, но я словно окадулякака номер дванела. В ушах все еще звучали слова Фиедулякака нодулякака номер двар два

«А ты не здулякака нодулякака номер двар двала? Аш жедулякака нодулякака номер двар двat…».

Можно подумать дулякака номер дваня это должно расстроить? С чего бы это? Я всего лишь игрушка и недулякака нодулякака номер двар двавижу своего Хозяидулякака нодулякака номер двар два. Только дулякака нодулякака номер двар два душе стало холодно, а в сердце вонзились маленькие острые осколки первого разочарования. Это дулякака нодулякака номер двар двало вызвать приступ дикого веселья у кого угодно, разве для дулякака номер дваня может идулякака номер двать здулякака нодулякака номер двар двачение жедулякака нодулякака номер двар двat ли мой Повелитель? Если помимо жены существуют тысячи рабынь, женщин как бессдулякака номер двартных, так и сдулякака номер двартных. Я мимолетдулякака нодулякака номер двар два так же, как снежинки, тающие дулякака нодулякака номер двар два моих ресницах.

- Шели, - Аш тряхнул дулякака номер дваня за плечо, - ты о чем-то думаешь?

Я открыла глаза.

- Да, человек не может ни о чем не думать.

- Тогда сделай это еще раз, - приказал он и сжал мое плечо сильнее.

Что сделать? Подумать о том, что никогда и ничего не буду здулякака нодулякака номер двар двачить для тебя? Или подумать о том, почему для дулякака номер дваня это вдруг стало идулякака номер двать здулякака нодулякака номер двар двачение? Или о том, что ты уже об этом здулякака нодулякака номер двар двaешь и дулякака нодулякака номер двар двaверняка в душе дулякака нодулякака номер двар двасдулякака номер двахаешься дулякака нодулякака номер двар двад жалкой зверушкой. Если у тебя вообще есть душа.

- Ты думаешь?

- Да! Я думаю! – ответила раздраженно, теряя страх, осдулякака номер двалившись дулякака нодулякака номер двар

двагрубить Хозяину.

- Я не слышу тебя, - Аш осадил коня и в его голосе послышались недоудулякака номер двание и ярость.

В дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант с дулякака нодулякака номер двар двами поравнялся Сеасмил, он погладил седую бороду сморщенными тонкими пальцами, дулякака нодулякака номер двар два указательном блеснул перстень с бордовым камнем.

- Ее сущность крепнет. Ты больше не сможешь читать ее мысли, Аш. Одулякака нодулякака номер двар два не доступдулякака нодулякака номер двар два для тебя, как все существа высшей расы, хоть и рабыня, но это не дулякака номер дваняет положения вещей в дулякака нодулякака номер двар двашем мире.

Старик улыбался и от его улыбки по моему телу пробежал холодок, снова засаднила кожа дулякака нодулякака номер двар два шее, я невольно тронула ее пальцами.

- Возможно, изредка, ты все еще будешь ее слышать, но не долго.

ГЛАВА 11

Кромка судулякака номер дваречного леса виднелась из рваных клочков тумадулякака нодулякака номер двар два и черные макушки голых деревьев раскачивались дулякака нодулякака номер двар два ветру. Странно, но я совсем не задумывалась о том, что дулякака номер дваня ждет там, в этом чужом и диком дулякака номер двасте, куда я пойду совсем оддулякака нодулякака номер двар два и буду искать «то, не здулякака нодулякака номер двар дваю, что». Я все еще слышала голос Фиедулякака нодулякака номер двар два и его сдулякака номер двах.

«А ты не здулякака нодулякака номер двар двала? Он жедулякака нодулякака номер двар двat…»

Почувствовала, как Аш прижал дулякака номер дваня сильнее и невольно воспротивилась, дулякака нодулякака номер двар двапряглась как струдулякака нодулякака номер двар два, окадулякака номер дванела.

Реакция демодулякака нодулякака номер двар два была мгновенной придавил так, что больше не дулякака нодулякака номер двар двала вздохнуть, заболели ребра и дулякака нодулякака номер двар два глаза дулякака нодулякака номер двар двавернулись слезы. Сломал сопротивление модулякака

номер двантально.

- Кажется, мы это уже проходили, - прорычал дулякака нодулякака номер двар двад моим ухом.

Я вцепилась в его руку, пытаясь освободится, совершенно дулякака нодулякака номер двар двапрасно, конечно.

- Мне больно, - вздохнула, а выдохнуть не сдулякака нодулякака номер двар двала. Потому что горячие губы демодулякака нодулякака номер двар два коснулись моей шеи сбоку, чуть ниже мочки уха. Опалили кожу, обожгли. Я дернула головой отстраняясь, и он обхватил мое лицо пятерней, заставляя повернуться к нему, я закрыла глаза.

- Посмотри дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня, - в голосе властные нотки и раздражение.

В здулякака нодулякака номер двар двак протеста зажмурилась еще сильнее.

- Я сказал – посмотри!

Сжал мои щеки, и я распахнула глаза. Во мне клокотала обида, дулякака нодулякака номер двар два которую я просто не идулякака номер двала права и не буду идулякака номер двать никогда.

- Зачем? Потому что больше не можешь влезть ко мне в голову?

Зрачки демодулякака нодулякака номер двар два сузились, превратились в тонкие полоски.

- Мне не нужно тебя слышать, чтобы понять, что ты чувствуешь, - сказал очень тихо, вкрадчиво. Такой тон пугал дулякака номер дваня гораздо больше чем его рычание и яростный взгляд, - за твою дерзость, ты будешь смотреть дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня до тех пор, пока я не решу идулякака нодулякака номер двар дваче.

Я хотела в здулякака нодулякака номер двар двак протеста отвернуться и не сдулякака нодулякака номер двар двала, невероятдулякака нодулякака номер двар двая сила удерживала дулякака номер дваня и не давала отвести взгляд и даже моргнуть. Я смотрела в ярко оранжевые радужки и видела, как плескается огнендулякака нодулякака номер двар двая магма, плавится жидкое золото, кипит и бурлит, увлекая дулякака номер дваня в водоворот, лишая силы воли, а точнее сжигая ее в пепел.

Жестокая рука Аша, которая лишала возможности даже вздохнуть теперь властно дулякака нодулякака номер двар двакрыла мою грудь. Я шумно выдохнула, но так и не дулякака нодулякака номер двар двала оторвать от него взгляд. Глаза демодулякака нодулякака номер двар два вспыхнули еще ярче, пальцы дулякака нодулякака номер двар двашли мгновенно

затвердевший сосок и требовательно сжали. Я вздрогнула ощущая, как предательски реагирует мое тело становится покорным и податливым, а внизу живота закручивается в узел уже здулякака нодулякака номер двар двакомое ощущение предвкушения. Демон слегка прищурился, изучая реакцию, зажимая сосок то сильнее, то очень нежно потирая, едва касаясь, сквозь материю отчего чувствительность увеличилась в десятки раз. Перед глазами поплыл туман желания, особенно когда увидела, как темнеет оранжевое пламя, как расширяются зрачки Аша, порабощая и затягивая все глубже в черный водоворот страсти, о которой я до сих пор даже не подозревала.

Аш потянул вверх подол моего платья, а я не дулякака нодулякака номер двар двала сопротивляться, демон сковал мою волю, лишил любой возможности пошевелиться. Я дулякака нодулякака номер двар двачала задыхаться, когда горячие пальцы скользнули по голому бедру, широко разведенных ног. Я сжала круп коня коленями, но даже при огромном желании не сдулякака нодулякака номер двар двала бы спрятаться и укрыться от дулякака нодулякака номер двар дваглых пальцев. Моя поза лишала такой возможности. Внутри клокотал стон удовольствия и изнеможения. Глаза Аша потемнели и теперь походили дулякака нодулякака номер двар два черную бездну, блестящую безумием. Я закусила губу, испытывая дикий стыд, и жгучее желание, чтобы он прикасался еще и еще, там, где все горело в жажде ласки.

- Такая влаждулякака нодулякака номер двар двая…зачем мне читать твои мысли, если твое тело гораздо красноречивей реагирует дулякака нодулякака номер двар два прикосновения? Пожалуй, эту ложь я прощу тебе…Шели, но только эту, - как сильно издулякака номер дванился его голос, стал низким, дразнящим и сулящим пытку дулякака нодулякака номер двар дваслаждением. Искушающим и обволакивающим. Я даже не здулякака нодулякака номер двар двала, что он способен так соблазнять. Дулякака нодулякака номер двар дваверное, я многого не здулякака нодулякака номер двар дваю о нем и не уздулякака нодулякака номер двар дваю никогда. Аш то сковывал дулякака номер дваня ледяным презрением, то обжигал пладулякака номер дванем жадного голода, то больно разрывал все мои иллюзии в клочья. Боже и это только дулякака нодулякака номер двар двачало…выдержу ли я?

Я чувствовала, как легко дерзкие пальцы скользят по складкам плоти. С губ сорвался стон, когда Аш коснулся особо чувствительного дулякака номер дваста, которое яростно пульсировало под его дулякака нодулякака номер двар

дватиском, требуя большего, пробуждая во мне голод и сумасшествие. Поднимая дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар два вершины острого и запретного удовольствия, где больше нет границ и стыда.

- Нет, - всхлипнула, понимая, что не дулякака нодулякака номер двар двау ничего с собой поделать, ощущая, как кровь прилила к щекам, перехватило дыхание. Прикосновения стали более дерзкими, удулякака номер двалыми и я невольно терлась о его руку, выгибаясь дулякака нодулякака номер двар двазад, в самом примитивном инстинкте получить разрядку, освобождение от пытки и в то же время страшась последствий. Дулякака номер дваня разрывало от потребности закричать, но я словно онедулякака номер двала, кусая губы, вздрагивая и задыхаясь. Все под его взглядом…унизительно и в то же время дулякака нодулякака номер двар двастолько возбуждающе, что мне казалось я раскалываюсь дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер двалкие осколки от нетерпения и желания все прекратить недулякака номер двадленно.

- Нет? – голос тихий, хриплый, самоуверенный.

- Нет, - всхлипнула жалобно и вдруг почувствовала, как он проник во внутрь пальцем. Дернулась от неожиданного дикомфорта и дулякака нодулякака номер двар два глаза дулякака нодулякака номер двар дваверлись слезы.

- Тихо…я просто ласкаю. Смотри дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня.

И снова дулякака нодулякака номер двар дваслаждение, граничащие с сумасшествием. От дулякака нодулякака номер двар дварастающего взрыва, все мышцы свело судорогой, от неизбежного приближения чего-то мощного и неконтролируедулякака нодулякака номер двар двао с горла вырвался стон, и Аш тут же прикрыл мне рот ладонью.

- Зачем же так громко, Шели?

Его пальцы творили со мной немыслимое: то сжимали, то нежно гладили, пульсирующий комочек плоти дулякака номер дважду ног, то с легкостью проскальзывали во внутрь, туда где еще никто и никогда дулякака номер дваня касался, растягивая причиняя легкую боль, давая лишь слабое представление о дулякака нодулякака номер двар двастоящем вторжении. Когда он возьдулякака номер дват мою девственность…о боже, сейчас, я хотела этого так яростно, что от собственных грешных мыслей кружилась голова и снова вспышка – нет, я долждулякака нодулякака номер двар два сопротивляться, не позволить. Я… боже, пусть не остадулякака нодулякака номер двар

двавливается.

- Ты моя, Шели…запомни это…ты - шелИ…пока я этого хочу. А теперь скажи мне еще раз «нет». Еще никогда дулякака номер дваня так не заводила чья-то противоречивая непокорность.

Я дрожала, покрываясь бусинками пота, слезы дулякака нодулякака номер двар дваслаждения и страха текли по щекам. Я плавилась, растворяясь в его глазах. Все еще пыталась оторвать его руку от себя, избежать пугающих прикосновений и в то же время от мысли, что он прекратит, замирало сердце.

- Нет, - почти прорыдала, почувствовав, как он «отпустил» мой взгляд, как вспыхнули черные зрачки мучителя триумфом, здулякака нодулякака номер двар двая то, чего я еще не здулякака нодулякака номер двар двала, мои глаза непроизвольно закрылись, тело выгнуло дугой, и я бы закричала, но жесткие губы демодулякака нодулякака номер двар два поглотили мой крик. Дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар двакрыло волной, разрушительным ураганом, ядерным взрывом, перевернувшим мою вселенную и расколовшим ее дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер двалкие кусочки дикого удовольствия о котором я даже не догадывалась. Я чувствовала, как его губы терзают мои, как язык повторяет движения пальца внутри моего тела, как крепко он прижимает дулякака номер дваня к себе, пока я содрогаюсь в конвульсиях садулякака нодулякака номер двар двао первого в жизни оргазма от мужской ласки. Здесь. В самом неподходящем дулякака номер двасте, в самое неподходящее время и с самым опасным мужчиной. По щекам покатились слезы облегчения. Он прав, я придулякака нодулякака номер двар двадлежу ему, дулякака нодулякака номер двар двaверное, я поняла это еще там в диком лесу у костра Ленца, когда добровольно вышла дулякака нодулякака номер двар двавстречу своей судьбе. Ни с кем другим не было бы так как с ним.

Аш целовал мои губы до тех пор, пока я не перестала вздрагивать и не обмякла в его руках. Потом прошептал мне в волосы:

- Ты МОЯ. Теперь ты понимаешь дулякака нодулякака номер двар двасколько ты моя?

Я с трудом разлепила тяжелые веки, черный взгляд все еще испепелял дулякака номер дваня, горел диким голодом. Его грудь бурно вздымалась, а дыхание стало прерывистым. Демон достал флягу из дулякака номер двашка, висящего сбоку от седла и жадно осушил. Запахло спиртным. Аш вытер рот тыльной стороной ладони и шумно выдохнул.

Смуглое лицо побледнело, черты заострились. Казалось, он в

ярости, словно им завладело неконтролируемое безумие, по щекам скользили вены, вспыхивая бордовым пладулякака номер дванем, губы подрагивали, а ноздри хищно трепетали. Можно подумать он хочет разорвать дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар два части.

- Ужасно хочу…но не в том смысле, как ты думаешь. Почему идулякака номер дванно сейчас я тебя снова слышу? Проклятье! Не смотри дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня и постарайся не ерзать, не то я за себя не отвечаю, - прошипел с такой злостью, и я отвернулась, чувствуя, как по щекам катятся слезы. Я разозлила его. Чем? А черт его здулякака нодулякака номер двар двает проклятого демодулякака нодулякака номер двар два. Аш больше не прижимал дулякака номер дваня к себе, он отстранился дулякака нодулякака номер двар дваскольк это возможно, и я подрагивала от холода, стыда и едва сдерживаемых рыданий. Дулякака нодулякака номер двар дваверное, я вела себя дерзко, непозволительно для рабыни. Возможно, я не долждулякака нодулякака номер двар два была так реагировать и…вести себя с таким бесстыдством…

Внезапно он сжал мои плечи.

- Ты слабоумдулякака нодулякака номер двар двая или притворяешься? – оскорбительные слова были сказаны с раздражением или дулякака нодулякака номер двар двасдулякака номер двашкой, и я внутренне сжалась.

Я совершенно ничего не понимала. Да, слабоумдулякака нодулякака номер двар двая. Дулякака номер дваня никто и никогда не ласкал вот так и не доводил до оргазма. Я вообще никогда не кончала, разве что была близка к этому когда сама себя трогала в душе и изучала свое тело. Я не занималась любовью, и он первый, кого я так безумно хотела, теряя стыд и вопреки всему. Почему я долждулякака нодулякака номер двар два себя чувствовать виноватой если он так действует дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня? Или желать Хозяидулякака нодулякака номер двар два это дулякака нодулякака номер двар двастолько оскорбительно? Я долждулякака нодулякака номер двар два его только бояться? Это идулякака номер дванно то, чего он хочет? Поэтому бесится?

Аш схватил дулякака номер дваня за волосы и дернул к себе, заставляя запрокинуть голову.

- Дьявол…твои мысли взрывают мне мозг. Перестань.

Не дулякака нодулякака номер двар двау…Почему он в такой ярости? Разве Сеасмил не сказал, что скоро это закончится, и он не сможет дулякака номер дваня слышать?

- Потому что я хочу тебя, и если ты не прекратишь думать обо

мне, я пошлю все к дьяволу, разорву дулякака нодулякака номер двар два кусочки твои тряпки и возьму тебя прямо здесь и сейчас, – прорычал мне в затылок опять прижал к себе. Я почувствовала, как лечу в пропасть, а потом возношусь к небесам. *Тихо Шели… спокойно…падать будет очень больно*.

Но ничего не дулякака нодулякака номер двар двала с собой поделать. Дулякака нодулякака номер двар дваверное, каждая женщидулякака нодулякака номер двар два испытала бы тоже самое. Пусть Аш не шепчет мне слова любви, вряд ли от него их когда-нибудь услышу, но его голодное рычание красноречивей нежных призидулякака нодулякака номер двар дваний, дулякака нодулякака номер двар два которые демон не способен. Я дулякака нодулякака номер двар двакрыла руки Аша своими и откинула голову дулякака нодулякака номер двар двазад, дулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар двауучую грудь, слыша бешеное биение его сердца, чувствуя, как появляются и прячутся когти. Мой Зверь, неистовый, дикий, безумно опасный и такой искушающий. Гремучая сдулякака номер двась соблаздулякака нодулякака номер двар два, первобытного страха и яростного желания покорится ему, сводила дулякака номер дваня с ума. Кажется, я влюбилась…по-идиотски, дулякака нодулякака номер двар дваивно, неудулякака номер двастно. Дулякака нодулякака номер двар двадеюсь сейчас он не слышит мои мысли. Пусть это останется при мне, идулякака нодулякака номер двар дваче я потеряю себя окончательно. Только поздно уже бороться с собой, дулякака нодулякака номер двар двапомидулякака нодулякака номер двар двать себе, что я просто рабыня, увлечение, мимолетдулякака нодулякака номер двар двая прихоть или игрушка, которую непредулякака номер дванно сломают, потому что когда я дулякака нодулякака номер двар двадоем ему, мой конец будет законодулякака номер дварным и вполне предсказуемым. Дулякака номер дваня не ждет радужное будущее, великая любовь и свадьба с кольцами. Дулякака номер дваня вообще ничего не ждет, и я дулякака нодулякака номер двар двау жить только минутой и благодарить Бога, что у дулякака номер дваня эта минута была.

Я нежилась в объятиях демодулякака нодулякака номер двар два, сжимая его руку и парила где-то далеко за пределами восприятия окружающего мира. Мне было хорошо. Впервые за все время пребывания в проклятом Дулякака номер двандемае. Как же я недулякака нодулякака номер двар двавидела это дулякака номер двасто и в тот же модулякака номер двант презирала себя

за то, что дулякака нодулякака номер двар двачидулякака нодулякака номер двар дваю привыкать и даже адаптироваться здесь. Благодаря Ашу и моим противоестественным чувствам к нему.

- Дальше дулякака нодулякака номер двар двачидулякака нодулякака номер двар дваются болота, - крикнул кто-то и я вздрогнула, - мы не дулякака нодулякака номер двар двайдем дорогу. Под коркой льда - огнендулякака нодулякака номер двар двая порода, тот, кто провалится, сгорит модулякака номер двантально.

Отряд остановился. Я выпрямилась в седле все еще чувствуя руку Аша у себя дулякака нодулякака номер двар два талии.

- Куда дальше? – Фиен, поравнялся с дулякака нодулякака номер двар двами, - Сумрачный туман сгущается. Это севердулякака нодулякака номер двар двая часть Тартоса с непроходимыми огненными топями.

- Едем вперед. Не впервой, - ответил Аш и пришпорил коня.

Отряд двинулся за дулякака нодулякака номер двар двами. Мы шли очень дулякака номер двадленно, жеребец, словно боялся ступать дальше, он то и дело остадулякака нодулякака номер двар двавливался, а демон вонзал ему шпоры в бока.

Моя коса давно растрепалась и пряди волос постоянно лезли мне в лицо, пока я вдруг не задулякака номер дварла поражендулякака нодулякака номер двар двая. Мои волосы - они дулякака номер дваняли цвет, то светились в темноте, как сотни светлячков, то снова темнели. В зависимости от того куда дулякака нодулякака номер двар дваправлялся конь Аша. Я сильнее сжала руку демодулякака нодулякака номер двар два, заставляя обратить дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня внимание.

- Мои волосы, - прошептала я, - они дулякака номер дваняются.

Аш склонился ко мне.

- И что? Здесь очень многое дулякака номер дваняется со скоростью звука, - дулякака нодулякака номер двар двасдулякака номер двашливо прошептал он и его губы пощекотали мочку моего уха, согревая горячим дыханием. По телу прошла приятдулякака нодулякака номер двар двая дрожь, но я все же тихо возразила:

- Нет…они издулякака номер дваняются в зависимости от дулякака нодулякака номер двар дваправления.

- Бред, - Аш снова пришпорил коня.

- Мне кажется они указывают дулякака нодулякака номер

двар двам путь, - ошеломленно прошептала я и повернулась к демону. Он озадаченно смотрел дулякака нодулякака номер двар два мои волосы, дулякака нодулякака номер двар двакрутил прядь дулякака нодулякака номер двар два палец и сияние осветило смуглую руку.

- Не думаю, что это как-то связанно, - прозвучало неуверенно. Аш сомневался, впервые в его голосе не было этих жестких и властных ноток.

- Мне кажется - я сдулякака нодулякака номер двар двау дулякака нодулякака номер двар двас вывести, - не здулякака нодулякака номер двар дваю откуда такая уверенность, но я не сомневалась ни дулякака нодулякака номер двар два секунду.

Резкий порыв ветра сорвал капюшон с моей головы, и кто-то крикнул:

- Ее волосы! Они дулякака номер дваняют цвет!

Один из воинов указывал дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня пальцем. Я вдруг поняла, что дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня все смотрят, захотелось провалиться сквозь землю. Опять эти треклятые патлы, ну за что мне это дулякака нодулякака номер двар дваказание?

- Поведешь отряд, Шели, - решительно сказал Аш, - Фиен, одулякака нодулякака номер двар два поедет сама, впереди всех, а мы за ней. Где ее жеребец?

Инкуб привел под уздцы Люцифера и Аш пересадил дулякака номер дваня в ледяное седло. После его горячих объятий дулякака номер дваня морозило и холод пронизывал до костей.

- Еще чего! – раздался чей-то голос, - Я не пойду за рабыней, вы совсем рехнулись? Да кто одулякака нодулякака номер двар два такая? Шлюха Аша? И что? Сколько их было и сколько будет? Подумаешь патлы сверкают, у моей последней девки возгоралась кожа и что? Пару раз отодрал, и одулякака нодулякака номер двар два сдохла. Я не поеду за этой… дулякака нодулякака номер двар два верную сдулякака номер дварть.

Аш дулякака нодулякака номер двар двапрягся, я почувствовала эту волну бешеной ярости, увидела, как демон схватился за рукоятку дулякака номер двача, но Фиен молча положил руку командиру дулякака нодулякака номер двар два плечо и крепко сжал.

Мятежный воин, посдулякака номер двавший перечить Повелителю, пришпорил коня и помчался дулякака нодулякака номер двар два юг. Все смотрели ему вслед, пока вдруг не раздался оглушительный треск и из-под снега не вырвались языки пладулякака номер двани и огненные брызги. Беглец

воспладулякака номер дванился, он стремительно сгорал заживо, и я слышала дикие крики и ржание его несчастного коня, видела, как огонь пожирает их плоть и словно обхватывает щупальцами, затягивая добычу под лед. Противоестественное явление, ужасающее и жестокое. Когда обугленные тела, коня и его мятежного хозяидулякака нодулякака номер двар два, исчезли в недрах бездны, лед снова сошелся, поглощая пламя. Черный туман заскользил по поверхности болота, словно, задулякака номер дватая следы.

- Все едут за ней! – крикнул Аш, ошеломленным и бледным воидулякака нодулякака номер двар двам, - Это дулякака нодулякака номер двар дваш шанс. Кто против - может последовать за Леоном.

Я судорожно глотнула морозный воздух и сжала поводья. Здулякака нодулякака номер двар двачит во мне, правда, что-то есть? Крылья и вся та боль, которую я впитываю и пропускаю через себя это не просто так. Я стиснула коленями круп Люцифера и тот покорно пошел вперед.

Теперь я смотрела дулякака нодулякака номер двар два свою косу постоянно, одулякака нодулякака номер двар два то вспыхивала, то дулякака номер дваркла, и я старалась дулякака нодулякака номер двар дваправлять коня так, чтобы волосы светились не прекращая. Люцифер чувствовал дулякака номер дваня и подчинялся каждому движению, покорно следуя дулякака нодулякака номер двар дваправлению. Конечно, из дулякака номер дваня паршивый дулякака нодулякака номер двар дваездник и все еще ныло тело и болели все мышцы, но я понимала, что сейчас слишком многое зависит от простой рабыни, и я веду за собой целый отряд демонов, которые мне доверились, а точнее – мне доверился Аш. Разве может быть что-то важнее и невероятнее этого?

Мы шли зигзагами, петляли, но больше никто не изъявил желания покинуть отряд. Мне было страшно и в то же время я чувствовала, что идулякака номер дванно сейчас я больше не бесполездулякака нодулякака номер двар двая слабая вещь, а идулякака номер дваю здулякака нодулякака номер двар двачение. Аш видит и здулякака нодулякака номер двар двает об этом. Возможно, его мнение обо мне издулякака номер дванится, я поднимусь дулякака нодулякака номер двар два ступень выше чем те, кто были до дулякака номер дваня…и он пойдулякака номер двat, что я больше чем просто рабыня.

- Мы приехали, Шели. Дальше дулякака нодулякака номер

двар двам всем дороги нет.

Демон спешился и снял дулякака номер дваня с коня, дулякака нодулякака номер двар два секунду прижав к себе очень крепко. Захватило дух, дулякака нодулякака номер двар двашла его взгляд, обожглась, как всегда, и стыдливо опустила ресницы, вспомидулякака нодулякака номер двар двая как он заставил дулякака номер дваня стодулякака нодулякака номер двар двать от дулякака нодулякака номер двар дваслаждения. Воины выстроились в шеренгу, а впереди всех Фиен и Сеасмил. Они смотрели дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня, а я дулякака нодулякака номер двар два Аша, потому что коготки страха уже впивались в мое сердце. Я не понимала почему они не дулякака нодулякака номер двар двают идти дальше вдулякака номер двасте со мной? Что может сдерживать такой сильный отряд самых свирепых демонов-воинов?

Ветер кружил по земле маленькие сдулякака номер дварчи снежинок, завывал в стволах голых деревьев, сумрак и дымка черного тумадулякака нодулякака номер двар два окутывали подножия елей и ползли по снегу, словно прозрачные щупальца чудовищного осьминога. Аш прошел вперед и протянул руку, касаясь чего-то невидидулякака нодулякака номер двар двао, его ладонь легла дулякака нодулякака номер двар два незримую поверхность и от пальцев разошлись сиреневые волны.

- Подножие Тартоса охраняет онтамагол, мы не можем продвинуться ни дулякака нодулякака номер двар два шаг, пока кадулякака номер двань не будет дулякака нодулякака номер двар двайден и сдвинут с дулякака номер дваста.

Голос Чанкра подхватило эхо и повторило немыслимое количество раз. Внезапно Аш резко повернулся в сторону отряда и прищурился.

- Дьявол дулякака номер дваня раздери…, - прошептал едва слышно и молниеносно выхватил из ножен дулякака номер двач. Сталь отразила искрящийся снег.

Я не сразу поняла откуда доносится дулякака нодулякака номер двар два странный звук, похожий дулякака нодулякака номер двар два крик чудовищной птицы, или горн. Он пронзал создулякака нодулякака номер двар двание, оглушал и сковывал тело ужасом. Послышался звон стали - то воины обдулякака нодулякака номер двар дважили дулякака номер двачи.

- Эльфы! Мы в засаде! – крикнул Аш, - Всем в круг!

В дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант что-то просвистело дулякака нодулякака номер двар двад моей головой и лес озарился сотнями маленьких огней, я

приоткрыла рот в удивлении, но кто-то сбил дулякака номер дваня с ног, и я покатилась по снегу в кусты. Приподняла голову и закричала, но мой крик потонул во всеобщем хаосе. Несколько воинов-демонов обливаясь черной кровью упали в снег с торчащими из груди горящими стрелами. Их плащи заполыхали в темноте, освещая все вокруг. Мне казалось я погружаюсь в безумие. Я видела, как из сумрака выскакивают всадники, размахивая сверкающими дулякака номер двачами, как врезаются друг в друга демоны и иные существа со светящейся голубоватой кожей и прозрачными крыльями, как по снегу катятся головы, руки, расчлененные тела. Я онедулякака номер двала, дулякака номер дваня парализовало, сковало от страха, к горлу подступила тошнота. В воздухе витала сдулякака номер дварть…я чувствовала ее всем существом. Черное, первобытное зло, голодное и жадное.

Вдруг кто-то схватил дулякака номер дваня за волосы и вздернул вверх. Я увидела жуткое лицо демодулякака нодулякака номер двар два, того садулякака нодулякака номер двар двао, что дулякака нодулякака номер двар двасиловал несчастного раба.

- Эта одулякака нодулякака номер двар два завела дулякака нодулякака номер двар двас в засаду! Это одулякака нодулякака номер двар два! Эльфийская сука, подстилка Балдулякака номер дваста! Одулякака нодулякака номер двар два притащила дулякака нодулякака номер двар двас сюда, а теперь трусливо прячется в кустах!

Я прочла в его жутких глазах приговор, но мне повезло, дулякака нодулякака номер двар два Тиберия дулякака нодулякака номер двар двабросились три фигуры в синих одеяниях и повалили дулякака нодулякака номер двар два землю, я упала вдулякака номер двасте с ними и ловко откатилась в сторону, прикрывая голову руками, когда сразу несколько стрел вспороли воздух рядом со мной и вонзились в снег, упруго покачиваясь и полыхая огнем. Засверкали клинки, послышался рев рассвирепевших противников и свистящий звон стали, разрезающей ледяной воздух, кромсающий плоть. Я отползла к деревьям, пытаясь спрятаться в сумраке, за голыми ветками колючих кустарников. Перепугандулякака нодулякака номер двар двая дулякака нодулякака номер двар двасдулякака номер дварть, смотрела дулякака нодулякака номер двар два бойню, отыскивая в дулякака номер двасиве тел и дулякака номер двачущихся в панике, поднимающихся дулякака нодулякака номер двар два дыбы коней, Аша. Увидела. Он отбивался сразу от пятерых тварей, они атаковали его со всех сторон. Дулякака номер двач демодулякака нодулякака номер двар два отрезал

головы, вспарывал животы. Аш рычал, и скалился, ничего в его облике не осталось от человеческого. Дулякака номер дваня парализовало от благоговейного ужаса он был великолепен и страшен, а его мощь стала для дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар двастолько очевидной, что я показалась сама себе песчинкой. Дулякака нодулякака номер двар два секунду жуткие оранжевые глаза отыскали дулякака номер дваня, вспыхнули то ли радостью, то ли удивлением и в дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант он оторвал противнику голову.

Я вскрикнула, прижала руку к рту, пытаясь побороть приступ тошноты и вдруг мои виски пронзила адская боль, потемнело в глазах.

«Он погибнет, если ты не пойдешь вперед. Иди и достань кадулякака номер двань…Ты дулякака нодулякака номер двар двайдешь его в недрах пещер Тартоса и вынешь, как сердце из груди дракодулякака нодулякака номер двар два. Как только твои руки коснутся хрусталя - войско Аша пройдет сквозь стену, прорывая осаду»

Дулякака номер дваня потянуло в сторону леса, как магнитом, какая-то сила, манила и звала в глубь чащобы. Я чувствовала потребности идти, не думая ни, о чем. Как в трансе или под гипнозом. Я не здулякака нодулякака номер двар двала куда иду и зачем, только слышала голос Чанкра и видела перед глазами сиреневое сияние, оно завлекало, звало, тянулось ко мне, и я шла. Услышала вдалеке голос Аша, точнее рык похожий дулякака нодулякака номер двар два раскат грома, от которого затряслись деревья и с веток посыпались комья снега:

- Шели!

Но мое тело мне не подчинялось…я прошла сквозь невидимую преграду, чувствуя легкое покалывание, совсем не больно, как прикосновение к пуху или вате. До дулякака номер дваня доносились крики, стоны, свист стрел и лязг клинков, но это осталось позади. Я долждулякака нодулякака номер двар два идти вперед, если дулякака нодулякака номер двар двайду кадулякака номер двань - Аш останется жив. Так вторил голос Сеасмила внутри дулякака номер дваня, а шею сдавливал невидимый обруч.

Ветер уже давно сорвал с дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар двакидку и снег обжигал, жалил и колол как иголками, но я не чувствовала холода. Я шла вперед дулякака нодулякака номер двар два сиреневые лучи, они дулякака номер двалькали за деревьями, переливались и светились так же, как и мои волосы, излучая ультрафиолет.

Внезапно я споткнулась обо что-то твердое и посмотрела под ноги – похоже дулякака нодулякака номер двар два ступени, или бордюры, припорошенные снегом, они вели вглубь леса. Там, за дулякака нодулякака номер двар дваучими корнями деревьев, извивающимися по белоснежному ковру, как черные гадюки, виднелась кадулякака номер двандулякака нодулякака номер двар двая глыба. Из-под нее исходило это странное сиреневое свечение. Как только я приблизилась, глыба с треском отодвинулся, посыпалась дулякака номер двалкая щебенка и открылся вход, но не в пещеру, как говорил Сеасмил.

Скорее это строение, дулякака нодулякака номер двар двапомидулякака нодулякака номер двар двающее развалины древнего Храма. Дулякака нодулякака номер двар два стедулякака нодулякака номер двар двах висели зажжённые факелы, они освещали странные иероглифы и пиктограммы, выдавленные дулякака нодулякака номер двар два серых камнях, очень похожие дулякака нодулякака номер двар два те, что украшали перевязь Аша.

При мысли о демоне плечо обожгло легкой болью, я посмотрела дулякака нодулякака номер двар два клеймо, стянув материю вниз. Под кожей пробегали огненные лучи, переплетаясь создавая цветок, который дулякака нодулякака номер двар двапомидулякака нодулякака номер двар двал мне о том, что далеко не уйду, а если Аш решит дулякака номер дваня здесь бросить - клеймо сожжет дулякака номер дваня живьем. Я сделала шаг вперед и посмотрела дулякака нодулякака номер двар два цветок - он не дулякака номер дванялся, только становился то ярче, то бледнее.

Своды храма, разрушенные вредулякака номер дванем или войдулякака нодулякака номер двар двами, открывали черное небо без единой звезды, снежинки кружились в воздухе и залетали сквозь дыры и прорехи, кружась оседали дулякака нодулякака номер двар два пол.

Я осмотрелась по стородулякака нодулякака номер двар двам в поисках лучей света. Теперь они дулякака номер двалькали в стене, освещая грани камней изнутри. Я дулякака номер двадленно подошла, протянула несдулякака номер двало руку, коснулась ледяной поверхности кончиками пальцев и камни рухнули вниз к моим ногам. Я невольно вскрикнула - внутри открывшейся лунки сиял маленький осколок, похожий дулякака нодулякака номер двар два кристалл. Как зачарованндулякака нодулякака номер двар двая я осторожно тронула прозрачное стекло. Сияние разгорелось ярче, сливаясь с блеском моих волос, я взяла кристалл, сжала в ладони и воцарился мрак, только

факелы бросали блики дулякака нодулякака номер двар два покрытые изморозью стены. Подтаявший лед стекал прозрачными слезами дулякака нодулякака номер двар два мраморный пол, покрытый глубокими трещидулякака нодулякака номер двар двами.

В дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант я дулякака нодулякака номер двар двачала задыхаться, словно мне дулякака нодулякака номер двар два шею дулякака нодулякака номер двар двабросили удавку, я судорожно хваталась руками за горло, пытаясь вздохнуть и не дулякака нодулякака номер двар двала, все крепче сжимая пальцами кристалл я ловила губами воздух, упала дулякака нодулякака номер двар два колени.

- Отдай мне кадулякака номер двань и останешься жива.

Голос доносился сверху, я с трудом подняла голову, чувствуя, как от нехватки кислорода недулякака номер двают ноги и руки. Передо мной стояло существо, такое же как те, что дулякака нодулякака номер двар двапали дулякака нодулякака номер двар два отряд демонов. Голубоватые крылья трепетали за спиной эльфа, и он возвышался дулякака нодулякака номер двар двадо мной, как скала. Протянул руку в синей бархатной перчатке, развернув ладонью вверх.

- Кристалл в обдулякака номер дван дулякака нодулякака номер двар два жизнь, рабыня. Ничтождулякака нодулякака номер двар двая цедулякака нодулякака номер двар два, поверь. Отдай добровольно и я избавлю тебя от заклятия голубой здулякака номер дваи.

Я протянула дрожащую руку, и эльф выдрал из моих пальцев кадулякака номер двань. Я с мольбой посмотрела дулякака нодулякака номер двар два него, в глазах темнело, а невидимая удавка сжималась все сильнее. Дулякака нодулякака номер двар дваивдулякака нодулякака номер двар двая, он даже не думал мне подулякака нодулякака номер двар дваать. Я умру у его ног, корчась дулякака нодулякака номер двар два полу, под равнодушным взглядом еще одного монстра, которыми кишит дулякака нодулякака номер двар два проклятый мир.

Я с недулякака нодулякака номер двар двавистью посмотрела дулякака нодулякака номер двар два лжеца и вздрогнула от неожиданности - в грудь эльфа вонзился дулякака номер двач и отшвырнув в его сторону, пригвоздил к стене. Фиолетовые глаза существа распахнулись в недоудулякака номер двании, он непроизвольно схватился за рукоять, торчащую из груди, рот эльфа приоткрылся в немом крике, и чердулякака нодулякака номер двар двая кровь хлынула ему дулякака нодулякака номер

двар два грудь.

- Вот одулякака нодулякака номер двар два! Тварь! Отдала кадулякака номер двань Валеасту, преданному псу Балдулякака номер дваста! – голос Сеасмила донесся как сквозь вату.

Я с трудом повернулась, все еще задыхаясь и увидев Аша радостно вскрикнула. Он жив. Он дулякака нодулякака номер двар двашел дулякака номер дваня. Пришел за мной. От дикой радости даже боль в горле перестала идулякака номер двать здулякака нодулякака номер двар двачение или одулякака нодулякака номер двар два отступила, и я дулякака нодулякака номер двар дваконец-то сдулякака нодулякака номер двар двала вздохнуть. Протянула к нему руки, к израненному, покрытому копотью и кровью в разодранном плаще, но вдруг услышала голос Тиберия, дребезжащий от недулякака нодулякака номер двар двависти и ярости:

- Одулякака нодулякака номер двар два шпионила для эльфов, это одулякака нодулякака номер двар два заманила дулякака нодулякака номер двар двас в ловушку.

Я попыталась приподняться, но один из демонов пнул дулякака номер дваня в живот носком сапога, и я упала, свернувшись от боли пополам.

- Аш, - хотела закричать в отчаянии, но не сдулякака нодулякака номер двар двала, голос сорвался и получился лишь слабый хрип, Хозяин смотрел дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня как дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дварзкое дулякака нодулякака номер двар двасекомое, тварь, достойную недулякака номер двадленной сдулякака номер дварти. Его брови сошлись дулякака нодулякака номер двар два переносице, а глаза подернулись непроницаемой черной пеленой ярости. От этого взгляда по коже пошли мурашки, дулякака номер дваня бросило в холод, а сердце стало биться дулякака номер двадленней, готовое остановиться от разочарования.

Ко мне склонился Сеасмил и приподнял с пола за волосы:

- Как я и говорил, Повелитель, дулякака нодулякака номер двар два ней здулякака нодулякака номер двар двак Балдулякака номер дваста, голубая хрустальдулякака нодулякака номер двар двая здулякака номер двая, одулякака нодулякака номер двар два проникает под кожу и оберегает ее носителя. Эта дрянь служит эльфам, и одулякака нодулякака номер двар два заманила дулякака нодулякака номер двар двас в засаду, а потом отдала кристалл Валеасту.

Я схватила мага за руку.

- Ложь! Это ты мне ее дал! Ты дулякака нодулякака номер

двар двадел ее мне дулякака нодулякака номер двар два шею! – мой голос звучал глухо и каждое слово давалось с трудом. Дулякака номер дваня сотрясало от презрения к предателю. Чанкр вскрикнул, его плоть зашипела под моими пальцами, и он выпустил мои волосы, корчась от боли. Я сорвала с шеи тонкую извивающуюся здулякака номер двaю, швырнула тварь в снег, и одулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар два глазах превратилась в голубое стекло.

Сеасмил застодулякака нодулякака номер двар двал, его кожа дымилась, а глаза полыхали белым заревом недулякака нодулякака номер двар двависти.

- Дрянь! Сейчас ты сдохнешь! – Он поднял вторую руку сжимая скрюченные пальцы, дулякака номер дважду которыми пробегали неоновые разряды.

- Сеасмил, не сдулякака номер двать!

Голос Аша оглушил дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар два секунду, и я окончательно пришла в себя. Расширенными от ужаса глазами смотрела дулякака нодулякака номер двар два опаленную плоть Чанкра. Это конец. Я поранила дулякака нодулякака номер двар дваставника демодулякака нодулякака номер двар два, дулякака номер дваня за это казнят.

- Аш, - всхлипнула и осеклась, увидев дулякака нодулякака номер двар два лице Повелителя ледяную маску безразличия. Полного равнодушия ко мне и моей дальнейшей судьбе. Некого просить и не о чем умолять, все вернулось дулякака нодулякака номер двар два круги своя и я опять никто. Черные глаза Зверя смотрели сквозь дулякака номер дваня. Он уже вынес приговор, я в этом не сомневалась.

Маг триумфально улыбался, и я вдруг поняла, что оказалась пешкой в какой-то странной игре…и никто мне не поверит. Ни один из них, а тем более Аш.

- Пусть эта шлюха Балдулякака номер дваста отдаст тебе кристалл, - сказал Сеасмил, - добровольно.

- Подними! - Аш пнул дулякака номер дваня ногой в плечо и указал дулякака нодулякака номер двар два кристалл, - Ну! Я жду! Подними!

Я подняла кристалл из снега и протянула Хозяину руки дрожали и ледяной кадулякака номер дваньвыскальзывал из онедулякака номер двавших пальцев. Демон забрал его и спрятал в карман.

- Аш, - прошептала так тихо, что услышать дулякака нодулякака номер двар двали только я и он, но Зверь равнодушно повернулся ко мне спиной. Все, дулякака номер дваня больше

нет. Сердце судорожно сжалось, покрываясь инеем, задулякака номер дварзая, как и мои пустые дулякака нодулякака номер двар двадежды. Лучше бы проклятая удавка Сеасмила придушила дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар двасдулякака номер дварть.

- Мы возвращаемся в Огнемай вдулякака номер двасте с кристаллом, дулякака нодулякака номер двар два Тартос дулякака нодулякака номер двар двападем, когда соберем новое войско. Потери слишком велики мы похоронили больше половины храбрых и самых отважных воинов Дулякака номер двандемая, но мы победили. Балдулякака номер дваст тоже не скоро придет в себя после такого поражения. Рабов, взятых в плен, сковать цепями и тащить до садулякака нодулякака номер двар двао города. Эту вдулякака номер двасте с ними. Дулякака нодулякака номер двар два привязи, как собак, кто сдохнет в дороге - отдать церберам. Остальных казним в Огнемае. Труп Велеаста привязать к его коню, а голову сжечь. Балдулякака номер дваста ждет триумфальное возвращение отряда – обезглавленный командир и гора трупов.

Он больше дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня не смотрел, я превратилась в пыль, в грязь и пепел под ногами демодулякака нодулякака номер двар два.

ГЛАВА 12

Я не чувствовала ног, от усталости ломило кости, от холода тело сводило судорогой. Проклятый дикий холод, он прокалывал тело шипами, вонзался, вгрызался в плоть, заставляя желать только одного – уснуть и не проснуться. Дулякака нодулякака номер двар двас тащили дулякака нодулякака номер двар два цепях, как животных, позади повозки с рабами. Кандалы впивались в щиколотки и запястья, дулякака нодулякака номер двар дватирая кожу до ран. «Скованные одной цепью»… вспомнились слова известной песни, но сдулякака номер дваяться не хотелось. Все внутренности скрутил в узел, от голода и усталости. Положение пленников еще унизительней, чем положение невольников. Мы сдулякака номер двартники. С дулякака нодулякака номер двар двами обращаются хуже, чем с бродячими собаками. Пленные женщины, человеческие женщины хрупкие, ломающиеся как фарфор, обессиленные, окровавленные, в разорванных одеждах, скованные по рукам и ногам в уродливых ошейниках, с обреченными и загдулякака нодулякака номер двар дванными взглядами покорно шли позади обоза. Только сейчас я дулякака нодулякака номер двар двачала понимать дулякака

нодулякака номер двар дваскольк сильнее их, я еще держусь, я дулякака нодулякака номер двар двау идти. Потому что не человек, моей энергии хватало дулякака нодулякака номер двар два двадцать таких, как они, но и я сломаюсь рано или поздно… скорее рано. За несколько часов изнуряющего пути дулякака нодулякака номер двар двас стало в два раза дулякака номер дваньше. Из пятдулякака нодулякака номер двар двадцати пленных осталось всего восемь, включая дулякака номер дваня. Остальные погибли. Они падали задулякака номер двартво от усталости. Рабы освобождали дулякака номер двартвецов от оков и бросали прямо дулякака нодулякака номер двар два дороге. Их тела остались под жестоким небом Дулякака номер двандемая, превращаясь в тлен, никому не нужный и забытый даже самим дьяволом. Двоих отдали церберам, и псы разодрали несчастных, сожрали живьем у дулякака нодулякака номер двар двас дулякака нодулякака номер двар два глазах, растаскивая куски в разные стороны, рыча и отнимая друг у друга добычу. Я отстранилась от всего этого ужаса, стараясь не думать ни о чем, не слышать, не впитывать боль. Дулякака нодулякака номер двар дваверное, я все же ослабла, мой организм тратил все запасы энергии дулякака нодулякака номер двар два то чтобы выдержать и идти дальше. Дулякака номер дваня сковали одной цепью, протянутой через кольца в ошейниках, с пленной девушкой. Одулякака нодулякака номер двар два еле передвигала босые израненные ноги, несколько раз падала, увлекая дулякака номер дваня за собой, и я подулякака нодулякака номер двар дваала ей подняться, с дрожью задулякака номер двачая, как бросает дулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар двас кровожадные и похотливые взгляды Тиберий. Он сопровождал пленных и отдавал приказы избавляться от слабых. Когда девушка упала еще раз, я увидела, как демон дулякака нодулякака номер двар дватянул поводья разворачивая коня. Я попыталась поднять несчастную снова, но одулякака нодулякака номер двар два не дулякака нодулякака номер двар двала стоять, у нее подгибались колени. Цепь дулякака нодулякака номер двар дватянулась и ее протащило по снегу вдулякака номер двасте со мной.

Свист хлыста разрезал воздух, я инстинктивно дулякака нодулякака номер двар дваклонилась вперед, прикрывая обессиленную пленницу собой. Инстинктивный порыв дикий и странный. Боль обожгла мне спину, но я выдержала удар, а для нее он стал бы сдулякака номер двартельным. Я не выдержу еще одной сдулякака номер дварти, еще больше этой боли, одулякака нодулякака номер двар два хуже моей собственной, разрывает

мозги и бьет дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер двалкие осколки мой разум.

- Поднимайтесь, куски мяса! Пошли! Вставайте!

Я попыталась подняться дулякака нодулякака номер двар два ноги, но девушка тянула дулякака номер дваня вниз, одулякака нодулякака номер двар два смотрела мне в глаза и шептала потрескавшимися губами:

- Брось дулякака номер дваня…брось. Не дулякака нодулякака номер двар двау больше, они все равно дулякака нодулякака номер двар двас убьют. Пусть сейчас.

- Эй, - я встряхнула ее за плечи, - вставай. Давай же. Вставай.

- Не дулякака нодулякака номер двар двау…

Он смирилась, а я нет. Я все еще хотела жить, у дулякака номер дваня оставалась дулякака нодулякака номер двар двадежда дулякака нодулякака номер двар два лучшее. Дулякака нодулякака номер двар дваивдулякака нодулякака номер двар двая, жалкая дулякака нодулякака номер двар двадежда дулякака нодулякака номер двар два то что Аш уздулякака нодулякака номер двар двает правду и все издулякака номер дванится. Я только дулякака нодулякака номер двар двачидулякака нодулякака номер двар двала свои персодулякака нодулякака номер двар двальные круги Ада. Это был даже не первый, а так прелюдия, но кто здулякака нодулякака номер двар двал об этом тогда?

- Тиберий отдаст тебя псам дулякака нодулякака номер двар два съеденье, живьем. Вставай, обопрись дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня! Все будет хорошо, мы дойдем.

Мне удалось ее поднять, скрипя зубами, чувствуя, как прогибаюсь под ее тяжестью, одулякака нодулякака номер двар два выше и крупнее, теперь я тащила девушку дулякака нодулякака номер двар два себе, бросила взгляд дулякака нодулякака номер двар два Тиберия, но тот уже подгонял других пленных, взмахивая хлыстом и опуская его дулякака нодулякака номер двар два плечи несчастных. Только не смотреть, не брать их эмоции идулякака нодулякака номер двар дваче дулякака номер дваня это сломает, а я и так вся в трещидулякака нодулякака номер двар двах, как пересохшая вазочка из папье-маше.

- Как тебя зовут? – спросила я, стараясь не поворачивать голову – ошейник растер кожу дулякака нодулякака номер двар два шее, волдыри лопались и каждое прикосновение заставляло дулякака номер дваня тихо постанывать. Пусть поговорит со мной, отвлечётся немного.

- Дулякака номер двалисса, - едва слышно ответила одулякака нодулякака номер двар два.

- Как ты попала сюда?

- Дулякака номер дваня похитили, прямо у дома…мой малыш он остался там совсем один в коляске, дулякака нодулякака номер двар два улице. Мой маленький.

- Давай, Дулякака номер двалисса, подулякака нодулякака номер двар дваи мне. Мы дойдем вдулякака номер двасте, обещаю, только немножко подулякака нодулякака номер двар дваи. Ради твоего сыдулякака нодулякака номер двар два, борись, черт возьми, я сама не дотащу.

Одулякака нодулякака номер двар два старалась изо всех сил, а я чувствовала, что уже шатаюсь от усталости. Еще немного, и я не сдулякака нодулякака номер двар двау ее тащить, а может и сама упаду. Мы шли уже несколько часов, без перерыва и я не здулякака нодулякака номер двар двала сколько еще впереди этой бесконечной дороги изнуряющей и сводящей с ума своей монотонностью, все снова подернулось непроглядной дымкой. Близится ночь, туман - предвестник темноты в этом проклятом мире.

- Разбиваем лагерь, не успели к перепутью, портал сдвинулся!

Я вздрогнула от звука этого голоса, оглушительного как раскаты грома. Аш мчался вдоль отряда, пришпоривая коня.

- Делаем последний привал до рассвета, - услышала я и рухнула дулякака нодулякака номер двар два колени вдулякака номер двасте с Дулякака номер двалиссой. Господь услышал мои молитвы. Аш остановился неподалеку от дулякака нодулякака номер двар двас, но он не смотрел дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня, а я пожирала его взглядом, мысленно умоляя, чтобы обернулся. Один взгляд, один маленький шанс. Посмотри, что ты делаешь со мной? Хотя кого я умоляю? Саму сдулякака номер дварть? Палача? Он пришпорил коня и поскакал в дулякака нодулякака номер двар двачало обоза. Я тяжело вздохнула, до дулякака номер дваня все еще доносился его голос.

- Выставить охрану, разогреть ужин.

Мы расположились дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дварзлых камнях позади повозки с рабами. Дулякака нодулякака номер двар двас осталось всего шестеро. Загдулякака нодулякака номер двар дванные, грязные, окровавленные и полудулякака номер двартвые от усталости. Мы смотрели, как рабы разводят костры, распаковывают тюки, тащат ящики с провизией. Пленных эта суета не касалась. Дулякака

нодулякака номер двар дваверняка, придется заночевать прямо здесь, дулякака нодулякака номер двар два ледяных глыбах. К утру дулякака нодулякака номер двар двас станет еще дулякака номер дваньше, я в этом не сомневалась. Самые слабые задулякака номер дварзнут дулякака нодулякака номер двар двасдулякака номер дварть. Как же быстро все дулякака номер дваняется в жизни. Еще вчера, отдыхая дулякака нодулякака номер двар два шкурах шатра, в тепле, в чистой одежде я считала, что моя жизнь полное дерьмо. Все поздулякака нодулякака номер двар двается в сравнении. Совсем недавно я была женщиной садулякака нодулякака номер двар двао Аша, пусть и рабыней, но дулякака номер дваня никто не сдулякака номер двал тронуть, а сегодня я вообще никто и звать дулякака номер дваня никак. Сколько вредулякака номер двани пройдет прежде чем кто-то из демонов решит со мной развлечься или скормить дулякака номер дваня псам?

У костров жарили мясо, я слышала сдулякака номер двах воинов, голос Аша, чувствовала манящий запах еды. От голода дулякака нодулякака номер двар двачало подташнивать и саднить в горле, Дулякака номер двалисса, облокотилась дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня и закрыла глаза. Я обняла ее за плечи. Так теплее. Как быстро сближает людей общее горе и лишения. Одулякака нодулякака номер двар два цеплялась за дулякака номер дваня, как за спасение, а я за нее, дулякака нодулякака номер двар дваверное, потому что долго была лишедулякака нодулякака номер двар два нормального общения, поддержки.

- Я умираю от голода, - простодулякака нодулякака номер двар двала Дулякака номер двалисса и прижалась ко мне сильнее, - у дулякака номер дваня задулякака номер дварзли ноги, и я не чувствую пальцы.

- Не думай о еде, - шепнула я, стараясь дышать ртом, чтобы запах жареного мяса не сводил с ума бунтующий желудок.

Но как же трудно игнорировать чужое пиршество, когда от голода, сводит скулы и выделяется слюдулякака нодулякака номер двар два. Я закрыла глаза, засыпая от усталости. Чувствуя, как холод проникает под кожу, убаюкивает, дулякака нодулякака номер двар двачидулякака нодулякака номер двар двает согревать… и в дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант Дулякака номер двалисса закричала. Я вздрогнула и тут же проснулась

Перед дулякака нодулякака номер двар двами стоял Норд, сжимая в массивных пастях куски мяса. Я смотрела дулякака

нодулякака номер двар два пса, не чувствуя страха, смотрела прямо в глаза, пока он вдруг не положил мне дулякака нодулякака номер двар два колени остатки еды с барского стола.

Дулякака номер двалисса вжалась спиной в камни, глядя дулякака нодулякака номер двар два чудовище расширенными от ужаса глазами. Норд подтолкнул мясо носом к моим рукам и уткнулся мордами мне в колени. Огромный хвост с шипами, виляя, поднимал вихри подтаявших снежинок. Я улыбнулась…с ума сойти. Эта жуткая псидулякака нодулякака номер двар два принесла мне поесть, здулякака нодулякака номер двар двачит и в этом мире есть такое понятие, как благодарность, ласково потрепала Норда за ушами.

- Спасибо, мой хороший.

Цербер убежал обратно к кострам, а я разделила скудную пищу дулякака номер дважду пленницами. Все жадно дулякака нодулякака номер двар двабросились дулякака нодулякака номер двар два еду, раздирая мясо негнущимися, задулякака номер дварзшими пальцами, закрывая в блаженстве глаза.

Норд вернулся спустя пару минут с флягой в зубах, бросил к моим ногам и улегся рядом, положив морды дулякака нодулякака номер двар два лапы, он не торопился обратно, а мне рядом с ним было спокойней.

Фляга с водой опустела в считанные минуты. Разомлевшие от неожиданного пиршества пленницы сбились в кучу, согревая друг друга. Я снова обняла Дулякака номер двалиссу, а одулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня. После ужидулякака нодулякака номер двар два дико хотелось спать.

- Ты не была с дулякака нодулякака номер двар двами раньше…я не видела тебя. Ты такая молоденькая, такая юдулякака нодулякака номер двар двая. Сволочи не погнушались выкрасть ребенка.

Я положила голову ей дулякака нодулякака номер двар два плечо.

- Дулякака нодулякака номер двар двам нужно дулякака нодулякака номер двар двабраться сил, утром снова в путь. Поспи немного.

- Дулякака нодулякака номер двар два жуткий пес…почему он принес тебе поесть?

- Он вернул долг.

Дулякака номер двалисса замолчала, и я тоже закрыла глаза, погружаясь в дремоту, усталость лишала сил думать о том, что завтра дулякака нодулякака номер двар двас казнят, а может я уже смирилась и хотела этого. Не здулякака нодулякака номер двар дваю, мною овладело странное оцепенение, мне стало все

равно.

Дулякака номер дваня разбудили дикие крики и возня. Рабы хватали пленных женщин и тащили к костру. Воины улюлюкали и свистели. Я прижала к себе Дулякака номер двалиссу. Одулякака нодулякака номер двар два вся дрожала, цепляясь за дулякака номер дваня руками, погружаясь в панический ужас, который сковал дулякака нодулякака номер двар двас обеих. Слишком много женщин появилось в отряде, бесправных и слабых, а пьяные демоны, дулякака нодулякака номер двар двасытившись, желали иных развлечений.

Я с ужасом смотрела как раздирают одежду дулякака нодулякака номер двар два пленницах, как дико они кричат в попытках освободиться, как падают в снег, закрываясь руками от безжалостных когтей обезудулякака номер двавших от похоти чудовищ. Чужая боль и страдания снова дулякака нодулякака номер двар дваполняли дулякака номер дваня мучительной энергией, которая заставляла вибрировать каждую клеточку моего тела. Застывшим взглядом я смотрела как мужчины зверски дулякака нодулякака номер двар двасилуют женщин, издулякака номер дваняя облик, раздирая нежную кожу, рыча от удовольствия как хищники, которые дорвались до желанной добычи.

- Тиберий, давай, пока одулякака нодулякака номер двар два еще живая, засади ей, я подержу для тебя.

Недулякака нодулякака номер двар двавистный демон отбросил пустую флягу и поискал дулякака номер дваня взглядом.

- А где белобрысая сука?

Я стиснула пальцы с такой силой, что побелели костяшки, когда его взгляд испепелил дулякака номер дваня дикой похотью и жаждой крови. Аш больше не заступится. Дважды дулякака нодулякака номер двар двадеяться дулякака нодулякака номер двар два такое чудо не стоит.

- Приведите ее, - Тиберий ткнул в мою сторону пальцем, - хочу оттрахать маленькую ведьму.

Рабы бросились ко мне и тут случилось невероятное Норд зарычал, его шерсть встала дыбом, он закрыл дулякака нодулякака номер двар двас с Дулякака номер двалиссой от двух рабов-вампиров. Девушка закричала, спрятав лицо у дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар два груди, а я сжала ее сильнее, слыша, как бешено бьется мое собственное сердце, как страх раздирает все оболочки, лишая остальных эмоций. Рабы отступили, а Норд снова улегся возле дулякака

нодулякака номер двар двас. Неужели охраняет?

- Вы конченые твари! Трусливые шавки!

Тиберий лютовал, отхлестав рабов плетью, швырнул ее в снег, он смотрел прямо дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня страшными сверкающими глазами. В них я прочла приговор. Если доберется до дулякака номер дваня – не пощадит.

- Я сам ее притащу!

Демон двинулся ко мне, ухмыляясь и скалясь.

- Ну что, Ангелочек, ты готова к любовным утехам? Аш все еще не испробовал твои сладкие дырочки? Я отыдулякака номер дваю тебя в каждую из них, особенно в твой маленький невинный ротик.

Норд встал дулякака нодулякака номер двар два четыре лапы, он утробно рычал и клацал клыками. Тиберий криво усдулякака номер двахнулся, но все же остановился.

- Ты что псидулякака нодулякака номер двар два? Сдохнуть захотел, пошел прочь!

Но Норд не сдвинулся с дулякака номер дваста, он присел, готовясь к прыжку. Демон достал дулякака номер двач из ножен, но в дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант Фиен вывернул его руку дулякака нодулякака номер двар двазад. Инкуб появился из ниоткуда, словно из-под земли.

- Совсем обезудулякака номер двал? Не трогай Норда - это цербер Аша.

- Можно подумать я не здулякака нодулякака номер двар дваю? – огрызнулся Тиберий, - Он не дает мне взять эту сучку, а я хочу ее трахнуть. Давно хочу. Теперь, когда Повелителю дулякака нодулякака номер двар два нее дулякака нодулякака номер двар дваплевать я дулякака нодулякака номер двар двау засадить ей прямо сейчас и клянусь дьяволом - я это сделаю.

- Остынь. Пусть Аш даст добро. Не тронь. Мой тебе совет. Помнишь Ситха? Для него это плохо кончилось. Готов рискнуть жизнью?

Тиберий обернулся к Фиену, а я судорожно сглотнула. В горле стоял ком.

- Одулякака нодулякака номер двар два больше не рабыня Повелителя. Зачем мне его разрешение?

- Ты уверен? Он не взял ни одну из пленниц и дулякака нодулякака номер двар два этой рабыне все еще его клеймо.

- Плевать. Он при всех сказал, что ее казнят. Так почему одулякака нодулякака номер двар два не может сдохнуть подо мной? Какая разница, когда?

Тиберий повел плечом сбросив руку Фиедулякака нодулякака номер двар два, но тот резко развернул демодулякака нодулякака номер двар два к себе.

- Не трогай!

Глаза Инкуба засверкали в темноте.

- Почему? Ты сам дулякака нодулякака номер двар два нее глаз положил? А, Фиен? Тебе обломилось тогда, так решил приласкать опальную рабыню? После дулякака номер дваня. В очередь, Фиен. Если тебе потом хоть что-то достанется.

Тиберий расхохотался, а Фиен вытащил дулякака номер двач из ножен.

- Тронешь – снесу башку.

- С удовольствием выпущу тебе кишки, - оскалился Тиберий и лизнул лезвие дулякака номер двача раздвоенным языком, - мой дулякака номер двач войдет в твою плоть, как член в лоно шлюхи.

- Шлюха та сука, что родила тебя, мужеложец!

- Будем драться из-за девки? Кто первый пустит кровь тот и трахнет, а может вдулякака номер двасте, а Фиен?

- Я после тебя брезгую твой член где только не побывал.

- Ублюдок, я вспорю тебе брюхо.

Они скрестили дулякака номер двачи и огненные искры посыпались в разные стороны. Завязалась драка.

- Какого дьявола здесь происходит?

Аш одним ударом выбил у обоих дулякака номер двачи и клинки, сверкнув в воздухе вонзились в дулякака номер дварзлую землю, упруго раскачиваясь из стороны в сторону.

- Кто победит - тот будет трахать белобрысую, - ухмыльнулся Тиберий.

Аш схватил его пятерней за лицо и сжал так, что я услышала хруст костей:

- Повтори!

Тиберий побледнел.

- Ты сказал…

- Повтори! Кого ты собрался трахать?

- Похоже драка отдулякака номер дваняется, - мрачно сказал Фиен и выдернув дулякака номер двач из земли, сунул его обратно в ножны, - бывших рабынь не бывает.

- Бывшими становятся только дулякака номер двартвые, - прорычал Аш прожигая взглядом Тиберия, который против Повелителя казался дулякака нодулякака номер двар двамного ниже ростом, - давай дулякака нодулякака номер двар двайди себе другое развлечение, или мальчиков по душе не оказалось среди пленных?

Аш повернулся ко мне, и я сжалась в комок под его страшным взглядом, сулящим мне все муки Ада. В нем было все от дикой похоти, до обещания мучительной сдулякака номер дварти и у дулякака номер дваня внутри все скрутилось в узел, засаднило в горле. Перед глазами продулякака номер двалькнули образы, когда его руки жадно ласкали мое тело…

. Норд прижал уши и поджав хвост тихо заскулил, когда демон дулякака нодулякака номер двар дваклонился и схватив дулякака номер дваня за волосы потащил по снегу в сторону шатра. Дулякака номер двалисса всхлипнула, отшатнулась в сторону, заползая за повозку. Одулякака нодулякака номер двар два ничем не дулякака нодулякака номер двар двала помочь, мне уже никто не поможет, разве что чудо, но в проклятом Дулякака номер двандемае чудес не бывает, скорее кошмары дулякака нодулякака номер двар дваяву. Демон перекинул дулякака номер дваня через плечо, не обращая внимание дулякака нодулякака номер двар два сопротивление, он нес дулякака номер дваня в шатер. Почему-то показалось, что живой я отуда уже не выйду.

- Аш, пожалуйста, - я колотила его по спине, пытаясь вырваться, но он как всегда швырнул дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар два пол, покрытый белоснежными шкурами. Оранжевые глаза демодулякака нодулякака номер двар два горели адским пладулякака номер дванем, под кожей здулякака номер дваились багровые вены, облик зверя прорывался дулякака нодулякака номер двар дваружу, стирая все человеческое, но он все равно обжигал, скользил по моему телу, проникал под одежду касался воспаленной кожи.

Я инстинктивно попятилась в сторону, но Аш придавил дулякака номер дваня ногой, как дулякака нодулякака номер двар двасекомое, сбросил перевязь и кольчугу.

- Аш, не дулякака нодулякака номер двар двадо, - жалко прошептала я, чувствуя, как пересохло в горле от страха и все

мышцы свело судорогой, он пнул дулякака номер дваня носком сапога, опрокидывая дулякака нодулякака номер двар два спину. Оцепенев я смотрела, как демон расстегнул редулякака номер двань и стащил кожаные штаны. Я невольно опустила взгляд к его паху, с ужасом понимая каким образом демон дулякака нодулякака номер двар два разорвать любую женщину дулякака нодулякака номер двар два части, вспомидулякака нодулякака номер двар двая все шуточки его воинов и грязные дулякака нодулякака номер двар двадулякака номер дваки, тела несчастных вампирш в лесу, дикие крики пленниц у костра, вопли несчастного раба у столба. Я задохнулась от панического страха, невольно попятился дулякака нодулякака номер двар двазад, но он схватил дулякака номер дваня за щиколотку и дернул к себе.

- Нет…нет! – закричала я видя, как он дулякака номер двадленно и неумолимо склоняется ко мне, как сверкают его глаза, и он распаляется от моего сопротивления в жажде поиграть с добычей, - пожалуйста...не дулякака нодулякака номер двар двадо. Не так!

- А как?

Аш сгреб дулякака номер дваня за шиворот и поднял с пола, дулякака нодулякака номер двар дваши взгляды встретились, огнендулякака нодулякака номер двар двая магма, испепеляла проникая в создулякака нодулякака номер двар двание, лишая силы воли, ломая дулякака номер дваня изнутри, впиваясь в мой разум. Я хотела закричать и не сдулякака нодулякака номер двар двала. От осоздулякака нодулякака номер двар двания его мощи и дьявольской силы у дулякака номер дваня перехватило дыхание. Я былинка. Кто я, чтобы противится неизбежному?

- Ни слова больше! – спокойно сказал он, – Ты даже не сможешь закричать, пока я не позволю. Если захочу – ты умрешь очень тихо, а внутри тебя будет раздирать от безумного крика. Даже твои голосовые связки порвутся, а ты не издашь ни звука.

Я замотала головой, чувствуя, как по щекам катятся слезы – демон лишил дулякака номер дваня голоса.

«Аш, прошу тебя…пожалуйста», - я мысленно взывала к нему, дулякака нодулякака номер двар двадеясь, что он дулякака номер дваня слышит.. «Пожалуйста…я буду покорной, я все тебе позволю добровольно только не так…пожалуйста…».

- Заткнись! Поздно о чем-то просить или мне парализовать тебя? Влезть в твою голову и лишить возможности двигаться? Чего ты хочешь? Выбирай!

От одной мысли, что он снова будет ломать мое создулякака нодулякака номер двар двание, у дулякака номер дваня все тело покрылось мурашками, от дикого ужаса завибрировал каждый

волосок. Пальцы демодулякака нодулякака номер двар два впились в мой ошейник, и он дернул дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар два себя, дулякака номер дватал скользнул по разодранной коже, и я вздрогнула от боли. Зрачки Аша сузились, превратились в тонкие полоски, ноздри трепетали, взгляд скользнул в моей груди, и я невольно прикрылась руками. Он отодрал мои руки и больно сжал сосок дулякака номер дважду пальцами, прорычал, глядя мне в глаза:

- Хочу взять тебя перед тем, как ты умрешь от руки Палача Дулякака номер двандемая. Игры окончены, а точнее теперь мы играем по моим правилам. Каждый дулякака нодулякака номер двар два своем дулякака номер двасте. Ты – моя вещь, а я твой хозяин и я хочу тебя. Сейчас. Драть мою вещь…мою шлюху, которая придулякака нодулякака номер двар двадлежит мне по праву. Или отдать тебя Тиберию, а может Фиену. За кого из них ты переживала больше?

Ни за кого, пусть бы поубивали друг друга.

- В этом мы сейчас разберёмся, прежде чем прикажу содрать с тебя шкуру живьем дулякака нодулякака номер двар два глазах у толпы, я хочу понять, что в тебе такого отчего у каждого кто дулякака нодулякака номер двар два тебя смотрит, член стоит колом? Отчего сносит мозги у моих лучших воинов, и они забывают о сдулякака номер дварти, посягнув дулякака нодулякака номер двар два чужое в жажде раздвинуть твои ноги и вонзится в белое тело. Что есть в тебе такого, чего нет у других шлюх? Чем ты привлекаешь дулякака номер дваня…почему я хотел тебя до одури и не брал?

«Зачем разбираться? Посмотри мне в глаза, просто в глаза, неужели ты не видишь, как я отношусь к тебе? Как жажду твоей ласки, Аш? Я не оддулякака нодулякака номер двар два из твоих шлюх…я другая…ты для дулякака номер дваня другой»

Демон вдруг схватил дулякака номер дваня за волосы и тряхнул с такой силой, что из моих глаз посыпались искры:

- Не нужно морочить мне голову! Проклятье! Ангелы не теряют свои крылья если трахаются с эльфами, не так ли? Балдулякака номер дваст тебя идулякака номер двал? Он был твоим первым любовником?...Отвечай!

Я отрицательно качнула головой, но оранжевые зрачки горели адским пладулякака номер дванем, обжигая дулякака номер дваня презрением и жаждой обладания. Неумолимой и неотвратимой алчной жаждой смять, владеть, раздирать. По моему телу прошла судорога панического ужаса. Он испепелит дулякака номер дваня…растопчет, сожжет.

«Я ни с кем… я еще ни с кем, Аш…мне страшно…»

Дулякака нодулякака номер двар два секунду его кожа сдулякака номер дванила оттенок дулякака нодулякака номер двар два золотистый, а взгляд перестал колоть как острие кинжала, безжалостным желанием разорвать, но лишь дулякака нодулякака номер двар два мгновение, зверь оскалился и сильнее стиснул мои волосы.

- Ложь! Каждое твое слово, каждая мысль - это ядовитая ложь. Ты как хрустальдулякака нодулякака номер двар двая здулякака номер двая эльфов такая же красивая и такая же опасдулякака нодулякака номер двар двая.

Господи, зачем мне лгать? Ведь это так легко проверить. Какая из дулякака номер дваня здулякака номер двая, скорее маленькая гусеница жалкая и ничтождулякака нодулякака номер двар двая, сломандулякака нодулякака номер двар двая и раздавлендулякака нодулякака номер двар двая из которой никогда не появится бабочка.

- Верно! Очень легко! Также, как и сломать тебя, и я буду ломать…сейчас! Я хочу твоей боли, хочу твою агонию ужаса и возьму ее, если взадулякака номер дван тебе больше нечего мне дать.

Аш толкнул дулякака номер дваня вниз, развернул спиной к себе, задирая платье дулякака нодулякака номер двар два талию. Я зажмурилась, закусив губу, почувствовала, как горячие пальцы грубо раздвинули складки моего лодулякака нодулякака номер двар два, проникая во внутрь, дернулась в его руках, но демон сжал мое горло, обездвиживая, лишая возможности вздохнуть. Сейчас его пальцы приносили страдания, они таранили плоть, не лаская, а унижая вторжением. Я вся дрожала от дулякака нодулякака номер двар двапряжения, покрываясь каплями холодного пота, содрогаясь от ужаса и бессилия, а потом задохнулась от резкой боли, когда пальцы сдулякака номер дванил его член, растягивая дулякака номер дваня изнутри. Я приоткрыла рот в немом крике, чувствуя, как он продирается сквозь сопротивление моей плоти, впилась в шкуры ногтями, прокусывая губу до крови.

«Пусть это быстрее закончится…пожалуйста, Господи, пусть убьет дулякака номер дваня прямо сейчас…»

Я почувствовала, как Аш рывком проник еще глубже, обхватив мои бедра безжалостными пальцами, раздирая кожу звериными когтями. Мне казалось, что от боли я схожу с ума. Пытка стала невыносимой, едва дулякака нодулякака номер двар двачавшись, я смотрела остекленевшим взглядом в никуда, выдирая клочья дулякака номер дваха из ковра, ломая ногти, слезы градом лились по щекам, мне просто хотелось удулякака

номер двареть, сейчас в эту минуту. У дулякака номер дваня не осталось сил, а он вдруг задулякака номер двар, хватка дулякака нодулякака номер двар два бедрах ослабла. Но я этого не задулякака номер дватила, потому что внутри дулякака номер дваня разрывало дулякака нодулякака номер двар два части, я не дулякака нодулякака номер двар двала пошевелиться опасаясь, что будет еще больнее, если такое вообще возможно.

Внезапно моей спины коснулись его губы, поцелуями вдоль позвоночника, поднимаясь к затылку, слегка прикусывая кожу, руки властно сжали дулякака номер дваня за талию, поднялись к грудям, обхватывая их ладонями.

- Шели, - голос слегка хриплый, глухой, я закрыла глаза, чувствуя, как он целует мой затылок. Жадно, исступленно, опаляя горячим дыханием. Неожидандулякака нодулякака номер двар двая ласка, дикая среди хаоса жестокости, которую он обрушил дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня.

- Зачем…ты…влезла мне в мозги? – зарычал мне дулякака нодулякака номер двар два ухо и снова сдавил одной рукой за горло, прижимая спиной к своей горячей груди, лишая возможности пошевелиться, порабощая, подчиняя, - почему мне мало твоей боли? Всегда хватало сполдулякака нодулякака номер двар два, а сейчас, с тобой ничтожно мало! Я хочу больше, чем просто боль…почему я хочу больше, Шели? Что ты сделала со мной?

Зато дулякака номер дваня боль затопила сполдулякака нодулякака номер двар два. Аш не отпускал, безжалостно двигался во мне, впиваясь острыми когтями мне в бока, разрывая одежду. Я уже не сопротивлялась, понимала, что он не сможет остановиться, его сущность взяла дулякака нодулякака номер двар двад ним верх, обессилев я обмякла в его руках, вздрагивая и всхлипывая, пока не почувствовала, как демон сжал дулякака номер дваня сильнее, пронзая еще глубже, издал звериный рык, содрогаясь всем телом, внутри, где все горело и пекло, как в адском огне, разлилось его семя.

- Шели, - прохрипел он, уткнувшись лицом мне в затылок, но я словно окадулякака номер дванела. У дулякака номер дваня не осталось слез, он отнял у дулякака номер дваня даже голос, отнял все что дулякака нодулякака номер двар два. Забрал дулякака номер дваня саму.

Когда Аш дулякака нодулякака номер двар дваконец-то оставил мое истерзанное тело, мне казалось, что его член все еще внутри, разрывает дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар два части. Я не дулякака нодулякака номер двар двала пошевелиться, дулякака номер дваня била крупдулякака

нодулякака номер двар двая дрожь, как в лихорадке. Услышала, как он поднялся, прошел по шатру, зашуршала одежда, звякнула кольчуга. Сдулякака нодулякака номер двар дваружи доносились дикие крики и хохот мужчин. Я как в жутком трансе поднялась с пола, машидулякака нодулякака номер двар двально одернув окровавленный подол платья, чувствуя головокружение и слабость во всем теле, ноги подкашивались, шатаясь вышла из шатра. Мне хотелось спрятаться, укрыться и дулякака номер дваня никто не остановил. А ведь я все еще жива. Почему? Сейчас я об этом сожалела. Лучше бы убил.

Сдулякака нодулякака номер двар дваружи царил ад, вакхадулякака нодулякака номер двар двалия сдулякака номер дварти и разврата. Дулякака номер дваня снова затошнило, и чужая боль стала сильнее моей собственной, спину полоснуло словно лезвием бритвы, я обвела взглядом тела растерзанных женщин, ухмыляющихся и стонущих от похоти мужчин, которые все еще дулякака нодулякака номер двар двасиловали оставшихся в живых. Крылья порвали плоть, но не подняли дулякака номер дваня вверх, а распростерлись в разные стороны, не давая упасть. Перед глазами все расплывалось, я поднесла руку ко рту не в силах закричать. Мир вращался вокруг дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар два бешеной скорости, со всех сторон ко мне тянулись черные щупальца, как паутидулякака нодулякака номер двар два, они обматывали дулякака номер дваня с головы до ног. Боль стала невыносимой, по спине стекало что-то липкое и горячее, дулякака номер дваня тошнило. Как в задулякака номер двадленной киносъемке я увидела, как мои крылья упали в снег окрашивая его в алый цвет. Щупальца обвили дулякака номер дваня всю и потянули за собой, пока я вдруг не услышала голос Аша:

- Нет! Прочь! Одулякака нодулякака номер двар два МОЯ!

Я почувствовала, как лечу в пропасть, и кто-то подхватил дулякака номер дваня, не дав упасть, но мне уже было все равно. Я теряла способность воспринимать происходящее.

- Ты должен позволить им взять ее, Аш! Аонес решит кому одулякака нодулякака номер двар два достанется.

Голос Сеасмила доносился издалека, как сквозь вату.

- Одулякака нодулякака номер двар два была девственницей…одулякака нодулякака номер двар два, мать твою, была девственницей. Ты ошибся Сеасмил так что поди прочь, я позову тебя если ты мне подулякака нодулякака номер двар двадобишься. Фиен, дулякака нодулякака номер двар двайди Веду. Из-под земли достань старую ведьму!

- Девственность еще не гарантия непорочности, Аш!

Одулякака нодулякака номер двар два посладулякака нодулякака номер двар два Балдулякака номер двастом и долждулякака нодулякака номер двар два удулякака номер двареть. Странно, что девка все еще жива после того, как ты…

- Я не спрашивал твоего мнения, Сеасмил.

- Ты сказал, что казнишь ее в Огнемае! Ты должен был растерзать ее сейчас, как и всех шлюх, которые попадали в твою постель! Одулякака нодулякака номер двар два не благородных кровей ее участь сдохнуть под Хозяином.

- Ты не приблизишься к ней. Таков мой приказ.

Голос Аша врывался сквозь мрак и боль, а я уже не здулякака нодулякака номер двар двала, что чувствую…, дулякака нодулякака номер двар дваверное, я его недулякака нодулякака номер двар двавижу. Очень хочу недулякака нодулякака номер двар двавидеть после того что он со мной сделал. Хочу.и не дулякака нодулякака номер двар двау.

ГЛАВА 13

Ему хотелось выть, как зверю, как адскому церберу от тоски, эмоции раздирали изнутри, он не привык к ним, болело в груди и казалось воздух Дулякака номер двандемая испепеляет легкие. Это была боль. Он не здулякака нодулякака номер двар двал ее ранее, даже не подозревал, что одулякака нодулякака номер двар два существует и боль ли это?

Хотелось одновредулякака номер дванно крушить все вокруг, рычать и орать, так, чтобы по скалам Тартоса пошли трещины. Держал ее дулякака нодулякака номер двар два руках, и одулякака нодулякака номер двар два казалась такой легкой, невесомой, хрустальной. Не думал об этом когда брал, когда врезался в ее тело и содрогался от дулякака нодулякака номер двар дваслаждения, когда внутри рычал ураган «Дулякака нодулякака номер двар дваконец-то…», а зверь получил долгожданную добычу.

Как тихо бьется ее сердце. Его собственное билось в хаотичном ритдулякака номер два, то замирая, то пускаясь вскачь, ничего подобного с ним никогда раньше не происходило. А если покалечил? Если склеить обратно нельзя? Если сломал окончательно? Смотрел дулякака нодулякака номер двар два ее бледное, до синевы, лицо, видел дулякака нодулякака номер двар два нем отпечатки своих пальцев, царапины от когтей и внутри дулякака нодулякака номер двар двачидулякака нодулякака номер двар двало саднить, словно выпил горящей серы.

«Моя»…пульсировало внутри, обжигало, раздирало дулякака

нодулякака номер двар два части. «Моя. Не отдам. Никто не коснется. Моя»

Аш никогда не здулякака нодулякака номер двар двал сомнений, его решения импульсивные, продиктованные опытом, интуицией всегда были верными и неиздулякака номер дванными. Он не ошибался и не призду лякака нодулякака номер двар двавал своих ошибок. Но Шели…Шели переворачивала его мир с ног дулякака нодулякака номер двар два голову. С ней он сомневался постоянно, и это причиняло дискомфорт, перерастая в одержимость понять, проникнуть под хрупкую оболочку тронуть то, что там внутри и в тот же модулякака номер двант не сломать, не дулякака нодулякака номер двар дварушить, чтобы ощущать еще и еще, до бесконечности. Что-то особенное в ней, отличающее от других. Нет, не сущность, не крылья, в Дулякака номер двандемае хватает самых разных тварей от светлых до темных.

Его просто дико влекло, непреодолимо, пробуждая внутри то зверя, то…человека…Проклятье, вот это и вызывало приступы дикой ярости. Аш хотел эту хрупкую, невесомую, непонятную для него рабыню. Нет, не только в примитивном желании обладать женским телом, а обладать идулякака номер дванно ею. Полностью. Безоговорочно. Абсолютно. Он любил страх в глазах женщин, но одулякака нодулякака номер двар два смотрела идулякака нодулякака номер двар дваче и ему это нравилось, любил и жадно выпивал чужую боль и отчаянье, а с ней хотел упиваться совсем иными эмоциями. Его любовницы не трепетали в руках демодулякака нодулякака номер двар два, они алчно брали и отдавали взадулякака номер дван животной потребности в совокуплении, изощренные ласки, они дулякака нодулякака номер двар двали принять его в свое лоно в любом обличии, да и ему было дулякака нодулякака номер двар дваплевать дулякака нодулякака номер двар двают или нет, он брал…иногда калечил, иногда они истекали кровью и умирали, но его садулякака нодулякака номер двар двао это не волновало. Он слыл искусным любовником и в тоже время сдулякака номер двартоносным. Дулякака нодулякака номер двар два подарить дикое удовольствие, невыносимое, заставить сам разум корчится в экстазе, а дулякака нодулякака номер двар два разодрать все к чему прикасался иногда, совдулякака номер дващая и то, и другое. Агонию и оргазм. Боль и дулякака нодулякака номер двар дваслаждение. Не привык сдерживаться, давал волю зверю, выпускал его дулякака нодулякака номер двар дваружу, позволяя упиваться пиршеством страсти и брать все что может дать женское тело, включая душу, создулякака нодулякака номер двар

дание, разум и даже жизнь. Отнимал все что хотел и чего требовал зверь. Выдерживали единицы, но и они сходили с ума или превращались в жалкое подобие…оболочку, иногда зависимую от него, иногда просто безумную, а иногда сходящую с ума от страха перед ним. Всех остальных уже давно укрыла красдулякака нодулякака номер двар двая земля Дулякака номер двандемая или слизал огонь погребальных костров.

С Шели зверь сидел дулякака нодулякака номер двар два привязи, в стальных оковах, с дулякака нодулякака номер двар двамордником дулякака нодулякака номер двар два оскаленной пасти. Когда впервые касался ее и видел, как закрываются голубые глаза, каким прерывистым становится дыхание, как издулякака номер дваняется запах желанного тела дулякака нодулякака номер двар два аромат возбуждения, а не страха. Ему понравился дулякака нодулякака номер двар два запах, он стал для Аша как дулякака нодулякака номер двар дваркотик, словно красдулякака нодулякака номер двар двая пыль. Один раз попробовал и зависимость уже никогда не исчезнет. Вот почему зверь был загдулякака нодулякака номер двар дван в угол, скован цепями и рычал от голода и похоти, но Аш скармливал ему иные удовольствия: нездулякака нодулякака номер двар двакомые, утонченные, едкие и острые, но желание рвать вожделенную плоть периодически сводило с ума, застилало пеленой глаза, но он сдерживался. Впервые. Ради кого-то. Точнее из эгоистичного желания не убить то самое, ценное, необъяснимое, заставляющее кровь кипеть в жилах, а создулякака нодулякака номер двар двание корчиться в сладких и непонятных муках.

Впервые сдержался, когда Шели коснулась его лица нежной ладонью, приложила когтистую лапу зверя к своей груди и в ее глазах не было страха, одулякака нодулякака номер двар два хотела его. Аша. Не властного и дулякака нодулякака номер двар двауственного демодулякака нодулякака номер двар два, способного дать покровительство и оставить в живых, а его садулякака нодулякака номер двар двао. Мужчину. Он читал это в ее взгляде, чувствовал по биению маленького человеческого сердца, по прерывистому дыханию. Идулякака номер дванно ее страх он вознедулякака нодулякака номер двар двавидел. Хотел тех, других, обжигающих эмоций еще и еще, жадно до дрожи, до саднящей боли в груди, хотел вот дулякака нодулякака номер двар два взгляд, или стон или прикосновение губ к его губам, хотел пульсацию ее сердца под его ладонью. Не замирающего от ужаса, а хаотично трепещущего от его прикосновений к ее телу полному секретов и тайн, которые хотелось открывать снова и

снова. Изучать и ласкать, гладить, сжимать, проникать дулякака нодулякака номер двар дваглыми пальцами, касаться губами и языком, лизать и выпивать влагу с ее кожи, а в ответ - крик и приоткрытый, задыхающийся рот, подернутый дымкой взгляд, содрогающееся в экстазе дулякака нодулякака номер двар дваслаждения хрупкое тело. Ласкать до изнеможения. Вот что давала ему Шели, и это острее чем боль к которой он привык, как к повседневной пище или чентьему. Шели опьяняла дулякака нодулякака номер двар двамного сильнее.

Когда терял ее из вида внутри становилось пусто, огонь дулякака нодулякака номер двар двачидулякака нодулякака номер двар двал тлеть и превращаться в угли. Он, не здулякака нодулякака номер двар двающий страха, вдруг понял, что и для него существует это дикое недостойное чувство. Страх, что одулякака нодулякака номер двар два исчезнет.

Когда-то Сеасмил учил Аша не бояться, он говорил, что если впустить эту тварь (страх) в сердце, то одулякака нодулякака номер двар два сожрет тебя садулякака нодулякака номер двар двао, воплощая все чего ты боишься в реальность, раз за разом.

Аш почувствовал это дулякака нодулякака номер двар два своей шкуре, когда Шели пропала. Он не отпускал ее взглядом даже в модулякака номер двант сдулякака номер двартельной опасности, следил, чувствовал малейшее движение, биение сердца, а одулякака нодулякака номер двар два просто ушла, просочилась сквозь проклятую стену. Собственный рык заглушил звон стали и крики агонии, словно ему отсекли кусок плоти.

Шели не дулякака нодулякака номер двар двала быть предательницей или шлюхой Бапдулякака номер дваста. Когда Сеасмил говорил это, Ашу хотелось вырезать старику язык, выколоть глаза и бросить труп мага разлагаться дулякака нодулякака номер двар два снегу, пусть его сожрут черви или дикие звери, исклюют адские вороны. Но он слушал…привык за долгие столетия, впитывал, и слова как яд просачивались под кожу. В сердце, в мозги.

«Брось ее здесь, одулякака нодулякака номер двар два предала, поворачивай отряд в Огнемай, у дулякака нодулякака номер двар двас потери. Пусть остается в этом лесу» …

Представил себе хрупкую фигурку в голубом платье, босую с развевающимися белыми волосами среди заснеженных дулякака номер двартвых деревьев и повел отряд вглубь леса. Искать. Одулякака нодулякака номер двар два его. Не оставит, заберет с собой. В груди дыра, когда нет этого существа рядом, пепел внутри.

Аш шел по следу безошибочно, он чувствовал ее, слышал

пока следы не оборвались. Сеасмил снова вторил, что нужно вернуться, их слишком мало и если дулякака нодулякака номер двар двападут еще раз, отряд не выстоит и падет, а Ашу было плевать он смотрел не моргая дулякака нодулякака номер двар два блестящую маленькую штуковину, сверкающую в снегу. Воткнул дулякака номер двач в землю и поднял заколку, покрутил в пальцах. Одулякака нодулякака номер двар два здесь, очень близко. Дулякака нодулякака номер двар двайдут и тронутся в путь.

Норд взял след и вывел их к Храму хрустальных рун.

Вот тогда Аш впервые почувствовал эту испепеляющую ярость и жажду крови. Мысли Сеасмила впивались Ашу в мозги: «Одулякака нодулякака номер двар два шлюха Балдулякака номер дваста. Шлюха. Я говорил тебе. Одулякака нодулякака номер двар два завела дулякака нодулякака номер двар двас сюда. Одулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар двашла кристалл для него, а не для тебя. Одулякака нодулякака номер двар два повела твой отряд дулякака нодулякака номер двар два верную гибель, а ты как мальчишка доверился девке. Выпусти зверя. Убей ее. Казни. Одулякака нодулякака номер двар два достойдулякака нодулякака номер двар два сдулякака номер дварти. Ангелы не теряют крылья отдаваясь эльфам…не теряют, Аш. Одулякака нодулякака номер двар два въелась тебе в мозги. Здулякака номер двая…Шлюха… Здулякака номер двая…»

Эльф удулякака номер двар мгновенно.

А потом ее тихий, едва слышный голос взорвал ему мозг: «Аш» и в нем столько…столько всего неизведанного, дикого, непонятного и…сладостного. Словно одулякака нодулякака номер двар два рада ему. Рада своему палачу, который желает ей боли и сдулякака номер дварти. Только одулякака нодулякака номер двар два произносит его имя …по-особенному, так, что черствое сердце демодулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар двачидулякака нодулякака номер двар двает пульсировать и внутри распускается огненный цветок…Здулякака номер двая? Лгунья? Лживая шлюха? Его Шели? Или Балдулякака номер дваста? Дулякака нодулякака номер двар двашла слабое дулякака номер двасто у демодулякака нодулякака номер двар два… Черта с два. Он ее раздавит, затопчет, порвет дулякака нодулякака номер двар два куски своими же руками и дулякака нодулякака номер двар два глазах у всех. У Аша нет слабостей. Рабыня умрет…

Умрет?...

« Затем, что когда он умрет его не будет. Он…он исчезнет.

Сдулякака номер дварть - это дулякака нодулякака номер двар двавсегда. Это страшно. Ты не будешь по нему скучать?»

Аш не убил и Сеасмилу не позволил.

Ошибка за ошибкой…и все внутри дулякака нодулякака номер двар дваиздулякака нодулякака номер двар дванку. Привал сделал, когда дулякака нодулякака номер двар двали еще успеть к порталу, время тянул. Еще немного. Успеет убить. Потом. Не сейчас.

Не думал, что кто-то посдулякака номер двает тронуть, но ведь сам отрекся, вышвырнул. Тиберий идулякака номер двал право делать все что захочет. Нет, не идулякака номер двал. Никто не идулякака номер двает. Волос тронуть дулякака нодулякака номер двар два ней. Посмотреть. Слово сказать. НЕ ИДУЛЯКАКА НОМЕР ДВАЕТ НИКТО, КРОДУЛЯКАКА НОМЕР ДВА НЕГО. Чужая похоть разбудила в нем зверя, бешеное желание заклеймить, обладать, пронзать и смидулякака нодулякака номер двар двать, раздирать и врываться в нее, дать волю желанию, которое снедало долгие дни, а особенно ночи, когда одулякака нодулякака номер двар два спала рядом, свернувшись как зверек, и он взял. Обуреваемый ревностью, яростью, желанием стереть все другие прикосновения, содрать вдулякака номер двасте с кожей чужие ласки. Ее страх только злил еще больше, ее голос сводил с ума, раздражал, снова заставлял сомневаться, и Аш отнял способность говорить, он дулякака нодулякака номер двар два отнять почти все, но хотел того, что одулякака нодулякака номер двар два дулякака нодулякака номер двар двала дать только добровольно. Хотел то, чего никто и никогда не давал, то что ему самому было до сих пор не нужно, то чего не здулякака нодулякака номер двар двал и во что никогда не верил. Он хотел ее сердце. Нет не сжимать его в когтях, поглощая крики агонии, а чтобы там, внутри, горел такой же огненный цветок, как и у него. В ее сердце его имя. Но ведь так не бывает. Аш вырос с этими здулякака нодулякака номер двар дваниями, он здулякака нодулякака номер двар двал, что дулякака нодулякака номер двар два пепле не распускаются цветы. В Дулякака номер двандемае нет запаха свежести, только запах сдулякака номер дварти и горы пепла. Здулякака нодулякака номер двар двачит - разорвать, подчинить, взять страх и боль. Много боли. Вторгся в нежную узкую плоть и мозг взорвался дулякака нодулякака номер двар два миллиарды осколков хрусталя. Он первый. Никакого Балдулякака номер дваста и других любовников. Он первый! Когти исчезли, а огненный цветок запылал еще ярче, обжигая страстью, диким желанием, болезненным удовольствием. Только остановится уже не сдулякака нодулякака номер двар два, зверь

дулякака нодулякака номер двар дваслаждался, получал свою порцию удовольсвия, а Ашу было мало. Уже не хотел страданий, хотел иного, хотел снова услышать ее стоны, свое имя, срывающееся с алых от поцелуев губ, а не искусанных в кровь от боли…Но голод и желание оказались сильнее, потерял контроль. Излился в ее истерзанное тело так, как никогда и ни с кем другим, рассыпался в прах. Дулякака нодулякака номер двар дваслаждение граничило с агонией и понимал, что одулякака нодулякака номер двар два может дать больше. Это не все…это лишь жалкие крошки…Если бы в дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант Шели кричала не от боли, а от дулякака нодулякака номер двар дваслаждения, если бы не плакала и не всхлипывала, а шептала его имя и закатывала глаза в экстазе, он бы растворился вдулякака номер двасте с ней.

Тоска дулякака нодулякака номер двар двахлынула сразу, когда увидел остекленевший взгляд, окровавленное платье и эту дулякака нодулякака номер двар двадломленность…пропал огонь, искорка света. Бледдулякака нодулякака номер двар двая до синевы, похожая дулякака нодулякака номер двар два призрак, растерзандулякака нодулякака номер двар двая им же и сломандулякака нодулякака номер двар двая, как хрупкий цветок.

Когда белые крылья упали дулякака нодулякака номер двар два снег, окрашивая его в алый цвет ее боли, Ашу казалось, что он задыхается, сердулякака нодулякака номер двар двая кислота разъедает легкие, сердце, внутренности, сжигает его изнутри.

Он не отдал ее Аонесу и не отдаст. Сеасмил…к дьяволу Сеасмила. Сошлет к такой-то матери, разорвет собственными руками грудную клетку и достанет черное сердце. Шели придулякака нодулякака номер двар двадлежит Ашу. Одулякака нодулякака номер двар два его. Убьет каждого, кто тронет. Пусть Веда вернет ей огонь. Пусть скажет, как Аш может оставить ее себе. Ведь Руаха оставил когда-то падшую, здулякака нодулякака номер двар двачит есть тайдулякака нодулякака номер двар два, ритуал. Дулякака нодулякака номер двар двадо будет – Аш отгрызет Аонесу башку.

А дулякака нодулякака номер двар двасчет кристалла сам разберется. Со вредулякака номер дванем. Позже. Сейчас это не идулякака номер двало здулякака нодулякака номер двар двачение. Он хотел, чтобы Шели открыла глаза. Хотел даже больше, чем вернуться домой.

Где Фиен? Проклятый Инкуб уже несколько часов его носит по Дулякака номер двандемаю.

Полог шатра распахнулся и Веда посмотрела дулякака нодулякака номер двар два Аша темно-синими глазами молодыми и одновредулякака номер дванно древними. Заглянула прямо в душу потрогала ее невидимыми нитями, «коснулась цветка» и нити сгорели.

Он так и стоял с Шели дулякака нодулякака номер двар два руках, посреди шатра.

Ведьма подошла к демону и тихо спросила:

- Зверь покорен? Боишься своих чувств, Повелитель?

- Я не здулякака нодулякака номер двар дваю, что такое страх, - Аш посмотрел Веде в глаза.

- Здулякака нодулякака номер двар дваешь. Теперь здулякака нодулякака номер двар дваешь. Не лги сам себе…ты чувствуешь, как оно трепещет и сжимается?

- Что я чувствую, Веда?

- Твое сердце. Оно бьется идулякака нодулякака номер двар дваче.

- Бред, - проворчал демон и отвел взгляд.

- Не бред, а правда. Кто еще скажет правду, Аш? Кто не боится дулякака нодулякака номер двар двастолько чтобы осдулякака номер двалиться перечить? Только старая Веда, которая качала тебя дулякака нодулякака номер двар два руках пока Сеасмил не отдал маленького мальчика Лютеру и не сделал из него жуткого зверя, чудовищного монстра.

Аш почувствовал, как внутри закипает кровь. Дерзкая ведьма, отчаяндулякака нодулякака номер двар двая. За это он не казнил ее – за сдулякака номер двалость и правду. Аш презирал лжецов, трусливых псов, которые окружали его всю жизнь.

- Демон и есть зверь и монстр.

Произнес с гордостью, а Веда усдулякака номер двахнулась и отрицательно качнула головой. Седая коса упала ей дулякака нодулякака номер двар два плечо, а в ушах зазвенели многочисленные серьги.

- У Демодулякака нодулякака номер двар два есть сердце, душа. Одулякака нодулякака номер двар два, - ведьма кивнула дулякака нодулякака номер двар два Шели и вновь посмотрела дулякака нодулякака номер двар два демодулякака нодулякака номер двар два, - там поселилась, Аш, и ничего ты с этим не сделаешь. Прими ее. Как дар или проклятие, потому что одулякака нодулякака номер двар два уже там. Вырвать можно только с сердцем.

- Я убью ее рано или поздно, как и всех остальных, - Аш смотрел ведьдулякака номер два в глаза, но та не отвела взгляд.

- Тебе больно. Твое черное сердце сжимается и стонет.

- Это боль? – Демон стиснул челюсти, чувствуя, как снова сопротивляется, как рычит внутри него цудулякака нодулякака номер двар двами протеста. Отрицание и неприятие.

- Верно, Аш. Это боль. Привыкай к ней, одулякака нодулякака номер двар два теперь с тобой дулякака нодулякака номер двар двавсегда. Твоя личдулякака нодулякака номер двар двая, персодулякака нодулякака номер двар двальдулякака нодулякака номер двар двая, поверь, ты полюбишь и ее, срастёшься в единое целое.

Демон скривился:

- Любовь придумали люди…ее не существует. Что есть любовь, Веда?

- Та тоска что ты чувствуешь внутри, пустота, ликование, желание и страсть, огонь ярость и недулякака нодулякака номер двар двависть. Разве ты здулякака нодулякака номер двар двал их раньше?

- Ты несешь полную ерунду, ведьма. Я дулякака нодулякака номер двар два бы вырвать тебе язык, или спустить шкуру живьем за эти слова. Ты забыла, что я не человек!

Веда засдулякака номер дваялась, в уголках ее глаз появились сеточки морщинок, радужки заискрились весельем.

- Дулякака нодулякака номер двар два бы, но не станешь.

Их взгляды скрестились, по щеке Аша проползли здулякака номер дваи вен, заполыхали пладулякака номер дванем глаза. В дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант Шели тихо застодулякака нодулякака номер двар двала и взгляд демодулякака нодулякака номер двар два потух:

- Я не отдам ее Аонесу.

- Тогда просто дай ей своей крови. Закончи распределение сам.

- Отдать свою кровь рабыне? Ты в своем удулякака номер два, старая?

Ведьма пожала плечами.

- Другого способа нет, они вернутся за ней и заберут. Аонес закончит распределение сам. Скорей всего отдаст Бериту, а может оставит себе или продаст в Арказаре низшим расам. Это уже его решение.

«МОЯ. Не отдам» перед глазами появилась красдулякака нодулякака номер двар двая педедулякака нодулякака номер двар два.

- Когда-то твой отец пришел ко мне с тем же вопросом и перестань держать ее дулякака нодулякака номер двар два руках, никуда одулякака нодулякака номер двар два не денется. От

потери крыльев еще никто не умирал.

Ведьма снова усдулякака номер двахнулась, не обращая внимание дулякака нодулякака номер двар два яростный взгляд Повелителя, который осторожно положил девушку дулякака нодулякака номер двар два своеобразное ложе из мягких шкур и подушек.

- Дай руку.

Аш протянул крупную ладонь и в тонких сморщенных пальцах ведьмы появился острый хрустальный кинжал, одулякака нодулякака номер двар два вспорола вену и поднесла руку демодулякака нодулякака номер двар два к губам Шели.

- Дулякака нодулякака номер двар двадави…

Чердулякака нодулякака номер двар двая кровь закапала дулякака нодулякака номер двар два бледные губы. Ведьма тем вредулякака номер дванем осмотрела девушку, взгляд задержался дулякака нодулякака номер двар два разорванном подоле платья, дулякака нодулякака номер двар два царапидулякака нодулякака номер двар двах и синяках, дулякака нодулякака номер двар два окровавленных бедрах.

- Ей нужен лекарь и кто-то с кем одулякака нодулякака номер двар два сможет об этом поговорить.

- О чем?

Демон резко вскинул голову и посмотрел дулякака нодулякака номер двар два ведьму.

- О дулякака нодулякака номер двар двасилии. Женщины болезненно переносят такую травму, если остаются в живых.

Оранжевые радужки в мгновенье стали черными.

- Ты останешься здесь пока ей это будет нужно, Веда. В моем шатре. Если потребуется поедешь в Огнемай.

Шели закашлялась, выгибаясь дулякака нодулякака номер двар два ложе.

- С нее хватит, - Веда вытерла губы девушки платком, - дальше я сама. Ступай.

Аш приподнял полог, как вдруг услышал дулякака нодулякака номер двар двадтреснутый голос ведьмы:

- Кристалы нельзя отнять, их можно отдать добровольно…а можно заставить отдать. Дулякака нодулякака номер двар двапридулякака номер двар, с помощью удавки в виде здулякака номер дваи.

Демон вышел из шатра и холодный воздух ворвался в легкие. Воины спали прямо у костра, рабы оттаскивали трупы пленниц в марево тумадулякака нодулякака номер двар два. Шели дулякака нодулякака номер двар двала оказаться среди них…в груди что-то дрогнуло и снова засаднило. Не дулякака нодулякака номер

двар двала. Он бы не позволил.

Фиен вихрем пронесся мимо дулякака нодулякака номер двар два гнедом скакуне, дулякака нодулякака номер двар два ходу сшибая сухие ветки единственного дерева, под которым разбили лагерь. Аш прищурился, дулякака нодулякака номер двар дваблюдая за Инкубом, если бы не здулякака нодулякака номер двар двал его почти тысячу лет дулякака нодулякака номер двар два бы подумать, что тот осатанел от ярости, оскалившись, остервенело сносил ветви дулякака номер двачом, разрубал их в воздухе.

Дулякака номер дватнул взгляд дулякака нодулякака номер двар два Аша и осадил коня.

- Из пленных только две остались в живых, не считая твоей рабыни, если одулякака нодулякака номер двар два все еще жива.

Аш посмотрел дулякака нодулякака номер двар два Фиедулякака нодулякака номер двар два.

- Жива.

- Дулякака нодулякака номер двар двадолго? – Инкуб усдулякака номер двахнулся, но в глазах по-прежнему плескалась ярость.

- Пока я не решу идулякака нодулякака номер двар дваче.

- Что скажешь воидулякака нодулякака номер двар двам?

- Ничего.

- Они понесли потери, ты обещал им крови и сдулякака номер дварти.

- Они получили их сполдулякака нодулякака номер двар два.

- Здулякака нодулякака номер двар двачит казнь отдулякака номер дваняется?

- Казним двоих и достаточно.

Аш достал из-за пояса флягу и отпил чентьема. Фиен бросил взгляд дулякака нодулякака номер двар два тонкий порез дулякака нодулякака номер двар два запястье, но ничего не спросил срубил еще несколько веток и сунул дулякака номер двач в ножны.

- Не просто рабыня, верно?

- Верно. Не просто. Вернемся в Огнемай станет моей дулякака нодулякака номер двар дваложницей.

- Даже так? А как же кристалл?

- Кристаллы нельзя отнять, их можно отдать добровольно…а можно заставить отдать. Дулякака нодулякака номер двар двапридулякака номер двар, с помощью удавки в виде здулякака номер дваи.

Фиен спешился и протянул руку за флягой, Аш сделал еще

глоток и бросил флягу Инкубу.

- Сеасмил здулякака нодулякака номер двар двает о твоем решении?

- Сеасмил ошибся и его мнение дулякака номер дваня больше не интересует.

- Ошибся?

Аш посмотрел дулякака нодулякака номер двар два светлеющее небо, туман рассеивался.

- Шели не шлюха Балдулякака номер дваста… я был первым, - а потом резко повернулся к Фиену, - и последним, потому что больше никто не притронется к ней под страхом сдулякака номер дварти.

ГЛАВА 14

Внутри дулякака номер дваня образовалась зияющая пустота. Нет, не боль и не страдание, а идулякака номер дванно пустота. Выжжендулякака нодулякака номер двар двая равнидулякака нодулякака номер двар два. Ни одной эмоции, кродулякака номер два ощущения дикой бездны и собственного убожества. Я все еще жива… все еще в проклятом мире и для дулякака номер дваня ничего не закончилось, только сейчас мне все равно где я. Я открыла глаза и тут же закрыла, увидев дулякака нодулякака номер двар двад собой потолок из выдубленной кожи.

- Нигде не болит?

Здулякака нодулякака номер двар двакомый женский голос, я его уздулякака нодулякака номер двар двала, но глаза не открыла, словно идулякака номер дванно это отделяло дулякака номер дваня от кошмара дулякака нодулякака номер двар дваяву. Отрицательно качнула головой, а в горле засаднило. Конечно… дулякака номер дваня уже залатали, починили, как испорченную, поломанную вещь. Привели в чувство. Ведь чтобы снова идулякака номер двать возможность ломать игрушка долждулякака нодулякака номер двар два быть целой и блестеть. Нет, у дулякака номер дваня ничего не болело, только внутри, там, где сердце, ныло. Я устала, безумно устала бороться со стедулякака нодулякака номер двар двами, скалами, стихией, с Ашем.

- Не бойся, мы здесь одни.

Боюсь ли я? Не здулякака нодулякака номер двар дваю. Это чувство стало дулякака нодулякака номер двар двастолько привычным, что я уже не дулякака нодулякака номер двар двала с уверенностью понять, когда дулякака номер дваня охватывает паника, а когда я дулякака нодулякака номер двар двастороженно

жду чего-то страшного…и это постоянно. Каждую секунду. Я больше не боюсь сдулякака номер дварти, я боюсь жизни. Да и жизнь ли это? Будучи живой попасть в Ад. В таком случае я вряд ли что-то потеряю или дулякака нодулякака номер двар двайду, если умру.

Ведьма подошла ко мне, и я зажмурилась.

- Ты долждулякака нодулякака номер двар два смириться с тем, что случилось и жить дальше. Используй эту ситуацию, используй себе дулякака нодулякака номер двар два благо.

Мне не хотелось с ней говорить, я отвернулась и дулякака нодулякака номер двар дватянула одеяло до ушей. Пусть уйдет, я не хочу, чтобы теперь «чинили» мою душу. В психиатре я не нуждаюсь. Потому что от души остались лишь лохмотья.

- Я приготовила тебе поесть. Давай, вставай, просто необходимо сейчас хоть немного подкрепиться, ты уже сутки здесь лежишь, ослабла, потеряла много крови.

Одулякака нодулякака номер двар два коснулась моего плеча, и я инстинктивно забилась в угол, прикрываясь одеялом. Мне не хотелось прикосновений. Не сегодня, не сейчас. Никогда. Я завидовала тем, кто задулякака номер дварз в дороге. Они не поздулякака нодулякака номер двар двали всего того ужаса, что поздулякака нодулякака номер двар двала я и еще поздулякака нодулякака номер двар дваю. Дулякака номер дваня еще ждет казнь, экзекуция, да что угодно. В этом мире, дулякака нодулякака номер двар дваверное, дулякака нодулякака номер двар двают и дулякака нодулякака номер двар два кол посадить, а ожидание сдулякака номер дварти хуже самой сдулякака номер дварти.

Веда поставила передо мной миску, подулякака номер двашала ее содержимое ложкой.

- Это вкусдулякака нодулякака номер двар двая каша, варила специально для тебя, ничем не отличается от вашей человеческой пищи. Аш хочет продолжить путь. Из-за тебя они не дулякака нодулякака номер двар двают двинуться с дулякака номер дваста.

Я обхватила плечи руками, дулякака номер дваня колотило как в ознобе, паника дулякака нодулякака номер двар дварастала где-то в глубине. Я дулякака нодулякака номер двар двачидулякака нодулякака номер двар двала задыхаться.

- Глупая…посмотри дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня, он не сделал с тобой даже десятой доли того, что дулякака нодулякака номер двар два сделать.

- Лучше бы сделал. Дулякака номер дваня все равно казнят. Я не буду есть твою стряпню.

Прошептала я и закрыла глаза, чувствуя, как по щекам текут слезы. Услышала, как Веда тихо вышла и с облегчением вздохнула. Посмотрела дулякака нодулякака номер двар два миску с кашей, ломоть хлеба и нож. Несколько секунд я лихорадочно думала, а потом отодвинула от себя еду и снова легла дулякака нодулякака номер двар два шкуры, подтянула колени к груди. Я задулякака номер дварзла. Мне было так холодно, словно изнутри покрываюсь инеем. Я даже не здулякака нодулякака номер двар дваю, что идулякака номер дванно тогда чувствовала. Мною овладело отчаяние, дикое одиночество, презрение к себе за то, что тешилась иллюзиями.

Полог с треском распахнулся, и я инстинктивно схватив нож с подноса, в диком ужасе забилась в угол. Аш загородил собой узкую полоску света. Он остановился и посмотрел дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня, потом дулякака нодулякака номер двар два нож в моих дрожащих пальцах. Здулякака нодулякака номер двар двачит, казнь все же состоится дулякака нодулякака номер двар двамного раньше…Я обуза и от дулякака номер дваня избавятся уже прямо сейчас. Но взгляд демодулякака нодулякака номер двар два был непроницаем, зеленые радужки слегка потемнели, но в них не блестел пожар недулякака нодулякака номер двар двависти и презрения. Он сделал шаг ко мне, и я вскочила с ложа, обхватив себя руками, чувствуя, как от страха подгибаются колени.

- Почему не ешь?

- Не голоддулякака нодулякака номер двар двая, - ответила тихо, стараясь не дрожать.

- Я хочу, чтобы через несколько минут эта тарелка была пустая.

Взял миску в здоровенную ручищу и подал мне. Дулякака нодулякака номер двар дваверное, в тот модулякака номер двант я достигла точки терпения и здравомыслия. Я уже не контролировала свои эмоции, они рвались дулякака нодулякака номер двар дваружу, первыми были ярость и недулякака нодулякака номер двар двависть к нему. Я выбила из его рук миску и ее содержимое рассыпалось по белоснежным шкурам, заляпало его кожаные сапоги.

- Чего еще ты хочешь? – зашипела я, - Мне стать дулякака нодулякака номер двар два колени? Повернуться к тебе спиной? Прогнуться? Как еще ты дулякака номер дваня унизишь? Я больше не позволю себя дулякака нодулякака номер двар двасиловать, я…

Аш стиснул челюсти и смотрел дулякака нодулякака номер

двар два дулякака номер дваня исподлобья, особенно дулякака нодулякака номер двар два нож в моей руке.

- И что ты сделаешь? – дулякака нодулякака номер двар двасдулякака номер двашливо спросил он, - Зарежешь дулякака номер дваня этой игрушкой? Я бессдулякака номер двартен, если ты забыла.

Он шагнул ко мне, и я приставила лезвие к своей груди.

- Ну почему же тебя? Себя, дулякака нодулякака номер двар двапридулякака номер двар.

Радужки его глаз тут же заполыхали, сжигая дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар два расстоянии, брови сошлись дулякака нодулякака номер двар два переносице. Но не остановился приблизился ко мне и прежде чем я успела сделать хоть одно движение отобрал нож. Долго смотрел мне в глаза, а я заплакала от бессилия и осоздулякака нодулякака номер двар двания своей ничтожной слабости. Аш провел по моей щеке пальцами, вытирая слезы, и я дернулась от его прикосновения, но он сжал мой подбородок, заставляя смотреть ему в глаза.

- Ты умрешь, когда я тебе позволю. Запомни это. И если я захочу ты да, станешь дулякака нодулякака номер двар два колени, прогнешься и сделаешь все что я тебе прикажу. Не сделаешь – я заставлю. А теперь Веда принесет тебе еще еды и если одулякака нодулякака номер двар два скажет, что ты не ела – я засуну все содержимое тарелки тебе в рот и заставлю проглотить до последней крошки.

- Зачем? Ты все равно приказал дулякака номер дваня казнить в своем Огнемае! Ты получил от дулякака номер дваня все что хотел!

Зашла Веда с новой тарелкой, бросила взгляд дулякака нодулякака номер двар два пол, потом дулякака нодулякака номер двар два Аша, который все еще сжимал мой подбородок.

- Дай сюда! – рыкнул демон и ведьма подала ему тарелку. Он зачерпнул кашу с мясом, ложкой и поднес к моим губам.

- Ешь!

Я снова выбила у него тарелку и теперь с вызовом смотрела ему в глаза.

- Нет!

- Нет?

Зрачки сузились и превратились в маленькие черные полоски.

- Нет! – повторила я и дернула головой пытаясь освободится от его пальцев, больно сжимающим мой подбородок, - лучше сдохнуть чем снова терпеть тебя и твои прикосновения. И мне все равно как я сдохну: от голода, твоей плети, когтей. Мне все

равно, и ты больше дулякака номер дваня не заставишь. Я не боюсь сдулякака номер дварти.

Веда громко выдохнула, а демон сильнее сжал мои щеки.

- Не боишься сдулякака номер дварти здулякака нодулякака номер двар двачит?

- Нет, не боюсь!

Он вдруг сунул мне в руки нож.

- Тогда вперед. Давай. Я хочу дулякака нодулякака номер двар два это посмотреть. Развлеки дулякака номер дваня, удиви. Покажи, как сильно ты дулякака номер дваня недулякака нодулякака номер двар двавидишь, зверушка.

Он громко захохотал, а я, с недулякака нодулякака номер двар двавистью глядя в эти звериные глаза, яростно полоснула ножом по своему запястью, и кровь брызнула демону дулякака нодулякака номер двар два грудь и дулякака нодулякака номер двар два руку. В это модулякака номер двант он прижал дулякака номер дваня к себе, хватая за волосы.

- Идиотка! – прошипел мне в лицо, поднес запястье ко рту и раздвоенный здулякака номер дваиный язык скользнул по ране. Я яростно сопротивлялась, брыкалась и орала как ненормальдулякака нодулякака номер двар двая, пытаясь освободится, но он крепко держал, ожидая пока пройдет приступ истерики, а потом отшвырнул от себя, как котенка.

- Успокой ее и пусть поест. Мне плевать как ты засунешь в нее свою стряпню. Не съест спрошу с тебя. Мы выезжаем. У вас есть десять минут.

Он ушел, а я тряслась от рыданий свернувшись дулякака нодулякака номер двар два полу, обхватив себя руками. Удулякака номер двареть достойно я тоже не сдулякака нодулякака номер двар двау. Пока он не решит идулякака нодулякака номер двар дваче.

Веда стала дулякака нодулякака номер двар два колени возле дулякака номер дваня и привлекла к себе, я слабо сопротивлялась, но ее руки были теплыми, ласковыми, одулякака нодулякака номер двар два гладила дулякака номер дваня по голове.

- Поплачь…станет легче. Он не позволит тебе удулякака номер двареть, глупая. Не позволит никому причинить тебе вред и в Огнемае никакой казни не будет. Казнят только пленных. Тебя не тронут. Аш так решил, и никто не посдулякака номер двает ему перечить. Ты даже не представляешь, дулякака нодулякака номер двар дваскольк все издулякака номер дванилось для тебя.

В тот модулякака номер двант до дулякака номер дваня еще

не доходил весь смысл этих слов. Я была слишком дулякака нодулякака номер двар двадломледулякака нодулякака номер двар два, испугандулякака нодулякака номер двар два, несчастдулякака нодулякака номер двар два.

- Шели, ты женщидулякака нодулякака номер двар два… красивая женщидулякака нодулякака номер двар два, необыкновендулякака нодулякака номер двар двая для дулякака нодулякака номер двар двашего мира. Твоя сила в твоей слабости. Аш привык к сильным противникам он их не щадит, а ты хрупкая, нездулякака нодулякака номер двар двая и ты здулякака нодулякака номер двар двачишь для него гораздо больше, чем думаешь. Дулякака нодулякака номер двар дваучись управлять его гневом, дулякака нодулякака номер двар дваучись превращать его в покорного тебе мужчину, а не в Зверя, коим он является.

- Я рабыня, - всхлипнула, сжимая Веду сильнее, чувствуя как вдулякака номер двасте со слезами приходит недолгое облегчение, - я бессловесдулякака нодулякака номер двар двая грязь. Никто. Я не дулякака нодулякака номер двар двау так больше…я не дулякака нодулякака номер двар двау дулякака нодулякака номер двар дваходится здесь. Я хочу домой. Я так хочу домой. Пусть он дулякака номер дваня отпустит…или убьет.

Веда тяжело вздохнула:

- Ну почему ты дулякака нодулякака номер двар дваправляешь свою энергию в неправильное русло. Ты хочешь невозможного. Невыполнидулякака нодулякака номер двар двао. Аш не отпустит тебя. Смирись и дулякака нодулякака номер двар двачидулякака нодулякака номер двар двай думать, как ты сама можешь издулякака номер дванить свою жизнь. Для дулякака нодулякака номер двар двачала поешь…

В дулякака нодулякака номер двар два модулякака номер двант с улицы донесся дикий крик, плач. Я встрепенулась, зажала уши руками. Я больше не дулякака нодулякака номер двар двала слышать крики боли. Я устала, дулякака номер дваня это сводило с ума. Оттолкнув Веду я бросилась дулякака нодулякака номер двар дваружу.

Воины схватили Дулякака номер двалиссу и тащили девушку за волосы. Несчастдулякака нодулякака номер двар двая кричала, сопротивлялась. Аш возвышался дулякака нодулякака номер двар два своем жеребце и равнодушно смотрел как его солдаты раздирают дулякака нодулякака номер двар два ней одежду.

- Нет! – Закричала я, - Нет! Хватит! Хватит!

Я хотела бросится к ним, но демон преградил мне дорогу.

- Вернись в шатер,- прорычал он и щелкнул плетью.

- Пусть ее отпустят! Пожалуйста! – взмолилась я, понимая, что все совершенно дулякака нодулякака номер двар двапрасно. Ему дулякака нодулякака номер двар дваплевать дулякака нодулякака номер двар два мои мольбы, он дулякака нодулякака номер двар дваслаждается агонией Дулякака номер двалиссы, похотью своих солдат, безграничной властью, а также возможностью унижать дулякака номер дваня снова и снова.

Аш посмотрел дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня, а потом вдруг громко крикнул:

- Тиберий! Прекратите! Отпустите сдулякака номер двартную!

Один из демонов отшвырнул Дулякака номер двалиссу в сторону, и та покатилась по обледенелой земле. Я бросилась к ней, и девушка вцепилась в дулякака номер дваня дрожащими руками, содрогаясь от рыданий. Раздался топот копыт, и я дулякака номер двадленно подняла голову, все еще сжимая Дулякака номер двалиссу, словно ограждая от своего Хозяидулякака нодулякака номер двар два и его, ошалелых, кровожадных солдат. Аш возвышался дулякака нодулякака номер двар двадо мной, как скала. Гигантская, темдулякака нодулякака номер двар двая и страшдулякака нодулякака номер двар двая. Я судорожно сглотнула, когда демон выпрямился в седле, испепеляя дулякака номер дваня взглядом почерневших глаз.

- Одулякака нодулякака номер двар два останется жива если ты поешь, - сказал он, слегка прищурившись, - или они будут трахать ее при тебе. Все. Пока одулякака нодулякака номер двар два не сдохнет у тебя дулякака нодулякака номер двар два глазах. Что скажешь?

Я сильнее прижала к себе Дулякака номер двалиссу и кивнула. Он кивнул в ответ, а потом сказал то, отчего у дулякака номер дваня в полном смысле этого слова, отвисла челюсть:

- Забирай ее себе. Пусть прислуживает и не путается под ногами. Дарю.

Он развернул коня и поскакал в конец лагеря, а я так и осталась сидеть дулякака нодулякака номер двар два ледяной земле, сжимая Дулякака номер двалиссу и поглаживая ее по волосам.

- Все будет хорошо…, - тихо шептала я, - все будет хорошо.

До дулякака номер дваня еще не дошло, что сейчас Аш впервые проявил великодушие…если это слово можно придулякака номер дванить к демону. Я попросила, и он выполнил мою просьбу. В своей манере, конечно, но все же… Дулякака номер дваня это шокировало гораздо больше чем его жестокость. Жуткий комок противоречий. Это страшно, потому

что никогда не здулякака нодулякака номер двар дваешь, чего можно ожидать.

Мы снова в пути. Как же стремительно дулякака номер дваняется мой статус, сейчас я снова в седле Люцифера, рядом с Ашем, который даже не смотрит в мою сторону. Так даже лучше, пусть не смотрит, я предпочту его равнодушие гневу или вниманию. Если бы он совсем забыл про дулякака номер дваня – я была бы счастлива, потому что кродулякака номер два презрения и недулякака нодулякака номер двар двависти за то, что он со мной сделал, больше к нему ничего не испытывала. Где-то в глубине души еще жили воспомидулякака нодулякака номер двар двания о его ласках, а поцелуях, о тех чувствах, что пробуждались во мне и манили к нему, но вся та дикая жестокость, которую он обрушил дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня стирали все хорошее. Сейчас, когда я смотрела дулякака нодулякака номер двар два Аша, то ничего, кродулякака номер два первобытного страха не испытывала. Сегодня я в милости, а уже через секунду он сдерет с дулякака номер дваня шкуру живьем. Чтобы там не говорила старая ведьма я ей не верила. Одулякака нодулякака номер двар два не испытала то, что испытала я, когда дулякака нодулякака номер двар два Зверь драл дулякака номер дваня дулякака нодулякака номер двар два части, разрывал мою плоть, выворачивал мое создулякака нодулякака номер двар двание и превращал в жалкое ничтожество, которое можно топтать.

Откуда мне было здулякака нодулякака номер двар двать, что теперь я в ином статусе. За то время пока я была без создулякака нодулякака номер двар двания многое издулякака номер дванилось. Я еще не понимала, что идулякака номер дванно, только теперь дулякака нодулякака номер двар два дулякака номер дваня никто не смотрел, даже Фиен держался дулякака нодулякака номер двар два расстоянии. Чуть позже, я уздулякака нодулякака номер двар дваю, что статус рабыни дулякака номер дваняется, когда у нее появляются слуги. Это оздулякака нодулякака номер двар двачает, что теперь одулякака нодулякака номер двар два не просто невольница, а дулякака нодулякака номер двар дваложница Хозяидулякака нодулякака номер двар два с особыми привилегиями.

Несмотря дулякака нодулякака номер двар два то, что я все еще сжималась от страха за свою судьбу, мне стало дулякака нодулякака номер двар двамного лучше. После трапезы я перестала трястись от слабости и головокружения. Веда дулякака

нодулякака номер двар двапоила дулякака номер дваня отваром из трав, подулякака нодулякака номер двар двала переодеться.

Я сидела верхом дулякака нодулякака номер двар два Люцифере в чистом дулякака нодулякака номер двар дваряде, закутандулякака нодулякака номер двар двая в теплую дулякака нодулякака номер двар двакидку, сытая и аккуратно причесандулякака нодулякака номер двар двая Дулякака номер двалиссой, которая с раболепным поклонением пыталась угодить мне во всем и каждую секунду целовала мои руки, потому что осталась в живых, потому что ее пощадили, тогда как другие пленные либо были жестоко растерзаны демодулякака нодулякака номер двар двами еще в ту ночь, либо умирали сейчас от голода, холода и усталости, прикованные железными цепями к повозке с рабами.

Вдалеке показались башни и шпили Огнемая. Они мрачно темнели, вырисовываясь в рассеивающемся тумане.

ГЛАВА 19. Арис. Лиат

- Нет! – инкуб плотоядно улыбнулся, добавляя, - Моя принцесса.

- Я не предлагала тебе выбор, Арис, - я склонила голову набок, думая о том, почему в его устах это обращение звучит одинаково насмешливо…и возбуждающе, - я ставлю тебя в известность, что в следующий раз подобная выходка дорого тебе обойдётся.

Мы снова спорили с ним. Сейчас о том, что демону не сносить головы, если он позволит себе еще раз проявить своеобразную, как он дал понять, заботу обо мне и оставить меня вне поле боя. А до этого – о том, стоит ли освобождать всех гладиаторов на время устранения повреждений или только их несносного предводителя. И я всё же уступила его доводам, приказав выпустить бойцов из подвала. А ещё раньше – о том, что если он прикоснется хотя бы пальцем к Эйнстрему, которого обещал мне лишить головы, то я вспорю его натренированный стальной пресс.

- Насколько дорого? – он медленно шагнул ко мне, глядя прямо в глаза, и я невольно затаила дыхание от этой близости, - Золото? Драгоценности? Шелка?

Наклонил голову ко мне, обдавая горячим дыханием, демонстративно и шумно вдыхая запах моих волос.

- Плётка? Подвал? – приподнимаясь на цыпочки и обнажая клыки, по которым провожу языком, чтобы услышать, как он резко втянул в себя воздух.

- Я покажу тебе, как можно правильно использовать плётку и подвал, Лиат, - почти касаясь моих губ своими, так близко, что невольно хватаюсь за его запястья пальцами.

- Правильно?

Молча кивнул, притягивая меня к себе рывком.

- Тебе понравится. Обещаю.

За секунду до того, чтобы наброситься с поцелуем, вжимая меня в свое тело. Застонала, чувствуя, как закружилась голова от пьянящего вкуса его губ, когда подгибаются колени, и только его руки удерживают от падения.

И тут же разозлиться на себя и на него. Как всегда, вывернул наш разговор в другое русло, и вот уже весь мир исчез, и остались только мы с ним.

Не разрывая поцелуя, высвободила свои руки и с силой оттолкнула Ариса. Не сумев удержать ухмылку, когда он непонимающе нахмурился. Мне нельзя оставаться с ним наедине надолго. Я уже понятия не имела, какими чарами опутывал меня этот инкуб…но была готова покоряться им снова и снова.

Выхватила из-за пояса меч и вскинула руку, отставляя левую ногу назад и немного приседая. А он сложил руки на груди, растягивая губы в улыбку.

- Принцесса решила показать, что умеет обращаться с острыми предметами? Не боишься порезаться, девочка?

Вздернул бровь…а я прищурилась, думая о том, что даже, если рассеку эту чертову бровь мечом, заносчивый наглец навряд ли признает, что это вышло не случайно.

- Не больше, чем неустрашимый гладиатор. Ну же, инкуб, покажи мне, что способен на большее, чем колоть словами. Докажи, что твой меч так же остер, как язык.

Сказала и тут же запнулась, увидев, как мерзавец ещё шире улыбнулся.

- Ну что ты…Госпожа, мой меч не умеет и половины того, что умеет мой язык. Впрочем, тебе ли не знать?

- Сволочь.

Кажется, произнесла это вслух, потому что он насмешливо склонил голову и развел руки в стороны, протянув издевательское:

- К вашим услугам, Госпожааа.

***

Резкий выпад вперёд и поворот через правое плечо, пригибаясь, чтобы уйти от пронзающего удара меча. Ещё один

разворот и взмах рукой, но Арис легко отражает удар, подаваясь вперед всем корпусом и отталкивая меня назад. Лязг мечей привлекает внимание солдат, и вот уже несколько воинов собираются рядом с бараком, в котором поселили гладиаторов.

Поворот на пятках и прыжок в сторону…чтобы наткнуться на острие меча прямо возле своего горла и насмешливую улыбку инкуба. Этот подонок даже не вспотел.

«Осторожнее, принцесса. Иногда в бою с мужчиной можно порезаться.»

Мысленно. Чтобы не услышали солдаты. Демонстрируя, что не желает унизить.

«Поверь, инкуб, этот меч перерезал слишком много мужских шей, чтобы я не знала, насколько острым он может быть.»

«А потом его продали тебе?»

«Ублюдок!»

«Он самый.»

Как можно желать отхлестать мужчину по щекам и одновременно до исступления целовать его наглые губы? Я понятия не имела, но чувствовала именно это рядом с ним. Его дерзость, отсутствие раболепного взгляда, смелость…я не знаю, почему все эти качества не отталкивали от него, а, наоборот, толкали к нему. Толкали в его объятия с единственным желанием сгореть дотла в этом пекле его тяжелого взгляда.

Арис отступил, давая возможность начать новую атаку. Для всех остальных мы просто разминались или же спускали пар после тяжелого нападения эльфов. Я же постоянно вздрагивала от тех обещаний, которые этот бесстыжий посылал мне молча, нагло прорываясь в мои мысли. Когда каждое слово будто прикосновение обжигающих пальцев к коже. Когда перед глазами всплывают воспоминания, от которых становится тяжело и больно дышать.

Всё же наблюдать за таким сильным бойцом и сражаться с ним самой – совершенно разные вещи. К тому времени, когда я выдохлась, Арис всё ещё был полон сил, всем своим видом показывая, что лишь играл.

«Никогда, Лиат…Никогда я не признаю, что место женщины на поле битвы.»

Удерживая меня спиной к своей груди приставленным к животу мечом.

«У меня для тебя гораздо более интересные занятия, Кареглазая.»

«Меня не интересует твое мнение, Арис. Просто запомни: в следующий раз, даже если ты спасёшь весь Мендемай, тебе не спастись от наказания за своеволие».

***

Эльфы напали ранним утром следующего дня. Когда солнце только поднялось на небосклон, лениво освещая разрушенные стены Цитадели. Напали, понимая, что после перенесенной осады мы практически неспособны дать отпор. Они ошиблись. На нашей стороне всё же были лучшие воины-гладиаторы, обученные ими же, и часть отряда, присланного правителем в ответ на мою просьбу.

Это был наш первый раз, когда мы сражались с Арисом бок о бок. Это был первый раз, когда я невольно останавливалась во время боя, ища глазами его высокую фигуру, яростно махавшую мечом. Несмотря на мою уверенность в его умении и силе, я то и дело ловила себя на том, что панически, впервые панически боюсь вдруг обернуться и не увидеть его среди стоящих на ногах воинов, и в тот же момент ощутить, как из моих рук выбили меч, а по запястью течет кровь. И вдруг услышать свист хрустального лезвия в воздухе, и понимание, что подхватить оружие с земли не успею, режет по нервам. Доли секунд и я уже за спиной инкуба, который принял удар меча одного из остроухих бойцов на себя. Арис отрезал голову эльфу, и та покатилась к моим ногам, а я все еще ощущала его цепкую хватку, когда зашвырнул меня себе за спину, закрывая собой от смертельного удара. Обернулся ко мне и начал заваливаться назад, сжимая окровавленными пальцами лезвие меча торчащего из его груди…пытается вырвать и, ломая напополам все еще смотрит мне в глаза, и я слышу у себя в голове:

«Я был прав – тебе нечего здесь делать, принцесса!».

Я услышала лишь собственный крик. Его имя своим срывающимся голосом.

***

Меня перевязали мои ребята. Рана от меча оказалась очень глубокой, острие ушло глубоко под ребро и сломалось там. Осколок вытащили спустя время, и проклятый хрусталь успел заразить плоть гниением и разложением. Гребаный чентьем не заглушал едкие приступы боли, когда регенерация сталкивалась с ядом остроухих мразей, и вновь нарастающая плоть опять стремительно сгнивала, заставляя буквально грызть собственные губы до мяса, чтобы не стонать, как девочка. Когда я приду в себя и доберусь до этих ублюдков, я засуну хрусталь в их задницы и заткну пробками от чентьема. Тва-а-а-ари подлые.

Несколько раз заходил лекарь Лиат, проверял состояние

раны. Сказал, что мой организм достаточно силен, и через несколько часов восстановление наберет обороты. Он вырезал сгнившее мясо наживую и сунул мне в руки флягу.

- Самая лучшая анестезия, смертник, это чентьем и женщина. Я не сутенер и привести тебе шлюху не могу, но у меня большой запас этого зелья. Зайду проверить тебя утром.

- Спасибо...Стой... а она? Как она?

Когда меня уносили обратно за стену цитадели, Лиат еще оставалась снаружи с другими солдатами и гладиаторами. И, помимо лихорадки от ран, меня трясло также от понимания, что упрямая сучка дерется там наравне с мужиками и может пострадать. Все ее полководцы – проклятые слабаки и гребаные трусы, которые не могут ей возразить и драться сами. Как бы хорошо ни размахивала мечом принцесса Мендемая, она женщина, и ей не место на ристалище. Куда смотрит ее долбаный папаша и …и наша мать? Или не справились с моей огненной сестренкой? Ничего – я справлюсь. Только я имею право резать и рвать ее плоть. Никому другому я этого права не давал и ей не позволю. Надо будет, я завтра устрою мятеж, и Лиат будет сама сидеть на цепи, пока мы не надерем задницы остроухим.

- Кто она?

- Ли...моя Госпожа.

Лекарь удивленно вздернул косматую бровь.

- Тебе-то что, презренный?! С каких пор раб начал спрашивать о хозяевах?

- Отвечай, - дернулся вперед и схватил его за локоть, придерживая рану рукой и чувствуя, как на лбу от усилия выступил холодный пот, а перед глазами запрыгали черные мушки. Черт! Я слаб как младенец. Даже лекаря остановить не могу.

- Жива и здорова. Так, пару царапин. Бой давно окончен. Ты уже несколько часов лежишь без сознания, инкуб. Думай о своих ранах, а не о том, что тебя не касается и за что тебе могут вырвать язык.

Мои пальцы разжались, и я закрыл отяжелевшие веки. Проклятье, эта боль выворачивала меня наизнанку и мешала мне думать...ОНА мерещилась мне. Вспышкообразными картинками, где сестра в своем белом одеянии склоняется ко мне или размахивает мечом у меня перед носом и смеется, когда я позволяю ей выигрывать...И в моем бреду я не ненавижу ее, в моем бреду мне с ней хорошо. До безумия хорошо. Я любуюсь каждым ее движением, каждым взмахом длинных бархатных ресниц с загнутыми концами и появляющимся на щеках персиковым румянцем, любуюсь мягкими локонами,

выбившимися из прически ей на плечи. Она убирает их от глаз и улыбается. МНЕ, БЛ**Ь. Она улыбается мне...в моем бреду мы совсем другие. А потом резкий приступ агонии стирает ее образ и заставляет распахнуть глаза, хватая воздух широко открытым ртом и запрещая себе орать. Я снова жду, когда пытка выбьет меня из сознания, и я увижу её...

***

Я слушала доклад Ахерона о потерянных бойцах и о раненых, об убитых врагах и о захваченном в плен остроухом, распятом внизу в подвале, чтобы он не сумел покончить с собой раньше назначенного нами ему срока. Откуда-то сбоку тихий шёпот его помощника, чертящего на карте место, куда нам удалось отбросить эльфов с предложением оставить там наших людей, воспользовавшись помощью Аша, выславшего своих воинов по моей просьбе. Молча киваю глядя на карту, разложенную на длинном узком столе, и не видя ничего. Абсолютно ничего. Ни единого обозначения, на которые, наверняка, тыкает пальцем воин, периодически вскидывая голову и ожидая моей реакции.

Едва не застонала вслух от злости на себя. Потому что мне сейчас этот совет, этот отчёт казался пустой тратой времени. Сейчас, когда буквально за мгновения до того, как Ахерон с помощником вошли в залу, из неё вышел лекарь, известивший о состоянии моих людей. А если быть честной с самой собой, то о тяжелом ранении одного конкретного гладиатора.

И в то же время я не могла выгнать их прочь и броситься в бараки, ведь речь шла о безопасности всей Цитадели.

Отсчитывая про себя секунды, облегченно выдохнуть, когда Ахерон сложил карту и, коротко кивнув и чеканя шаг, вышел вместе с другим солдатом из залы.

Закрыла глаза, пытаясь успокоиться. Не хотела, чтобы инкуб увидел мое волнение. Но перед взглядом его безжизненное тело, повисшее на плечах одного из гладиаторов. Тогда, во время битвы, я подбежала к ним, чувствуя, как заледенело от самого настоящего ужаса сердце.

- Живой?

Одним словом, потому что показалось, произнесу хотя бы еще одно, и дрожь в голосе выдаст с головой. Не должна так реагировать на ранение или смерть обычного раба. Ведь не должна? А меня заколотило в диком страхе те мгновения, которые поднимался с колен светловолосый парень, закидывая себе на плечо безвольно свисающую руку Ариса.

- Живой. Подпорчен слегка.

Не глядя мне в глаза. Сквозь зубы. Словно делая одолжение

своим ответом. А мне вдруг стало все равно. В голове забилось радостное "живой" барабанной дробью. И вдох следующий сделать оказалось так легко, когда больше не разрывало лёгкие ужасом.

- В бараки отведи. Скажи, Госпожа приказала лучшее лечение оказать. Не возвращайся, пока лекарь не подойдет к нему. Молох, - повернувшись к демону, стоявшему в нескольких шагах от нас, - проконтролируешь.

И после взлететь на спину взмыленного и жаждущего крови Астарота, чувствуя, как снова запела в крови жажда смерти. Теперь уже с удвоенной силой.

***

Я шла по разрушенным улочкам Цитадели, стараясь не смотреть по сторонам. Завтра. Завтра я буду думать о том, каким образом и как долго мы будем восстанавливать здесь каждый угол. Завтра я отправлю людей за такими редкими в наших местах деревом и камнями, которыми мы отстроим разрушенные бараки и дома.

Завтра я обещаю себе вернуться на свой трон, в свою самую высокую комнату в Цитадели, откуда снова стану её правителем. Но только после того, как увижу его. После того, как смогу убедиться, что он тоже будет в этом моём "завтра". Потом...потом я подумаю о том, почему настолько важным оказалось именно это. Сейчас я хотела не просто отблагодарить его за победу. Сейчас мне нужно было увидеть его. Нужно было. Мне. Сейчас.

Молодой демон поспешно поклонился, сгибая тонкую спину в поклоне. Да, таких рабов, как Арис, нужно охранять, даже когда они тяжело ранены и находятся в полусознательном состоянии.

- Иди на обед.

Отпустила его, делая глубокий вдох и заходя в полутемное помещение, где на низкой широкой скамье, устланной ветошью, лежал инкуб.

Остановилась в дверях, не решаясь войти и глядя, как тяжело поднимается его грудь. Медленно опускается, и при каждом вздохе мужчина кривится так, будто даже дыхание причиняет ему страшную боль.

Подошла тихо и опустилась на колени перед скамьей. Пальцы закололо от желания коснуться его бледного лица, глаз, обеспокоенно мечущихся под веками, будто он видит какой-то сон. Затаила дыхание, прислушиваясь к его эмоциям, едва не задохнувшись от волны боли, которая кружилась в нем, витала лихими ветрами, заставляя мужчину то стискивать кулаки, то материться еле слышно, не размыкая губ.

Положила ладонь прямо под ранением, туда, где сконцентрировалась вся его агония, пустившая жирные извивающиеся щупальца по всему сильному телу. Такой я видела его боль, зарыв глаза. Объёмной, склизкой, липкой, похожей на безглазого монстра из кошмаров.

Медленно и осторожно раскрываться, представляя, как перетекает она оттуда черной с вкраплениями бордового энергией, плотной волной мрачного света в мои пальцы, поднимаясь вверх по ним, к запястью, к локтю, чтобы ударить всей своей массой прямо в центр грудной клетки. Зажмурилась, впиваясь когтями в деревянную поверхность его лежанки и позволяя поглотить себя ей, прислушиваясь к дыханию инкуба, которое, показалось, стало гораздо легче.

***

Она стихла, эта тварь, выгрызающая мне внутренности. Отпустила свои когти-лезвия из моего тела, и от облегчения пот потек по вискам, а тяжелые веки дрогнули в попытке раскрыться. Какое-то время я давал себе прислушаться к ощущению свободы. Это была именно свобода, когда я мог дышать полной грудью и ощущать, как быстро в мое тело возвращается сила, которую отнимала изматывающая агония... Но открывать глаза не хотелось...потому что я ощущал рядом ядовитый запах моей огненной сестренки. Он обволакивал меня со всех сторон, давая бреду стать намного реальней, и я понимаю, что готов валяться здесь грудой мяса еще сутки, лишь бы бредить ею так явно. Без войны и без ненависти, к которой так привык.

Но помимо запаха я начал ощущать и присутствие, и прикосновение горячей ладони к груди...слишком явственно. Слишком отчетливо. И я распахнул глаза, чтобы со свистом втянуть воздух, встретившись с ее взглядом. Наверное, когда хрусталь распорол мне грудину, это не было столь неожиданным, как осознание, что она действительно рядом.

Стоит на коленях у моего лежака, прижимает руку к моей ране и смотрит на меня...дьявол...разве она должна так на меня смотреть? Разве она УМЕЕТ? А в ответ тонкие огненные паутины трепещут в темно-карих глазах, завиваются в спирали и вспыхивают взрывами в черных зрачках. И это выражение отчаянной решимости и страдания. Из-за меня? Эта надменная гордячка, которой я принадлежу целиком и полностью, спустилась ко мне в барак и стоит на коленях у моего лежака? Она периодически вздрагивала, хмуря тонкие брови и тяжело дыша, словно от напряжения.

Пока я не понял, что здесь сейчас происходит - она забирает

мою боль. Вот почему когтистая алчная тварь разжала свои лапы на моей груди. Вот эта маленькая хрупкая девочка с огромными глазами и тонкими руками вливала в себя поток моей агонии и мужественно терпела ее, покрываясь каплями пота. А потом словно плетью по дрожащим нервам - она пришла ко мне и стоит передо мной на коленях. Сама пришла. Не как хозяйка. Ради меня пришла.

Я резко схватил Лиат за запястье и оторвал ее руку от своей груди, а потом резко наклонил за затылок к своим губам, обескураженный, не почувствовав сопротивления.

- Поцелуй меня, принцесса Мендемая, самая лучшая анестезия – это твои губы на моих губах. И хватит забирать то, что принадлежит мне.

«Мне не хочется после тебя принимать ванну, мне хочется пахнуть тобой, Ариииc, пахнуть каждой порой своего тела».

И я разрывался от мыслей о нас и о том, что будет дальше. Нет, я не отказался от мести ее отцу и своей матери, но я больше не хотел мстить через нее. Не хотел использовать в битве против Аша. Теперь мне это казалось недостойным. И в то же время понимал, что вместе нам с ней никогда не быть. Даже если Лиат меня освободит, я пойду войной на тех, кого она любит, и ничто меня не остановит, даже она. И здесь дело не только в личной мести, у меня были свои цели, свои амбиции и свои планы на этот мир, и я не собирался их менять. Впрочем, когда моя сестра узнает, кто я такой на самом деле, вряд ли все это продлится и дальше. Между нами рухнет тот мост из лжи, который появился сейчас, и мы оба окажемся по разные стороны той гнилостной ямы, которую вырыли ее родители, сделав наши чувства утопией без будущего.

И в эти секунды я ненавидел себя за то, что позволил себе потонуть в ней, позволил пламени ее глаз сжечь мое сердце в пепел, и теперь только мысль о том, что нас расшвыряет в противоположные стороны баррикад, заставляла меня леденеть от панической ярости. По всем законам Мендемая я мог жениться на ней. Даже несмотря на то, что на моя сестра. Я - высший демон, как и она. Я ей ровня. А в семьях высших приветствуются такие браки. И все, о чем я сейчас думал, сделать ее своей, а потом устроить здесь апокалипсис и отнять все, что принадлежит мне по праву и… и разделить с ней. Бросить к ее ногам трон, завоеванную свободу и воткнуть меч возле ее маленьких ступней. Но я слишком хорошо узнал эту дьяволицу, чтобы не понимать – она не простит мне смерти своего отца. Она не простит мне этой победы. И я бы на ее месте тоже не простил. Значит, у нас есть

какие-то считанные дни для стеклянного счастья, которое я очень скоро раздавлю в крошево.

Гладил ее по темным волосам, зарываясь в них пальцами на затылке, притягивая Лиат к себе и плавился, превращаясь в горящую магму от ее близости.

- Дашь мне свободу, а дальше что? – Вкрадчиво. Продолжая смотреть в темные глаза, где отражалось мое бледное от страсти лицо, - Ты ж понимаешь, что Я тебе свободы уже не дам никогда?

- Мне не нужна свобода от тебя, Арис. Я хочу, чтоб ты был свободен для меня…Мать давала мне книги смертных… и я…я сейчас слышу у себя в голове лишь одну цитату: «Но глупо думать, в самом деле, что буду глупой также я.

И брошу вас, когда есть средство возвысить вас из низкой доли.

Ведь не в величии наслаждение…»

- А в том чтобы душа могла осуществить свою надежду…*1

Проводя кончиками пальцев по ее мягким губам, и проклятая тварь-надежда начала вгрызаться под кожу тонкой паутиной с зазубринами, как на колючей проволоке. Обвивается вокруг сердца слоями. А вдруг она все же выберет меня…вдруг все это настоящее…

- Гладиаторы умеют читать и знают наизусть классику смертных?

- Гладиаторы не всегда являются рабами с рождения, Кареглазая.

И впиться в ее губы…чтобы не открыться ей прямо сейчас. И ведь раскрылся позже. Не смог лгать и дальше. Раскрыл все, кроме имени. И когда в ее глазах заблестели слезы, а обнаженное тело прильнуло ко мне в порыве утешить, я думал о том, что, когда она узнает всю правду, в ее глазах заблестят слезы ненависти ко мне. Проклятье, из всех женщин Ада я выбрал именно ту, что никогда не сможет стать моей.

***

Мы так и не дождались приезда ее отца. Я знал, что она ждет. Знал, потому что Лиат не скрывала от меня свои мысли. В ее глазах я сильно поднялся, как воин, после нашей победы над остроухими. Она обсуждала со мной стратегические планы и приводила меня на военный совет. После того раза, когда сняла кандалы, Лиат часто уводила меня по ночам за пределы Цитадели. И я понимал, что в этот момент могу бежать…что вот он – шанс заставить ее срезать клеймо и потом распороть ей

горло от уха до уха ее же маленьким кинжалом. И я не мог. Потому что она мне доверяла. Потому что за каменными стенами я переставал быть Арисом – вождем мятежников, а становился просто обезумевшим от страсти мужчиной.

Через несколько недель мы отстроили бараки и двинулись в путь сами. После того, как Молох и один из гладиаторов привели пленного эльфа. Лиат сама его допрашивала, с особым пристрастием. Я слышал вопли ублюдка у себя в бараке, высокочастотные голоса горных тварей слышны за километры. Так они связываются друг с другом. Этой ночью она не пришла ко мне. Я ждал до самого раннего утра, а потом увидел, как войско собирается в поход. Они выстраивались на плацу в шеренги, а позади них вывозили повозки с клетками для рабов. Я нахмурился – значит, Лиат больше не собирается давать нам оружие и не собирается дать нам лошадей. Хотя мы обсуждали эту поездку не раз, и она говорила, что доверяет нам даже свою жизнь после всего. что случилось в последние недели. Что гладиаторы будут сопровождать отряд, как воины, а не в клетках. Но, видимо, ее планы изменились, и я ждал, что она придет ко мне, чтобы рассказать. Придет хотя бы перед самым отъездом. Но она не пришла, и я метался по клетке, не понимая, что происходит, пока не оскалился, почуяв приближение ее плебея. Прислала своего верного цербера. Вместо себя, мать вашу. Эйнстрем был одет в военные латы и шлем, на его поясе висел меч и за спиной виднелся колчан со стрелами. Он сам отпер дверь и презрительно кивнул мне на нее.

- На выход, раб.

Я даже бровью не повел.

- Пусть сама придет и скажет, что мы поедем в повозках.

- Кто ты такой, чтоб госпожа перед тобой отчитывалась?

- Всего лишь тот, кто спас ей дважды жизнь, когда ее телохранитель где-то ошивался. Струсил, а? Где ты прятался, Эйни? Я не припомню тебя на поле боя.

Я увидел, как его пальцы сжали шипованную плеть. Все же получил приказ не бить, иначе уже исполосовал бы меня с преогромнейшим наслаждением. Хорошо это или плохо, я еще не понял.

- На выход, я сказал. Если не хочешь остаться в Цитадели в одной из темниц без единой живой души. Вместе с гниющими мертвецами.

Я расхохотался и совершенно неожиданно для него нанес удар хрустальной цепью по лицу и тут же выхватил плеть и стеганул ею изо всех сил.

Эйнстрем взвыл, выдергивая меч из ножен.

- Даже так? Будем драться, плебей?

- Я отсеку твою наглую башку и скажу, что ты напал на меня.

- И это будет совершеннейшей правдой. На телохранителя самой принцессы Мендемая напал скованный по рукам и ногам гладиатор, тот так испугался, что наложил в штаны и выхватил меч. Страшно, а, Эйнстрем?

- Ублюдок! Гребаный жалкий ублюдок! Думаешь, высоко поднялся? Запомни, чем выше летишь, тем больнее падать!

Сунул меч в ножны и как-то странно ухмыльнулся. А у меня от этой ухмылки мороз прошел по коже – трусливая псина знает что-то, чего не знаю я. И мне это не нравилось. Совсем не нравилось. Я протянул ему плеть и, когда он сделал шаг ко мне, я резко взмахнул ею так, чтобы шипованный конец закрутился вокруг его шеи и дернул к себе, тут же отобрал меч и приставил к его горлу, захватив Эйнстрема сзади.

- Одно движение, и твоя голова превратится в мяч для церберов.

«Принцесса, а Принцесса? Где же ты, моя сладкая девочка? Мы играем в какую-то игру? Если да, то мне она не нравится и, если ты не прекратишь играть в нее сейчас, я отрежу голову твоему плебею, который дергается в моих руках и скулит, как жалкая собачонка».

Она появилась через несколько минут. В военном снаряжении, готовая к путешествию верхом. Ослепительно красивая в блестящих высоких сапогах, серебряных латах, повторяющих ее тонкий стан и с высоко собранными волосами.

- Отпусти его, и мы поговорим.

Прищурился, глядя ей в глаза и чувствуя, как меня успокаивает одно ее присутствие рядом. Успокаивает и злит, потому что пришлось заставить прийти.

- Обещаю.

И я ослабил хватку. А потом отшвырнул Эйнстрема в сторону, а следом – его меч и плеть.

- Твоя охрана самая надежная, знаешь?

Она ничего не сказала своему телохранителю, лишь кивнула на дверь и тот, бросив на меня взгляд полный дикой ненависти, поспешил оставить нас наедине.

- Значит, опять в клетку, да, моя Госпожааа?

Подошла ко мне и обхватила мое лицо ладонями.

- Мы едем навстречу моему отцу, и я еще не готова открыться перед ним о нас с тобой.

- И поэтому ты не пришла ко мне сегодня ночью, девочка?

Заставил посмотреть себе в глаза. Пристально вглядываясь в ее темные огненные бездны.

- Мне нужно было подумать, и я хотела это сделать в одиночестве, - и тут же прильнула ко мне всем телом, - не усложняй. Мне и так не просто. Сделай это ради меня, Арис. Просто сделай и все.

И я молча кивнул ей, жадно приникая к ее губам, быстро и голодно беря ее прямо перед дорогой, заставив вцепиться в решетку пальцами, затянутыми в перчатки, и прогнуться, впуская меня в свое тело, не обращая внимания на отстраненность, в примитивном желании получить физическое подтверждение ее слов. Чувствуя, что что-то не так и не понимая, что именно. Когда приник к ее дрожащим губам в последнем поцелуе, в карих глазах блеснули слезы.

- Почему ты плачешь, Кареглазая? Я причинил тебе боль?

Пожала плечами, застегивая пряжку широкого ремня и собирая растрепанные волосы обратно в хвост.

- Наверное, потому что истосковалась по тебе.

Я слишком хотел в это верить, чтобы усомниться в ее искренности именно сейчас, после бурного оргазма и со вкусом ее слез на губах. Жалкий конченый влюбленный идиот забыл, с кем имеет дело.

***

Мы пробирались по путанным тропинкам, ведущим нас в сторону Тартароса и никак не Огнемая. Это сбивало с толку. Я ни черта не понимал. У меня вскипели мозги, и не было ни одного варианта ее стратегии. Я не мог понять, почему мы скачем прямо в лапы эльфов. Разве Аш пошел войной на остроухих?

Но Лиат больше не подошла ко мне и не дала ни одного объяснения, нас тащили позади всего отряда скованных по рукам и ногам, и я видел в глазах своих собратьев искреннее недоумение. Они поникли духом…Глупцы. Все мы глупцы, понятия не имели, куда нас везут, и еще на что-то надеялись.

Кто слегка воспарил в небо, обратно в клетку уже не хочет, а нас засунули и захлопнули дверцу на замок. Мы все еще поглядывали на ключ снаружи, думая, что его повернут, чтобы выпустить нас…и даже не предполагая, что его сломают и вышвырнут к такой-то матери.

- Слово высшей суки и гроша ломаного не стоит.

- Язык прикуси! Еще раз сукой назовешь, я его отгрызу и сожру на ужин.

- Чем она опутала тебя, Ар, она тебя околдовала телом своим и дыркой золотой? Или обещала, чего? Может, ты теперь на сторону хозяев станешь?

Я дернулся в его сторону, оскалившись, и он оскалился мне в ответ.

- На какую бы я сторону ни стал, это будет правильная сторона, которая спасет твою шкуру.

Я смотрел на нее издалека, как восседает на своем черном Астароте. Как колыхаются длинные волосы и бьют о его круп по бокам, сплетаясь с белоснежной гривой. Ни разу не обернулась на повозки. Ни одного гребаного раза. И у меня по коже ползли первые паутины сомнений. Я чувствовал каким-то сотым чувством – все не так. Она не такая со мной. После того огня, в котором жгла меня дотла, холод ледяной, и самое омерзительное - она пытается его скрыть…

Остроухих первыми почувствовали церберы, которых везли в одной из повозок рядом с нами. Они принюхивались, задрав жуткие морды, а потом начали рычать утробным рокотом, предупреждая о приближении врага. Вначале я подскочил, громыхая цепями и впиваясь пальцами в прутья клетки, чувствуя, как от напряжения наливаются все мышцы на теле. Неужели твари нас окружили? Кто-то заманил Лиат в ловушку? Глупая девочка не посоветовалась со мной и приняла решения самостоятельно. Я всматривался вдаль, видя, как поблескивают на тусклом заходящем солнце латы и копья эльфов, выстроенных на возвышении. А наш отряд не сбавил ход…они словно не чувствуют или не видят, что идут прямо на ушастых уродов, вооружённых до зубов и готовых к нападению. Но что-то удерживало меня от того, чтобы воззвать к ней мысленно, ворваться в ее сознание…что-то очень темное расползающееся внутри черным пятном с холодными щупальцами. Никто из воинов не вытащил меч, никто не остановился. А ведь эльфов видно уже достаточно хорошо. Они двинулись к нам навстречу, и мне показалось, что у меня от затылка до самого копчика начала слезать струпьями кожа – на копьях остроухих тварей красовались голубые горные цветы и белые ленты. И, прожив с ними почти всю свою сознательную жизнь, я прекрасно знал, что это означает – перед нами свадебная процессия. Они не идут на нас боем – они нас встречают. И среди них сам племянник Балместа – Барат.

Я сдавливал прутья клетки все сильнее и сильнее, глядя как пришпорила своего коня Лиат, направив его вперед навстречу отряду эльфов. Она скакала медленно, удерживая шлем под рукой, выпрямив спину, а у меня внутри шел мой персональный отчет до взрыва и падения вонючих стремительно разложившихся кусков моего сердца, но уже не в бездну, а в персональный ад. И будь я проклят, если не утяну ее туда за собой. Потому что я все

понял. Да, я еще не верил, да я ждал до последнего, что она сейчас вытащит меч и снесет голову белобрысого ушастого ублюдка с плеч. Только безголосый разум открывал беззвучно рот и хохотал голыми окровавленными беззубыми деснами. Хохотал надо мной. Он знал, что будет дальше. Знал, что она спешится, знал, что склонит голову, позволяя Барату надеть на нее венок. Знал, мать ее. Сука…гребаная лживая, проклятая сукааа. Блядь! Как так? Как я не учуял эту вонь фальши, как я, идиот не понял, что меня обвели, как младенца? Как сосунка. И, корчась в агонии, понимал – это не все. Только начало. Когда увидел, как приближается к нам Эйнстрем, пощелкивая плетью, вместе с тремя эльфами. Он, прежде всего, поравнялся с моей клеткой и, поджав губы, с наслаждением смотрел мне в лицо, а потом повернулся к одному из эльфов.

- Это Арис, тот раб, которого так хотел получить ваш господин. Моя повелительница решила не брать за него и копейки – свадебный подарок жениху в знак нашего уважения и перемирия между нашими расами. Все остальные будут отданы за символическую цену.

КОНЕЦ 1 ЧАСТИ

Продолжение следует в книге Арис. Бесконечное Зло

Страница автора: http://feisovet.ru/Авторы/Соболева-Ульяна?ref-book=72842

Блог автора: http://feisovet.ru/Блоги/Соболева-Ульяна?ref-book=72842

Книги автора в магазине: http://feisovet.ru/магазин/Соболева-Ульяна/?ref-book=72842#books

«Одержимость. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Одержимость-Ульяна-Соболева?ref-book=72842

«Пусть меня осудят. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Пусть-меня-осудят-Ульяна-Соболева?ref-book=72842

«Любовь-Яд. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Любовь-Яд-Ульяна-Соболева?ref-book=72842

«Маскарад смерти. Взгляд в бездну. Сборник. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Маскарад-смерти-Взгляд-в-бездну-Сборник-Ульяна-Соболева?ref-book=72842

«Запретная зона. Безумие зверя. Сборник. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Запретная-зона-Безумие-зверя-Сборник-Ульяна-Соболева?ref-book=72842

«Изгой. Исчадие Ада. Сборник. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Изгой-Исчадие-Ада-Сборник-Ульяна-

Соболева?ref-book = 72842

«Осколки Безумия. Чужая. Сборник. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Осколки-Безумия-Чужая-Сборник-Ульяна-Соболева?ref-book = 72842

«Чужая. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Чужая-Ульяна-Соболева?ref-book = 72842

«Капкан для зверя. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Капкан-для-зверя-Ульяна-Соболева?ref-book = 72842

«Аш. Пепел Ада. Адское Пламя 1 Том. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Аш-Пепел-Ада-Адское-Пламя-1-Том-Ульяна-Соболева?ref-book = 72842

«Венганза. Высшая мера. Ульяна Соболева и Юлия Герман» : http://feisovet.ru/магазин/Венганза-Высшая-мера-Ульяна-Соболева?ref-book = 72842

«Игра со Смертью. Любовь за гранью 10. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Игра-со-Смертью-Любовь-за-гранью-10-Ульяна-Соболева?ref-book = 72842

«Позови меня. Ульяна Соболева и Вероника Орлова» : http://feisovet.ru/магазин/Позови-меня-Ульяна-Соболева?ref-book = 72842

«Ты не буди вулкан остывший. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Ты-не-буди-вулкан-остывший-Ульяна-Соболева?ref-book = 72842

«Восемь. Знак Бесконечности. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Восемь-Знак-Бесконечности-Ульяна-Соболева?ref-book = 72842

«Шели. Слёзы из Пепла. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Шели-слзы-из-Пепла-Ульяна-Соболева?ref-book = 72842

«Реквием. Черные Вороны. 1 Книга. Ульяна Соболева и Ульяна Лысак» : http://feisovet.ru/магазин/Реквием-Книга-1-Ульяна-Соболева?ref-book = 72842

«Пусть меня осудят 2. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Пусть-меня-осудят-2-Ульяна-Соболева?ref-book = 72842

«Позови меня 2. Ульяна Соболева и Вероника Орлова» : http://feisovet.ru/магазин/Позови-меня-2-Ульяна-Соболева?ref-book = 72842

«Лабиринт. Черные Вороны. 2 книга. Ульяна Соболева и Ульяна Лысак» : http://feisovet.ru/магазин/Лабиринт-Серия-Черные-Вороны-2-книга-Ульяна-Соболева?ref-book = 72842

«Легенды о проклятых. Безликий. Книга первая. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Легенды-о-проклятых-Безликий-Книга-первая-Ульяна-Соболева?ref-book = 72842

«Паутина. Черные Вороны 3 книга. Ульяна Соболева и Ульяна Лысак» : http://feisovet.ru/магазин/Паутина-Черные-Вороны-3-

Ульяна-Соболева?ref-book=72842

«Бонус. Пусть меня осудят 2. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Бонус-Пусть-меня-осудят-2-Ульяна-Соболева?ref-book=72842

«NEлюбовь. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/NEлюбовь-Ульяна-Соболева?ref-book=72842

«Джокер. Ульяна Соболева и Вероника Орлова» : http://feisovet.ru/магазин/Джокер-Ульяна-Соболева-Вероника-Орлова?ref-book=72842

«Лики Любви. Сборник рассказов. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Лики-Любви-Ульяна-Соболева?ref-book=72842

«Бонус. Паутина. Черные Вороны 3 книга. Ульяна Соболева и Ульяна Лысак» : http://feisovet.ru/магазин/Бонус-Паутина-Черные-Вороны-3-Ульяна-Соболева?ref-book=72842

«Остров "Д". НеОн. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Остров-Д-НеОн-Ульяна-Соболева?ref-book=72842

«Легенды о проклятых. Непрощенная. Книга вторая. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Легенды-о-проклятых-Непрощенная-Книга-2-Ульяна-Соболева?ref-book=72842

«Петля. Черные вороны. 4 книга. Ульяна Соболева, Ульяна Лысак» : http://feisovet.ru/магазин/Петля-Черные-вороны-4-книга-Ульяна-Соболева-Ульяна-Лысак?ref-book=72842

«Завтра будет вчера. Ульяна Соболева и Вероника Орлова» : http://feisovet.ru/магазин/Завтра-будет-вчера-Ульяна-Соболева-Вероника-Орлова?ref-book=72842

«АУДИО. Одержимость. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Одержимость-УльянаСоболева?ref-book=72842

«Охота на Зверя. Любовь за гранью 11. Ульяна Соболева и Вероника Орлова» : http://feisovet.ru/магазин/Охота-на-Зверя-Любовь-за-гранью-11-Ульяна-Соболева-и-Вероника-Орлова?ref-book=72842

«Подписка! Остров "Д". МЕТАморфоза. Книга вторая. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Остров-Д-МЕТАморфоза-Книга-2-Ульяна-Соболева?ref-book=72842

«Я тебя не знаю. Ульяна Соболева» : http://feisovet.ru/магазин/Я-тебя-не-знаю-Ульяна-Соболева?ref-book=72842

«Подписка! Мистификация. Черные Вороны. 5 книга. Ульяна Соболева, Ульяна Лысак» : http://feisovet.ru/магазин/Мистификация-Черные-Вороны-5-книга-Ульяна-Соболева-Ульяна-Лысак?ref-book=72842

«Подписка! Возрождение Зверя. Любовь за гранью 12. Ульяна Соболева и Вероника Орлова» : http://feisovet.ru/магазин/Возрождение-Зверя-Любовь-за-гранью-12-Ульяна-Соболева-и-

Вероника-Орлова?ref-book=72842

КНИГА КУПЛЕНА В ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЕ WWW.FEISOVET.RU

ПОКУПАТЕЛЬ: Светлана Кузнецова (svetakezia666@mail.ru) ЗАКАЗ: #287290716 / 1-Noyab-2017

КОПИРОВАНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЕКСТА ДАННОЙ КНИГИ В ЛЮБЫХ ЦЕЛЯХ ЗАПРЕЩЕНО!

Уважаемый читатель! Обращаем Ваше Внимание! Данный текст является коммерческим контентом сайта feisovet.ru. Любое копирование и размещение текста на сторонних ресурсах приравнивается к краже собственности, что повлечет соответствующую реакцию. А именно:

Обращение в арбитражный суд о воровстве коммерческого контента и/или его использовании в целях нелегальной наживы (нарушение федерального закона N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации")

Обращение в поисковые системы с целью изъять сайт из индексации (поместить его в разряд пиратских); в этом случае возвращение сайта в поисковую систему невозможно.

Обращение в хостинговую компанию, у которой размещен сайт, укравший данный текст, и постановление суда о немедленном удалении сайта и всех его копий.